

ББК 84Р7
Ш78

В. Шевелев

Ш78 Диктаторы и боги. — Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1999. — 320 с.

Кем вошел в историю генерал Пиночет — палачом своего народа или спасителем отечества? В чем смысл скоропалительной казни Чаушеску? Чем руководствовался Пол Пот, осуществляя геноцид в собственной стране? Каким образом удалось Мао Цзэдуну превратить сотни миллионов китайцев в бессловесных рабов, загипнотизированных его «божественной аурой»?

Диктаторы второй половины XX века, ставшие божествами для своих подданных, — Мао и Чаушеску. Тиран, обуреваемый идеями коммунизма, — Пол Пот. Наконец, генерал Пиночет, ярый борец с коммунистической угрозой в Чили. В книге рассматриваются скрытые пружины деятельности этих диктаторов, методы, которыми они реализовали свою политику.

ISBN 5—222—00675—1

ББК 84Р7

© В. Шевелев, 1999

© Оформление, изд-во «Феникс», 1999

Вступление

*Чем события интересней
для историка, тем они печальней
для современников.*

Крупные социальные потрясения и перемены, личности, с которыми их связывают, — это, пожалуй, наиболее интересные и вместе с тем самые труднообъяснимые сюжеты мировой истории. Действительно, разве подлежит рациональному объяснению и четкому определению деятельность Гитлера и Муссолини, Сталина и Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена и Пол Пота, Франко и Пиночета, Чан Кайши и Сухарто, Саддама Хусейна и Муамара Каддафи.

Они брали в свои руки власть, чтобы спасти страну от нарастающей анархии, а общество — от распада. Это вытекает из всех их деклараций и заявлений. Но можно ли провести четкую границу между «лучшими побуждениями» и примитивными властными амбициями. Постепенно государственный эгоизм правителя перерождался в животную трусость человека у власти. Диктатор «для народа» неизбежно становился диктатором «для себя». Отсюда — их страх утраты власти, отсюда — уничтожение потенциальных конкурентов, подавление инакомыслия, наконец, крупномасштабные репрессии. Подобная «одержимость властью» — отличительная черта XX

не совсем обычное. Впрочем, совсем недавно, 29 июня, здесь, на площади, уже была стрельба, когда командир бронетанкового дивизиона подполковник Роберт Супер поднял мятеж и двинул свои танки «Шерман» на Ла Монеда. Тогда это выступление было подавлено. Но сейчас, похоже, дело затевалось более серьезное.

Вскоре по радио послышался напряженный голос диктора: «Прокламация военной правительственной хунты!

Учитывая чрезвычайно серьезный экономический, социальный и моральный кризис, подрывающий страну... президент республики должен немедленно передать свои высокие полномочия чилийским вооруженным силам и корпусу карабинеров.

Чилийские вооруженные силы и корпус карабинеров едины в своей решимости взять на себя ответственную историческую миссию и развернуть борьбу за освобождение отечества от марксистского ига и за восстановление порядка и конституционного правления.

Рабочие Чили могут не сомневаться в том, что экономические и общественные блага, которых они добились на сегодняшний день, не будут подвергнуты большим изменениям.

Печать, радиостанция и телевизионные каналы Народного единства с этого момента должны прекратить передачу информации, иначе они будут подвергнуты нападению с суши и с воздуха.

Население Сантьяго должно оставаться дома во избежание гибели ни в чем не повинных людей.

Коммюнике подписали:

— от вооруженных сил Чили генерал Аугусто Пиночет, адмирал Хосе Торибิโอ Мерино, генерал Густаво Ли;

— от корпуса карабинеров генерал Сесар Мендоса».

Уже вскоре все мировые телеграфные агентства лихорадочно передавали «горячую» новость в эфир. Так планета впервые услышала это имя — генерал Пиночет. Имя, вскоре оказавшееся в одном ряду с именами самых известных диктаторов XX века.

После оглашения заявления военной хунтой по радио «Порталес» выступил президент Сальвадор Альенде: «Я заявляю, что не уйду со своего поста и своей жизнью готов защищать власть, данную мне трудящимися!» Спустя некоторое время радиостанция «Порталес» была подвергнута бомбежке с воздуха и замолчала. Хунта держала свое слово.

Около 10 часов утра появившиеся на площади «Шерманы» начали обстрел Ла Монеда, в котором находился Альенде и около сорока защитников дворца. По радио передали приказ хунты № 2, в котором предлагалось всем защитникам Ла Монеда сдаться, иначе в 11 часов дня дворец будет взят штурмом. Президент ответил отказом. «Шерманы» окружили дворец и стреляли по окнам. Около 12 часов дня самолеты начали обстрел Ла Монеда ракетами. Всего было сделано от семнадцати до девятнадцати залпов. Дворец горел. Около 14 часов мятежники заняли нижний этаж Ла Монеда. После того, как погиб президент, оборона дворца продолжалась. Все было кончено около 15 часов.

На следующий день по радио и телевидению передали заявление хунты о том, что Альенде покончил жизнь самоубийством и уже похоронен в городе Винья-дель-Мар. Что на самом деле произошло с президентом — был ли он убит или же покончил с собой — до сих пор неизвестно.)

На ряде столичных заводов и фабрик бой шли в течение всего дня. Есть немало свидетельств, что, заняв тот или иной завод, солдаты убивали коммунистов, социалистов и профсоюзных лидеров. переворот все спишет! Свирепствовали боевики ультраправой организации «патриа и либертад». Улицы столицы патрулировались днем и ночью. С 18 часов действовал комендантский час, когда запрещалось выходить из дома. Шли повальные обыски и аресты.

Так начиналось «утро» Аугусто Пиночета — изменника, заговорщика, путчиста, поднявшего руку на законного, всенародно избранного президента страны, своего главнокомандующего, приказы которого он обязан был неукоснительно выполнять.

Так начиналось «утро» Аугусто Пиночета — главаря реакционной военщины, палача чилийского народа, потопившего страну в крови, уничтожившего, по некоторым оценкам, в своих стенах более тридцати тысяч человек.

Так начиналось «утро» Аугусто Пиночета, который за годы своей диктатуры создал предпосылки для превращения страны в одно из самых процветающих государств в Латинской Америке и будучи патриотом своей страны твердо отстаивая ее независимость и суверенитет, в

итоге вывел Чили на путь демократического развития.

Так кто же он, генерал Аугусто Пиночет?

Тиран или благодетель? Палач или спаситель отечества? Изменник или патриот?

Политическая судьба Пиночета началась с трагической гибели президента Чили Сальвадора Альенде. Эти два лидера небольшой латиноамериканской страны навсегда вошли в историю XX века. Один из них — интеллигент, романтик, страстный борец за «счастье народа», человек со своими, устоявшимися представлениями о Добре и Зле. Другой — скрытный, нелюдимый «солдафон», чьи глаза постоянно скрыты за темными очками, страстный почитатель порядка и стабильности, «По-настоящему чилийского правителя не знает никто. Свой истинный облик генерал всегда тщательно и мастерски скрывал, окружение и публика видели лишь очередную маску»¹.

Два человека, две сложных, противоречивых, трагических фигуры.

Последними словами, которые президент Альенде произнес по радио, когда Ла Монеду уже обстреливали ракетами самолеты мятежников, были следующие:

— Я верю в Республику Чили, в ее будущее. Не мы, так другие переживут эту мрачную, горькую годину и покончат с предательством, рвущимся к власти. Знайте: скоро, очень скоро распахнется перед нами широкая дорога и освобожденное человечество пойдет по этой дороге навстречу новому, прекрасному будущему. Это — мои последние слова, и я не сомневаюсь — жертва

не напрасна. Я уверен, люди вынесут свой справедливый приговор, они осудят вероломство, трусость и предательство.

Сальвадору Альенде не удалось указать чилийскому народу светлую дорогу. Свой путь для страны указал его убийца — генерал Аугусто Пиночет.

В девяностые годы у генерала Пиночета в России появилось немало почитателей. Еще недавно его именовали в наших газетах и журналах не иначе как «фашистом», «палачом», «главарем хунты». Но с начала девяностых «имидж» Пиночета в нашем общественном сознании претерпел такую разительную трансформацию, что впору говорить о полной смене «минуса» на «плюс». Для многих наших соотечественников Аугусто Пиночет — символ экономического «бума», олицетворение стабильности и порядка, та «железная рука», которая только и способна спасти Россию и вывести ее на «светлый путь», без ухабов и рытвин.

— Генерал! Вы должны помочь России. Только вы можете спасти мою родину от бесплодной дискуссии — нужен ли моей стране российский Пиночет, — с такими словами обратился к генералу наш журналист, собираясь брать у него интервью².

Альенде и Пиночет. Две личности, две судьбы. Две драмы.

Так кто же из них остался победителем?

1. Сальвадор Альенде

Чили — страна сравнительно небольшая. На узкой полосе суши, что протянулась на пять тысяч километров вдоль тихоокеанского побережья от Огненной Земли до Перу, проживают всего тринадцать миллионов человек. Считается, что для Европы ее открыл знаменитый Магеллан. Впрочем, Чили как государства тогда еще не существовало, а на побережье проживали племена индейцев. Затем последовала испанская колонизация. Независимость была завоевана в 1818 году.

Город Сантьяго, нынешнюю столицу Чили, основал испанский конкистадор Педро де Вальдивия, который прибыл сюда из Перу во главе отряда из ста пятидесяти солдат в начале 1541 года. Он и дал городу имя покровителя Испании апостола Яго (Якова).

Американский публицист Э. Бурстин как-то заметил, что чилийцы лелеют мифы о себе. Один из самых распространенных мифов — это то, что в Чили все всегда происходит мирным путем, в соответствии с конституцией и законами. Однако история свидетельствует, что с 1818 до 1973 года в стране были и гражданские войны, и государственные перевороты, и неудавшиеся попытки путчей. Хотя, действительно, конституционная традиция, заложенная Диего Порталесом в XIX веке, всегда была достаточно сильной. Первая конституция (1833 года) учредила здесь республику с авторитарной президентской властью.

Бурная политическая жизнь, пожалуй, всегда отличала Чили. Сильной здесь была не только конституционная традиция. В Чили всегда на особом положении находилась армия с ее духом элитарности и непогрешимости. Не в пример другим латиноамериканским странам, чилийская армия уже с прошлого века стала хорошо отлаженным механизмом. В 1886 году сюда была приглашена прусская военная миссия во главе с Эмилем Кернером, который вскоре становится начальником генерального штаба вооруженных сил Чили. Именно тогда и была создана мощная и высокопрофессиональная армия. При этом обществу постоянно внушалось, что только армия является гарантом стабильности и соблюдения законности.

Однако в XX веке военные сами нередко вмешивались в дела политиков, свергая неугодных и ставя у власти своих людей. В 20-е годы страной управлял полковник Ибаньес, которого называли «Муссолини Нового Света». Позднее, в 1952 году в возрасте 75 лет он станет президентом страны. Летом 1932 года другой военный, полковник Грове, пришел к власти и провозгласил Чили «социалистической республикой». Впрочем, продержалась она всего 12 дней. В начале 30-х годов в течение двух недель здесь даже существовали Советы рабочих, солдат и крестьян, затем, в 1938—1941 годы действовал Народный фронт. Эта особенность — страсть к «левизне», к радикализму, к неопределенным «идеалам социализма» — также отличала чилийское общество.

В начале 50-х годов на политической сцене Чили появляется социалист Сальвадор Альенде.

В 1952 году он впервые принимает участие в предвыборной президентской кампании, однако тогда с восьмикратным перевесом победил Карлос Ибаньес дель Кампо. В 1958 году на президентских выборах Хорхе Алессандри обошел Сальвадора Альенде всего на 30 тысяч голосов. В 1964 году на выборах победил христианский демократ Эдуардо Фрей, обойдя Альенде на 400 тысяч голосов. Тогда команда Фрея использовала все мыслимые и немыслимые методы, чтобы выиграть. На улицах были расклеены афиши такого рода: «Чемпионат мира! Фрей (Чили) — Альенде (Россия) — 2 : 1. Повторим успех наших футболистов на выборах!» Некоторые радиопередачи начинались звуками автоматной очереди и истеричным женским криком «Убили моего сына! Это коммунисты!» В 1969 году сформировалось движение Народного единства, объединившего левые силы. Коммунисты (Луис Корвалан) и социалисты (Альенде) играли в этом блоке ведущую роль. Противостояли Народному единству национальная партия и демокристане. Программа Народного единства была достаточно четкой и недвусмысленной: «покончить с господством империалистов, монополий, помещичьей олигархии и начать в Чили строительство социализма»³. В экономике должен доминировать государственный сектор. Предусматривалась национализация финансов, особенно частных банков и страховых компаний, внешней торговли, промышленных монополий.

В январе 1970 года Сальвадор Альенде был выдвинут кандидатом в президенты от Народного единства. Кроме него в предвыборной борьбе

участвовали еще два кандидата. Демохристиан представлял Радомиро Томич, адвокат, бывший посол Чили в Соединенных Штатах Америки. Другим кандидатом был Хорхе Алессандри, крупный промышленник, входивший в число самых богатых людей страны. Официально он выступал как независимый кандидат, но его поддерживала Национальная партия.

Выборы состоялись 4 сентября 1970 года. Ранним утром 5 сентября стало известно, что победу одержал кандидат Народного единства Сальвадор Альенде, набравший на 39 тысяч голосов больше, чем кандидат, занявший второе место, — Хорхе Алессандри. Выступая по случаю победы перед своими сторонниками, Альенде заявил: «Я буду не просто еще одним президентом. Я буду первым президентом первого подлинно демократического, национального и революционного правительства в истории Чили... Мы создадим народное правительство, которое будет защищать интересы страны и народа. Это правительство будет проводить независимую внешнюю политику и бороться за экономическую независимость Чили»⁴. Подобная «революционная риторика» отличала практически все выступления Альенде, однако, похоже, он искренне верил в то, что говорил.

4 ноября он вступил на пост президента и сформировал правительство, в которое вошли представители всех партий Народного единства. Одним из первых внешнеполитических шагов Сальвадора Альенде стало восстановление дипломатических и торгово-экономических отношений с

коммунистической Кубой. Начинается политика национализации. Альенде говорил: «Я хочу ясно и твердо предупредить предпринимателей, которые эксплуатируют трудящихся и не соблюдают законы о труде, что их дни сочтены». Слово было сказано. Начинаются стихийные захваты мелких и средних предприятий. Все это подавалось как «народная приватизация».

В художественно-документальной повести советского писателя Валерия Алексеева «Пепельный сентябрь» есть такая зарисовка. Активисты Левого революционного движения (МИР, отсюда — «миристы»), в основном молодежь из трущоб на окраине столицы, решили экспроприировать обувную фабрику — убогое строение, скорее мастерскую, чем серьезное предприятие.

— Мы, и только мы, выкуриваем буржуазию, расширяем базу революции, — разглагольствует Виктор, один из «миристов». — Без нас Альенде еще долго топтался бы на месте. Мы двигаем революцию вперед!

Несмотря на протесты хозяина, заявившего, что его фабрика по закону экспроприации не подлежит, «миристы» изгнали его с территории фабрики. Но вот реакция рабочих, один из которых говорит:

— Похозяйничаете с полгода, закроете фабрику из-за убыточности, а нас — на улицу. Кругом ведь так. Пока под хозяином, и сырье поступает, и торговцы товар берут. А комитет начнет заправлять — ни сырья, ни сбыта.

! В июле 1971 года конгресс Чили принимает предложенный Альенде закон о конституционной

поправке, гласившей, что «государству принадлежит полное, исключительное и неотъемлемое право на все рудники... месторождения угля, нефти и газа и другие полезные ископаемые». К концу 1971 года государственный сектор производил уже около 50 % валового национального продукта страны.

Сальвадор Альенде преклонялся перед Мао Цзэдуном, Хо Ши Мином, Фиделем Кастро и Че Геварой. В одном из интервью в 1970 году он заявил, что ни одна латиноамериканская страна, кроме социалистической Кубы, не решила главные для народа проблемы. В 1971 году, когда французский журналист Режи Дебре, участник партизанского отряда Че Гевары в Боливии, посетил Чили, Альенде дал ему большое интервью. Альенде считал, что можно вооружить народ, чтобы отстоять завоевания революции. В день мятежа подполковника Супера 29 июня 1973 года он призвал рабочих занять все предприятия и быть готовыми к «защите своих завоеваний». А если будет необходимо, говорил Альенде, народ получит оружие.

Фидель Кастро, с которым Сальвадора Альенде давно связывали довольно тесные отношения, прибыл в Чили с визитом 10 ноября 1971 года и пробыл в стране почти месяц, до 5 декабря. Верный себе, он чуть ли не каждый день выступал на митингах, встречался с рабочими и крестьянами. Он учил Альенде и «чилийских трудящихся», как надо «делать революцию» и бороться с врагами. Выступая 2 декабря 1971 года на митинге на Национальном стадионе в Сантьяго, он говорил, что

враги ведут себя так нагло, потому что видят слабость в революционном процессе, в идеологической борьбе.

— Вы переживаете момент, когда фашисты, а мы их так и будем прямо называть, пытаются отвоевать у вас улицу, пытаются перетянуть на свою сторону средние слои населения. Если хотите знать мое мнение, то успех или неудача этого беспрецедентного процесса будет зависеть от идеологической борьбы и борьбы масс, будет зависеть от умения, искусства и научной подготовки революционеров⁵.

Позднее, уже после ухода в отставку, генерал Пиночет в одном из интервью говорил, что Куба заслала в Чили пятнадцать тысяч боевиков. А заправлял всем этим кубинский генерал Ла Гуардия, которого Фидель Кастро сначала наградил орденом, а потом расстрелял за связь с наркомафией. Тут Пиночет немного напутал. Антонио де ла Гуардия на самом деле был не генералом, а полковником МВД. Действительно, есть свидетельства, что ла Гуардия, которого называли «кубинским Джеймсом Бондом», пользовался особым доверием Кастро. Поговаривали, что в октябре 1962 года во время Карибского кризиса, ла Гуардия был направлен Фиделем Кастро со спецзаданием в Нью-Йорк, где он должен был заложить взрывчатку под здание ООН или под Бруклинский мост. И действительно, в 1971 году ла Гуардия находился несколько месяцев в Чили, где помогал команде Альенде. Расстрелян же он был за связь с наркодельцами по приказу Кастро в 1989 году.

Со временем в Чили обострились социально-экономические проблемы. Усиливали свою деятельность оппозиционные силы. Страну стали сотрясать забастовки, массовые манифестации. Недовольство населения нарастало. Осенью 1972 года началась общенациональная забастовка владельцев грузового автотранспорта и торговцев. «Масло в огонь» подлили международные корпорации, фактически установившие экономическую блокаду Чили. Были закрыты внешние источники финансирования и кредитования. Крайне негативную позицию в отношении правительства Народного единства занимала администрация США, недовольная внутренней и внешней политикой Сальвадора Альенде, который быстро сближался с Кубой и Советским Союзом. Информированная и объективная французская газета «Монд» писала: «В течение трех лет политические отношения между США и Чили определялись двумя факторами: отказом в займах правительству в Сантьяго и активной поддержкой деятельности ЦРУ, способствовавшей ухудшению экономического и финансового положения»⁶.

Позднее комиссия Сената американского конгресса расследовала деятельность ЦРУ в Чили в годы правления Народного единства и установила, что «разведчики» материально и морально поддерживали оппозицию, в том числе и ультраправые группировки, и способствовали подрывной деятельности в отношении правительства Сальвадора Альенде.

Мощным средством в руках оппозиции стали средства массовой информации. Когда Народное

единство пришло к власти, в его руках не было ни одной из 120 радиостанций, и только 20 % газет его поддерживали. А оппозиционные средства массовой информации действовали четко и слаженно, не останавливаясь перед оскорблениями правительства и призывами к гражданскому неповиновению. Идеологическим рупором антиправительственных сил была газета «Меркурио». Большую роль в обострении обстановки играло и то, что две полярные силы — ультралевые миристы и правые «ястребы» из «Патриа и либертад» создавали атмосферу страха, подавленности, дискомфорта, в которую все больше погружались средние слои, ремесленники, торговцы, мелкие и средние предприниматели.

Сам Сальвадор Альенде все больше подпадал под влияние радикальных кругов соцпартии. По сути дела он отвернулся от большинства своих избирателей, тех, благодаря которым он и стал «народным президентом». Обострялась ситуация и внутри правительственной коалиции. Это вынужден был признать даже глава компартии Луис Корвалан. Выступая в мае 1972 года на пресс-конференции, он говорил:

— Страна переживает в настоящее время очень трудный момент. Он труден не только потому, что мы встречаем серьезное сопротивление со стороны внутренней и внешней реакции, но и потому, и об этом мы должны сказать со всей откровенностью, что в Народном единстве наступил серьезный кризис. Кризис в определении политической линии, политической ориентации⁷.

В ноябре 1972 года, в условиях нарастания

социальной и политической нестабильности, Альенде реорганизует правительство и вводит в него представителей вооруженных сил: генералов Карлоса Пратса и Клаудио Сепульведу, а также адмирала Исмаэля Уэрту. После этого обстановка в стране несколько стабилизировалась. В марте 1973 года состоялись парламентские выборы. Партии Народного единства получили почти 44 процента голосов, на 7 процентов больше, чем на президентских выборах. Оппозиция получила 56,6 процента голосов, но две трети мест в парламенте набрать не сумела.

В стране все труднее становилось с продуктами питания. Рост инфляции свел на нет результаты перераспределения доходов. В мае 1973 года в президентском послании конгрессу Альенде писал: «Мы должны признать, что оказались неспособными создать соответствующее новым условиям руководство экономикой, что нас захватил бюрократический смерч, что у нас нет необходимых инструментов для изъятия прибылей буржуазии и что политика перераспределения доходов проводилась в отрыве от реальных возможностей экономики». Режим Альенде оказался на распутье: или последовательно осуществлять правительственную программу, или отказаться от нее и вступить на путь противостояния с конгрессом, где сторонники Альенде были в меньшинстве. Под давлением экстремистски настроенных сил в социалистической партии президент все больше склонялся ко второму варианту. Глава соцпартии сенатор Альтамирано выступал против каких-либо переговоров с демохристианами. Правые газеты называли его «тигр социализма».

Депутаты парламента требовали от президента взять под контроль ситуацию, покончить с нарастающей нестабильностью, социальным распадом. Верховный суд Чили неоднократно направлял Альенде представления о нарушении принципа разделения властей. Так, 26 мая 1973 года в его послании отмечалось: «Верховный суд в очередной раз вынужден заявить Вашему превосходительству о незаконных действиях административных властей, вмешивающихся в судебные дела, а также о препятствиях, чинимых карабинерами выполнению распоряжений уголовного суда, которые в соответствии с законом должны выполняться беспрекословно; все это представляет собой открытое и упорное противодействие судебным решениям, причем не принимается во внимание, что такая деятельность или бездеятельность вызывает нарушение правопорядка; все это, кроме того, означает уже не кризис правового государства, о чем говорилось Вашему превосходительству в предыдущем обращении, а неминуемый подрыв правосудия в стране»⁸.

2 июля 1973 года Генеральный контролер республики отказался подписать декрет президента, который провозглашал частичную реформу конституции. Неделю спустя последовало совместное заявление председателя Сената Фрея и председателя Палаты представителей Парето, в котором действия президента и правительства объявлялись незаконными. Альенде, в свою очередь, все больше проявлял недовольство деятельностью парламента. Вместе с тем, он отчетливо сознавал всю опасность создавшейся ситуации. В начале августа

Альенде на встрече с высшими офицерами заявил, что в стране зреет государственный переворот. По его мнению, разгулом террора и экономической дезорганизацией правые силы пытаются создать обстановку, благоприятную для военного мятежа.

8 августа президент назначает генерала Пратса министром обороны в своем правительстве. Однако уже 21 августа, после демонстрации у дома Пратса, когда прозвучали требования отстранить министра обороны от власти, тот подал в отставку. Именно тогда Аугусто Пиночет стал главнокомандующим сухопутными войсками. В силу какого-то мистического совпадения, в тот же день, 22 августа, парламент принимает «Соглашение палаты», где правительство Альенде было по сути дела объявлено вне закона, а сам президент обвинен в нарушении конституции. Особенно серьезным было то, что «Соглашение» практически призывало вооруженные силы к неподчинению властям, пока те «не встанут на путь законности».

В «Соглашении» говорилось, что правительство Сальвадора Альенде стремится захватить всю власть, установить самый жесткий экономический и политический контроль со стороны государства и таким путем утвердить тоталитарную систему. Правда, документ этот не имел юридической силы, поскольку собрал в Палате депутатов лишь простое большинство и даже не был направлен для утверждения в Сенат. Однако, учитывая тогдашнюю сложную внутривнутриполитическую ситуацию, оно обладало мощным пропагандистским воздействием.

Социалисты, в ответ на нападки оппозиции (по их терминологии, «происки контрреволюции»), активизируют «революционную деятельность» в армии. Страна все увереннее двигалась к катастрофе. Между тем генералы внимательно следили за ходом событий, все более сознавая, что Альенде и стабильность — «две вещи несовместные».

2. Армия

История свидетельствует, что в Латинской Америке армия нередко вмешивалась в политическую жизнь. Поэтому вряд ли события 11 сентября 1973 года считать чем-то неожиданным. Таковыми они были только для стороннего наблюдателя. «Неожиданными» события эти стали и для тогдашней советской общественности, отрезанной от объективной информации. За последние 150 лет в Латинской Америке совершено примерно 550 (!) военных переворотов, не считая неудавшихся путчей.

Когда в Чили произошел военный переворот, во многих латиноамериканских странах у власти уже стояли военные режимы. Летом 1973 года военные Уругвая, сформировав Совет генералов (действовал до 1985 года), установили контроль над правительством. В Никарагуа с 1936 по 1979 годы была диктатура Самосы. С 1977 по 1982 существовал военный режим в Сальвадоре. Перечень этот можно продолжать и продолжать. В свое время Никколо Макиавелли заметил: «Заговор представляет собой самое опасное и рискованное

предприятие, где затруднения и опасности встречаются на каждом шагу; так что из многих затеваемых заговоров удается очень мало». Однако в Латинской Америке заговоры и перевороты — дело привычное, по крайней мере еще в недавнем прошлом. Как, впрочем, и в Африке.

Нигде армия не обладала столь существенными традициями участия в политической жизни, как в Латинской Америке. Недаром здесь говорят: «Если армия и не управляет сама, она решает, кто управляет»⁹. Именно армия нередко рассматривалась и рассматривается как единственная сила, способная обеспечить порядок и стабильность, предотвратить хаос и анархию. Армия осознает себя как верховного носителя идей национализма и выразителя общих интересов. Если конституционная власть не в состоянии обеспечить стабильность и порядок, то армия как общенациональный институт способна вмешаться в политическую жизнь и отстоять «единство нации».

Здесь офицерский корпус объединен чувством профессиональной корпоративной солидарности. В беседе с журналистом лейтенант запаса чилийской армии говорил, что офицеры «чувствуют себя вне социальных классов. Они — офицеры армии, а это повыше, чем что-либо другое. Это максимум престижа — быть офицером чилийской армии, — армии, оставшейся непобежденной во всех ее войнах, армии прусской выучки (они не забывают напоминать об этом, и это для них самое важное), армии традиционной старой выучки»¹⁰.

Чилийский офицер должен обладать непременно атрибутами престижа, быть привержен определенным ценностям. Чувство корпоративной солидарности воспитывается с самого начала обучения и подготовки офицера. Чувство превосходства — отличительная черта чилийского офицерского корпуса. Тот же лейтенант запаса говорит: «Чилийские офицеры насмеются над другими армиями. Они с большим пренебрежением относятся ко всем другим армиям, говорят, что только чилийская армия умеет строиться, маршировать, владеть оружием по прусскому образцу — единственно хорошему». Представители военно-морского флота Чили презрительно относятся к аргентинским и перуанским морякам, но зато восхищаются американским флотом и его моряками.

Уже после переворота, в феврале—марте 1974 года в Чили побывал корреспондент западногерманского журнала «Штерн». Он так описывал свои впечатления: «Презрение ко всему гражданскому, преклонение перед дисциплиной, возвеличивание милитаристского духа — характерные черты чилийской армии»¹¹. Чем это было вызвано? Во многом тем, что в Чили армия стоит преимущественно на позициях средних слоев. Когда в начале нашего века юноши из аристократических семей стали терять интерес к военной карьере, в офицерские училища пошла молодежь из средних слоев общества. Только флотские офицеры долгое время выделялись из общей массы, но затем и там аристократия утратила господствующие позиции. Объясняя причины пренебрежительного

отношения к простому народу, что отчетливо проявилось в ходе сентябрьских событий 1973 года, чилийский социолог говорил так: «Средние слои, как и крупная буржуазия, всегда испытывали ненависть ко всем, кто плохо одет, к грязным людям. Это страх перед тем, что рабочие и крестьяне могут занять какое-то место в руководстве страной. В связи с тем, что вместе с Сальвадором Альенде к власти пришли рабочие, крестьяне и эти «плохо одетые босяки» стали даже министрами — все это вызвало шок в средних слоях и у буржуазии вообще, а отсюда и в среде военных. А молодые люди, которые обучаются в военных училищах и обрабатываются в соответствующем духе, ощущают еще и давление семейного воспитания»¹².

Подавляющее большинство высших офицеров и генералитета получили образование или же проходили длительную стажировку в Соединенных Штатах Америки. В зоне Панамского канала Пентагон еще в начале 40-х годов создал учебный центр для латиноамериканских военных: базы Форт-Гулик, Форт-Шерман и другие. Позднее в Форт-Гулике была организована «Школа Америк», через которую до 1973 года прошли 1261 чилийский военный, 565 аргентинцев, 647 уругвайцев, 340 бразильцев, 844 парагвайца. Все они в ходе обучения и стажировки подвергались соответствующей идеологической обработке.

Рядовые солдаты, по преимуществу выходцы из бедных слоев, также в своих частях соответствующим образом воспитывались. Прежде всего у них формировали неприязнь к рабочим, которые все

«являются марксистами», к интеллигенции, к иностранцам — «агентам недружественных государств». Из разговора с лейтенантом запаса:

— Главный враг — внутренний, гражданский, и прежде всего плохо одетый босяк. Потому что босяк — это марксист, а марксист выступает против единства государства, всей нации.

Враг внешний — это всякий, кто находится вне национальной территории. В чилийской армии все обучение направлено на то, чтобы внушить войскам, что врагами внешними являются Аргентина, Боливия и Перу¹³.

После прихода к власти на Кубе в 1959 году коммунистов во главе с Фиделем Кастро идеи социализма и радикализма стали распространяться по всему латиноамериканскому континенту, находя благодатную почву среди маргиналов и люмпенов, а также части «революционной» интеллигенции. В этих условиях офицерский корпус опасался, что в случае прихода к власти радикалов армия может быть ликвидирована и заменена «народной милицией».

Вскоре после переворота в Чили была издана книга «Сентябрь 1973 года: сто боев одного сражения». На первой ее странице было указано, что это издание осуществлено при содействии армии. Этот сборник рассказов, очерков и стихов интересен тем, что представляет собой своеобразную коллективную точку зрения армии, нечто вроде менталитета чилийского военного, прошедшего через «горнило» индоктринации.

Вот описание допросов задержанных в министерстве обороны:

— Вдоль всех стен шли допросы, было много иностранцев, одни из них говорили, что они студенты, другие называли себя иностранными торговцами, работающими в Чили.

Многие из этих импортированных партизан и иностранных псевдостудентов были захвачены врасплох на месте преступления. Многие из них были явно из так называемых революционеров, новых людей страны, они стали жертвами больного сознания, которое на протяжении этих трех лет им вдалбливали путем промывки мозгов и насаждения ненависти. Взамен им обещали бесплатно блага небесные. Жители самых нижних поселков ждали, что марксистское правительство даст им дома, предоставит им все блага, а они и пальцем не пошевелят, чтобы работать, не говоря уж об иностранных революционерах: это были не более чем наемники, завербованные международным коммунизмом в целях посеять ненависть, недоверие среди чилийцев, а в конечном счете убить тех, кто думал или действовал не так, как они¹⁴.

Все сказанное в значительной мере объясняет, почему так много крови было пролито в дни переворота 11 сентября. Поднятая путчистами армия, проникнутая духом элитарности и чувством неприязни к простолюдинам и «агентам коммунизма», не могла остаться политически нейтральной. Сказалось и то, что Сальвадор Альенде покусился на материальные и социальные привилегии офицерского корпуса. Раньше пределом мечтаний офицеров было попасть на стажировку в зону Панамского канала, особенно в Форт-Гулик. Ведь

вернувшись оттуда, многие из них могли купить и дом, и машину. А при Альенде их стали отправлять стажироваться на Кубу. В целом следует признать: слабость правительства Народного единства в том и заключалась, что реальная вооруженная сила находилась за сферой его контроля.

Однако, при всей своей элитарности и корпоративности, чилийская армия была прочно вписана в тогдашнее общество, связана с ним множеством невидимых, но прочных нитей. А общество это переживало сложные и болезненные процессы модернизации. Разложение традиционного аграрного сектора экономики вызывало рост миграции в города. Рост больших городов сопровождался расширением трущоб, увеличением безработицы. В 60-е годы чилийский социолог Р. Поблит отмечал, что в городе сельский мигрант живет за «стеклянным занавесом». Маргиналы прежде всего и были «движущей силой революционного процесса».

В традиционном обществе существует социокультурный механизм самоконтроля, в основе которого — религия и традиция. В обществе же маргинальном подобного механизма нет, что и превращает социальный протест в фактор практически неуправляемый. А в Чили издержки процесса модернизации (или, если угодно, квазимодернизации) усиливали протестное мышление и протестное поведение. Выброс в Чили во второй половине XX века маргинальных слоев населения с их образом жизни и психологией люмпенов во многом predetermined то, что здесь оказалась в почете революционная и антиимпериалистическая риторика.

↑ Между тем в стране все шло к краху — экономическому и социальному. Сальвадор Альенде маневрировал, пытаясь найти хоть какой-то выход из сложившегося положения, все более угрожающего власти правительства Народного единства. В августе 1973 года последовала очередная реорганизация кабинета. В него вошли генерал Пратс, адмирал Монтеро, генерал Руис, который командовал военно-воздушными силами, а также генеральный директор корпуса карабинеров Сепульведа. После этого Аугусто Пиночет становится и.о. командующего сухопутными силами на время пребывания генерала Пратса «в большой политике». Авиационный генерал Густаво Ли Гусман стал замещать командующего ВВС Руиса. Наконец, адмирал Хосе Торибио Мерино, который командовал Первой военно-морской зоной (район Вальпараисо), заместил командующего военно-морским флотом Монтеро.

В конце августа, когда генерал Карлос Пратс ушел в отставку, Аугусто Пиночет становится главкомом сухопутных войск (армии). Так он оказался на вершине своей военной карьеры. Его имя все чаще начинает встречаться на страницах прессы.

Аугусто Пиночет Угарте родился 25 ноября 1915 года в Вальпараисо, в семье таможенника морского порта. (Стоит вспомнить, что в этом же городе в семье адвоката 26 июня 1908 года родился Сальвадор Альенде.

↑ Прадед Пиночета в XIX веке переселился в Чили из Франции. В 1933 году восемнадцатилетний юноша Аугусто Пиночет поступает в военное

училище, которое заканчивает в 1937 и лейтенантом направляется в полк, расположенный в Чакабуко. Вскоре он женится на лицеистке Лусии Ириарт. В 1949 году Пиночет поступает в военную академию, а закончив ее в 1954 году, получает воинские специальности «офицер генерального штаба» и «преподаватель военной географии и логики».

Несколько лет Пиночет преподает в военной академии, а в 1956 году получает назначение в военную миссию Чили в США. Затем он — преподаватель в военной академии в Эквадоре. В 1959 году в возрасте 44 лет он возвращается на родину и, став генералом, занимает должность начальника штаба дивизии. В 60-е годы Пиночет находился на различных командных должностях в вооруженных силах. В 1971 году президент Альенде назначает его командующим столичным гарнизоном. Любопытно, что по некоторым данным, генерал Пиночет был в числе трех генералов, наряду с Шнейдером и Пратсом, кого в 1970 году заговорщики собирались обезвредить в первую очередь.

Похоже, генерал Пиночет пользовался полным доверием Альенде, поскольку в 1972 году назначается уже начальником генерального штаба, а затем исполняет обязанности главкома сухопутных войск.

У Аугусто Пиночета и его жены Лусии Ириарт родилось пятеро детей — два сына и три дочери. Старший сын — Аугусто, стал военным, Инес Лусия — преподавателем, Мария Вероника — биологом, а младшие — Марко Антонио и Жаклин Мари

стали медиками. К осени 1973 года у генерала было уже шесть внуков.

Нет точных данных, когда генерал Пиночет подключился к заговорщикам. Но в том, что государственный переворот готовился заранее, сомнений нет. В частности, на одной из пресс-конференций вскоре после переворота генерал Серхио Арельяно Старк говорил, что оперативный план захвата столицы был разработан офицерами военной академии за шесть месяцев до мятежа. Он отмечал, что главными были три задачи:

— сосредоточение в руках заговорщиков командования сухопутными силами, ВМФ, ВВС и карабинерами;

— обеспечение того, чтобы вооруженные силы подчинялись всем приказам путчистов;

— предотвращение или подавление вооруженного сопротивления масс¹⁵.

В рамки этого плана укладываются и дискредитация генерала Пратса, вследствие чего он вынужден был уйти в отставку, и чистка среди офицеров армии, проведенная в конце августа — начале сентября генералом Пиночетом.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что путчисты были в достаточно «близких отношениях» с военными США. Сам Пиночет окончил командные и штабные курсы в Форт-Бенинге, а также трижды стажировался на американских военных базах в районе Панамского канала (1965, 1968, 1972). Генерал Ли в течение десяти лет (!) учился в США и являлся военным и военно-воздушным атташе в Вашингтоне. Адмирал Мерино был военно-морским атташе при посольстве

Чили в Великобритании и стажировался на американской базе в зоне Панамского канала.

Тщательная проработка всех деталей операции по свержению Альенде и умелое руководство обеспечили быстрый успех. Однако, похоже, решение о мятеже далось нелегко. Позднее, в 1992 году, генерал Пиночет давал интервью российскому журналисту.

Журналист: Генерал, жизнь дается один раз. Но если бы у вас была возможность вернуться назад — повторили бы вы трагические события 11 сентября 1973 года?

Пиночет: Для меня военный переворот в Чили был крайним средством. Мы выжидали до самого последнего момента. Но у нас серьезное беспокойство вызывало ближайшее окружение президента Альенде. Эти люди вели Чили к тому, чтобы превратить ее во вторую Кубу. Они готовили переворот, чтобы на чилийской земле приступить к строительству социализма. Такой социалистический эксперимент обошелся бы нам много дороже, чем переворот.

Позднее члены военной хунты и приближенные к ним высшие офицеры не раз говорили о том, что Альенде сам готовил государственный переворот. Что они имели в виду? Или же то была просто выдумка военных, призванная как-то оправдать путч?

Есть немало свидетельств, что 11 сентября в ходе своего выступления на митинге в Техническом университете Альенде собирался обнародовать план первоочередных действий правительства:

— проведение плебисцита о доверии президенту;

— осуществление экономических мер для защиты народных масс от последствий политической забастовки предпринимателей;

— принятие жестких мер против фашистских и террористических групп;

— созыв 20 сентября внеочередной сессии парламента для обсуждения проекта экономических и социальных реформ;

— проведение всеобщих выборов в учредительную ассамблею и преобразование конституционного режима в соответствии с подлинными потребностями народа¹⁶.

Программа эта, несмотря на популистскую риторику, носила радикальный характер. Не исключено, что именно она была интерпретирована заговорщиками как «подготовка государственного переворота» со стороны Альенде и его команды.

11 сентября 1973 года в 6 часов 20 минут президенту Альенде позвонили и сообщили, что военно-морской флот в Вальпараисо поднял мятеж. В 7-30 президент прибыл в Ла Монеда и попытался связаться по телефону с командующими родами войск. Никто из них не отвечал. «Похоже, что на этот раз они все сговорились», — сказал президент и был совершенно прав. Затем он обратился по радио к населению и обрисовал всю опасность сложившегося положения.

В 8-30 по радио прозвучало первое обращение военной хунты. Затем последовала бомбардировка и штурм Ла Монеда. Все было решено в течение полудня. Успех мятежа был полным.

Из книги «Сентябрь 1973: сто боев одного сражения»:

— Когда утром 11 сентября, — вспоминает одна из служащих Министерства обороны, — я еще завтракала, по радио передали, что прервана связь с Вальпараисо. Я поспешила, поскольку не хотела упустить ни одной детали в разворачивающихся событиях. Накопившееся напряжение, обстановка ненависти, созданная печатью, поддерживавшей правящий режим, превратились в ликование и желание принять участие или по крайней мере присутствовать при надвигавшихся событиях.

А вот один из офицеров описывает бомбардировку Ла Монеда:

— Как прекрасно звучали в моих ушах свист пуль и разрывы танковых снарядов! Каким счастливым я себя чувствовал!¹⁷.

Пиночет сразу же заявил, что только патриотизм, а также «марксисты и обстановка в стране» вынудили армию взять в свои руки власть. Что же, прецедентов к тому времени было уже немало. В сходных обстоятельствах оказывались и генералы в других странах: Сухарто в Индонезии, Пак Чжон Хи в Южной Корее, Хуари Бумедьен в Алжире, сбросивший Героя Советского Союза Ахмеда Бен Беллу, многие диктаторы в Африке, сместившие «левых» правителей типа Модибо Кейта в Мали или же Кваме Нкрума в Гане. При этом тоже лилась кровь и гибли люди.

3. Диктатор

Дальнейший ход событий покажет, что военные пришли к власти в Чили надолго. Но в то время об этом мало кто думал. Многие политики были уверены, что, сбросив «марксистское правительство» Сальвадора Альенде, мятежные генералы передадут власть гражданским. Однако этого не произошло, что, впрочем, вполне объяснимо. Во-первых, за предшествующие годы леворадикальные настроения широко распространились в обществе, особенно среди маргиналов и люмпенов, да и значительной части молодежи. Покончить с ними было непросто. Во-вторых, со временем генерал Пиночет почувствовал вкус к власти. Его политические амбиции все более возрастали. Он умело и вовремя устранял конкурентов, тщательно просчитывал свои политические ходы. Одновременно с этим он начал новый «социальный эксперимент» — модернизацию страны, которая была прямо противопоставлена «чилийскому пути» к социализму Альенде и его сподвижников. Режим генерала Пиночета политически обеспечивал эту модернизацию.

Большинство чилийцев болезненно воспринимали вмешательство вооруженных сил в политическую жизнь, справедливо считая, что армия должна придерживаться позиций нейтралитета. Именно эти принципы отстаивали генералы Шнейдер и Пратс, неоднократно говорившие, что главная обязанность армии, флота и военно-воздушных сил — защита

суверенитета и конституционного режима. Однако Шнейдер и Пратс были устранены и верх в армии взяли «ястребы».

Первоначально хунта представляла собой нечто вроде коллективного руководства. Никто из четверки особенно не выделялся. В «Декларации о принципах» говорилось, что правительство вооруженных сил и сил порядка лишит власть «персонального характера, избегая всякого вождизма». Однако уже вскоре генерал Пиночет выдвинулся на первые роли. Это был ярко выраженный тип авторитарного лидера. В условиях полутрадиционного общества-конгломерата, каковым являлось чилийское, новый лидер мог выступить инициатором социальной активности и координатором общественных действий.

У военной хунты и ее вождя была отчетливая программа деятельности, имелась концепция политического поведения. Время вскоре покажет, что у генерала Пиночета оказалось вполне достаточно политической воли и чувства ответственности за положение дел в стране. Он сумел создать систему политического, точнее, военно-политического руководства по выполнению предложенной программы. Недаром те, кто хорошо знал Пиночета на протяжении многих лет, считали его человеком целеустремленным и честолюбивым. Подчиненные характеризовали генерала как требовательного и жесткого, не терпящего никаких отклонений от установленного порядка.

∟Новый политический строй базировался на трех основах: власть вооруженных сил, экономические успехи и личность генерала Пиночета.∟Генеральный

секретарь правительства полковник Педро Эвинг говорил: «Те, кто не согласен с политикой хунты, должны будут молчать и повиноваться». Правительство и местные администрации наполовину состояли из высших офицеров. Ректораты университетов и руководство ведущих государственных промышленных предприятий полностью состояли из представителей вооруженных сил.

Со временем генерал Пиночет сумел сосредоточить в своих руках всю полноту власти. Он превращается в национального вождя, «отца нации». Это было персонифицированное лидерство вооруженных сил в союзе с технократами, связанными с господствующими в экономической жизни группами олигархов. Генерал Пиночет устранил всех реальных конкурентов. Генерал Густаво Ли получил отставку. Адмирал Мерино со временем был лишен всякой реальной власти. Министр внутренних дел генерал Оскар Бонилья погиб в авиакатастрофе при невыясненных обстоятельствах.

Летом 1974 года был принят декрет-закон № 527 «О юридическом статусе правящей хунты», в котором генерал Пиночет провозглашался «верховным носителем власти». Он был наделен широкими полномочиями, в том числе правом единолично объявлять осадное положение, одобрять или отменять любые законы, назначать или смещать судей. В Чили устанавливается военно-авторитарный режим с внешней атрибутикой президентской республики, где власть главы государства не ограничивалась ни парламентом, ни политическими партиями.

Пиночет и его сподвижники понимали, что военный переворот встретит мощное сопротивление внутри страны и осуждение за рубежом, хотя, похоже, они не предвидели столь бурной и долговременной реакции Москвы и ее сателлитов. Уже 14 сентября ЦК КПСС опубликовал заявление, в котором осудил действия реакционных сил в Чили, попрание ими демократических институтов и конституционных норм. В Советском Союзе начинается мощная политическая кампания в поддержку «героического народа Чили». Митинги по всей стране, средства массовой информации осуждали происки реакции в Чили.

В октябре 1973 года советское правительство принимает решение присвоить имя Сальвадора Альенде одной из улиц Москвы, назвать его именем одно из строящихся судов, создать документальный фильм о чилийском президенте, выпустить почтовую марку с его портретом, а также издать сборник речей Альенде на русском языке.

21 сентября в Москве состоялось чрезвычайное заседание Всемирного Совета Мира, на котором принимается заявление с призывом развернуть широкую кампанию солидарности с чилийскими патриотами. Все социалистические страны, за исключением Румынии, разорвали дипломатические отношения с Чили.

В этих условиях генерал Пиночет и военный режим предпринимают усилия по теоретическому и законодательному обоснованию своей власти. Начало идеологическому обоснованию режима было положено незадолго до событий 11 сентября 1973 года, когда в вооруженных силах обнародовали

документ под названием «Рождается новый порядок». В нем говорилось, что стране нужен «новый порядок», и установить его могут только люди, обладающие волей к управлению, командованию и власти». Составители документа недвусмысленно заявляли, что после их прихода к власти будут распущены все партии и высланы за рубеж партийные политики. «Мы полагаем, что мы, люди оружия, можем установить военную власть, которая позволит нам начертать политическую линию завтрашнего дня. Других сил, которые могли бы это сделать, не существует»¹⁸.

Теоретические, правовые и идеологические основы военного режима нашли свое отражение в декрете-законе № 1 и приказе № 5 от 11 сентября 1973 года, а также в «Декларации принципов правительства Чили», обнародованной в газете «Меркурио» 13 марта 1974 года. Вот их основные идеи:

— Чили оказалась перед угрозой уничтожения основ своей сущности вследствие вмешательства догматической и односторонней идеологии, вдохновленной чуждыми для нашей страны принципами марксизма-ленинизма;

— правительство Альенде перестало быть законным, поскольку нарушило «основные права чилийцев», разрушало национальное единство, искусственно поощряя классовую борьбу, во многих случаях кровопролитную, препятствуя тому вкладу, который мог бы внести каждый чилиец в поисках путей к благополучию родины, побуждая к проведению братоубийственной и злобной борьбы за реализацию внешних, враждебных нашей

идентичности и провалившихся на практике идей;

— конституция и законы будут соблюдаться в той мере, в какой это позволяет современное положение страны;

— правительство не считает неотъемлемым признаком сущности чилийской демократии «традицию всеобщих выборов и конституционного чередования правительств»;

— вооруженные силы и силы порядка не устанавливают сроков своего правления, поскольку задача моральной, институциональной и материальной перестройки страны требует глубокой и продолжительной деятельности;

— необходимо изменить образ мышления чилийцев.

Выступая 11 октября 1973 года, генерал Пиночет заявил, что главная цель его правительства — борьба с марксизмом, поскольку достижение национального единства требует «деполитизации» и «деидеологизации» общественной жизни. Он выдвинул задачу добиться экономического роста, установления социальной справедливости через проведение прагматической и реалистичной политики под руководством квалифицированных специалистов, свободных от каких-либо политических взглядов и симпатий.

Стремясь избежать обвинений в нарушении конституции, военные правители принимают декрет-закон № 788 (декабрь 1974 года), в соответствии с которым все декреты хунты, независимо от того, противоречат они конституции или же нет, носят характер поправок к конституции. Конечно,

с юридической точки зрения процесс законотворчества военного режима до принятия новой конституции нельзя было признать законным и имеющим юридическую силу. Однако в истории великое множество примеров, которым чилийские военные и сам генерал Пиночет могли бы следовать с полным правом.

Идеологи режима утверждали, что демократия — это роскошь, которую страна с таким уровнем развития, как Чили, не может себе позволить. Необходимо сначала подготовить экономические, социальные и культурные предпосылки для демократии. Отныне во главу угла ставился отказ от принципа социальной справедливости и утверждение принципов свободы выбора и равенства возможностей. Была ликвидирована система представительной демократии. 21 сентября 1973 года согласно декрету-закону № 27 распускается национальный конгресс, как было заявлено, вследствие невозможности «соблюдать в настоящее время законодательные требования, предъявляемые к установленной процедуре принятия законов». По выражению Пиночета, в стране формируется новая демократия — «без плюрализма и политических партий». В 1974—1979 годах в стране был принят ряд законодательных актов, отразивших эволюцию режима от репрессивной диктатуры к стабильному авторитаризму с ограниченным функционированием представительных институтов.

С самого начала военный режим берет под свой контроль образование и духовную сферу. Уже 1 октября принимается декрет-закон № 50

«О назначении ректоров-делегатов в университеты страны», которые стали полномочными представителями военного правительства в каждом университете. В основном на эти посты были назначены отставные генералы и адмиралы.

Позднее на директоров школ и колледжей хунта возложила обязанность «разоблачать преподавателей и работников вспомогательных и административных служб» в случаях, если те комментировали вопросы политики, распространяли злонамеренные слухи и анекдоты о деятельности правительства, «извращали идею и ценности отечества». Левые силы интерпретировали все это как начавшийся процесс политизации и милитаризации учебных заведений.)

Как известно, в Панаме диктатор генерал Норьего держался у власти, опираясь на мощные антиамериканские настроения традиционного общества. На Кубе «вечный диктатор» Фидель Кастро пользуется поддержкой масс во многом благодаря умению создать себе имидж народного героя в борьбе с внешней угрозой. В Чили также был подброшен «образ врага». Так, в январе 1978 года известный юрист, председатель комиссии по разработке конституции, говорил: «Мы считаем, что Чили фактически находится в состоянии войны, поскольку внешний враг проник внутрь страны. Традиционная и инертная демократия не может уцелеть, когда враг проник всюду. Если бы чилийский народ не восстал законно в сентябре 1973 года, мы были бы сегодня базой коммунистов и последователей Кастро в Южной Америке»¹⁹.

В начальный период правления военный режим отличался откровенно репрессивным характером, за что подвергался резкой критике со стороны мирового сообщества, где застрельщиками и главными обвинителями были Советский Союз и Куба. Что ж, это действительно была диктатура «классического» типа. Однако налицо любопытный феномен! Ведь примерно в то же время в Аргентине (с 1976 года) или в Уругвае (с июня 1973 года) у власти также стояли военные режимы, а репрессии носили подчас даже более жестокий характер, чем в Чили. Однако весь «гнев мировой общественности» обрушился только на генерала Пиночета и его режим. Ведь даже в серьезных публикациях советских ученых, в академических справочниках вплоть до конца 80-х годов, т.е. когда у нас уже полным ходом шла «перестройка» и торжествовала «гласность», режим Пиночета по-прежнему именовали «фашистским», приводили надуманные цифры о десятках тысяч погибших и совершенно замалчивали экономические успехи Чили. В чем причина этого феномена? Почему именно генерал Аугусто Пиночет вызывал такую ненависть?

Помимо внешних обстоятельств, сказывалось, видимо, то, что репрессии в Чили обладали мощным психологическим эффектом, поскольку режим хунты грубо отбросил демократические ценности, порождая ощущение бессилия и поражения для сравнительно широких слоев населения. Весьма негативным психологическим фактором для хунты явилась и гибель президента Сальвадора Альенде, не пожелавшего покинуть страну или сдаться.

Военный режим сразу же объявил состояние «внутренней войны». Генерал Пиночет заявил: «Из всех наших врагов главным и наиболее опасным является коммунистическая партия. Мы должны разрушить ее сейчас, пока она реорганизуется по всей стране. Если нам это не удастся, она рано или поздно уничтожит нас»²⁰. Ведущую роль в репрессиях играла армия. Были учреждены военные трибуналы, заменившие гражданские суды. Создается несколько концентрационных лагерей для политзаключенных, в том числе в Писагуа и Чакабуко в пустыне Атакама на севере страны.

Значительную роль в первые месяцы репрессий играли военные разведслужбы: армейская разведка, военно-морская разведка, разведка военно-воздушных сил и разведка корпуса карабинеров. Позднее специальная рабочая группа Комиссии ООН по правам человека установила, что сотрудники этих органов активно применяли физические пытки и психологическое давление к политзаключенным: лишали их еды, сна, имитировали расстрелы и пр. Однако вскоре для вождей режима становится ясно, что органы военной разведки не справляются с поставленными перед ними задачами, тем более, что следить приходилось и за военнослужащими, которые не одобряли государственный переворот.

В начале 1974 года начинает создаваться единый национальный разведывательный орган. Вначале был образован Национальный исполнительный секретариат по делам заключенных, а летом того же года — Управление национальной разведки (ДИНА). В число ее задач входил сбор и анализ

информации, необходимой для обеспечения национальной безопасности, но вместе с тем ДИНА получила право осуществлять репрессивные акции. Был издан указ, призывающий «патриотов» доносить на чилийцев «без бога и родины». Руководителем ДИНА стал полковник Мануэль Контрерас Сепульведа, заместителем — Хорхе Эспиноса. К середине 70-х годов ДИНА насчитывала до пятнадцати тысяч сотрудников, многие из которых прошли подготовку в «Школе Америк» в Форт-Гулике. Имелись свидетельства, что главным консультантом при создании ДИНА выступал тогдашний резидент ЦРУ в Сантьяго Р. Уоррен.

В мировой печати со ссылками на различные источники появились данные, что только за первые недели после переворота было убито 20 тысяч человек, 30 тысяч подверглись жестоким пыткам, более 200 тысяч рабочих были уволены с работы. Яркий противник военного режима, глава чилийской компартии Луис Корвалан, которого Москва обменяла на диссидента Владимира Буковского (по этому поводу в народе ходила байка: «обменяли Корвалана на Володьку-хулигана»), в 1985 году свидетельствовал, что за годы военного режима репрессиям было подвергнуто 500 тысяч жертв чилийцев. В марте 1974 года в Хельсинки на 1-й сессии Международной комиссии по расследованию преступлений военной хунты в Чили в ее резолюции фигурировала жесткая формулировка: «Вся картина, которая вырисовывается из анализа этих фактов, напоминает дни прихода к власти германских фашистов»²¹.

Укрепившись внутри страны, ДИНА приступила к проведению операций за рубежом, подавая

все это как борьбу с нараставшей угрозой режиму извне. Мишенью секретной службы генерала Пиночета становятся находившиеся в эмиграции противники военного правительства. По некоторым сведениям, был разработан специальный план под кодовым названием «Проект Андреа», предусматривавший убийство политических противников режима, находившихся в эмиграции. Первой жертвой стал генерал Карлос Пратс, проживавший в Аргентине. 30 сентября 1974 года вместе с женой он был взорван в собственном автомобиле прямо в центре Буэнос-Айреса.

Затем началась охота за бывшим министром обороны в правительстве Альенде, социалистом Орландо Летельером, который открыто из-за рубежа критиковал политику военного режима. 11 сентября 1976 года он был объявлен «врагом нации» и лишен чилийского гражданства, а ровно через десять дней — убит агентами ДИНА в Вашингтоне. «Подвиги» ДИНА, видимо, превратили ее в одиозную организацию, и генерал Пиночет в августе 1977 года издает указ о ее роспуске. Вместо ДИНА создается Национальный информационный центр (СПИ). Первые три месяца председателем его являлся все тот же полковник Контрерас, затем его сменил генерал Одланьер Мена. Как и ДИНА, новый орган подчинялся непосредственно Аугусто Пиночету. Позднее Контрерас по приказу Пиночета был арестован за выявившуюся связь с «делом Летельера». Генерал при этом заявил: «Он солгал мне. Лично мне ничего не было известно об этом (т.е. о связи ДИНА с убийством Летельера). Если данная история действительно

была спровоцирована спецслужбами, то это их проблема, а не моя».

Поддавляя всяческое проявление оппозиционного поведения и мышления, создавая «образ врага», военный режим целенаправленно формировал в чилийском обществе «культуру страха». Между людьми насаждалось недоверие, поощрялось доноительство, уничтожалась всякая способность к сопротивлению. Лишенное политического участия и самовыражения, общество погружалось в апатию²². Чилийский литератор-эмигрант Ариэль Дорфман, побывавший на родине во второй половине 80-х годов, свидетельствовал, что большинство людей поглощено личными заботами и проблемами собственного выживания, они потеряли надежду, что положение вещей когда-либо может измениться. «Не стали ли люди привыкать к зловещей тени Пиночета как к неотъемлемому атрибуту чилийского пейзажа?» — задается во многом риторическим вопросом автор. Репрессивный аппарат стал настолько обыденным, что иногда так и кажется, будто чилийцы уже и не представляют, как можно без него жить. Страх стал неотъемлемой частью их серого беспросветного существования²³.

Психологическое воздействие «культуры страха» стало своеобразным фундаментом политической стабильности, необходимой для успешного и во многом силового внедрения новой экономической модели. Особенностью чилийской военной диктатуры было то, что она не только разрушала, но и создала, осуществляя либеральную реорганизацию страны.

Еще не так давно в советской литературе много писали о том, что «хунта довела национальную экономику до развала, следуя диктату Международного валютного фонда и неомонетаристской модели «чикагской школы», что реализация этой модели привела к росту засилья крупного капитала, с одной стороны, и прогрессирующему обнищанию широких масс — с другой». Но в начале 90-х годов тональность наших публикаций кардинально меняется. От всеобщего осуждения режима Пиночета почти одновременно перешли к восторгам по поводу его экономических успехов. В массовом сознании формировался устойчивый стереотип «чилийского феномена», следование которому, якобы, способно вывести Россию на столбовую дорогу мирового прогресса. Однако далеко не все шло так легко и безболезненно в ходе экономических преобразований Пиночета.

Военному режиму досталось весьма тяжелое экономическое наследство. К началу 70-х годов по темпам инфляции Чили вышла на одно из первых мест в Латинской Америке. Внешний долг страны составлял почти 3 миллиарда американских долларов. В годы правления Народного единства были национализированы ведущие отрасли промышленности и сформировался мощный государственный сектор, составлявший до 70 % валового национального продукта²⁴. Громадные расходы государства, связанные с поспешной национализацией и расширением статей на социальные нужды, заставили правительство встать на путь денежной эмиссии. Это привело к росту инфляции

и резкому сокращению инвестиций. Производство оказалось перед угрозой полного краха. Социально-экономическая обстановка осложнялась и вследствие экономической блокады, введенной США, мощной политической и экономической дестабилизацией как изнутри, так и извне.

Один из бывших «революционеров», ставший в 80-е годы зажиточным «паразитом», как он сам о себе с иронией говорил, так оценивал политику правительства Сальвадора Альенде.

— «Они» провозгласили тогда «партисипасьон», то есть всеобщее право участия в государственной жизни, высшим принципом и кончили всеобщим хаосом. «Они» увлеклись решением больших исторических проблем, забыв о маленьких повседневных делах. «Они» дали землю крестьянам, заодно расписав по пунктам, сколько и чего те должны выращивать, и моментально нажили себе врагов как среди латифундистов, так и тех же крестьян.

Практически в одно и то же время с Чили, военные диктатуры правили в Аргентине и Уругвае. Они тоже пытались решать экономические проблемы в своих странах. Однако здесь жесткая диктатура не спасла режимы от экономического краха, поскольку они делали ставку на госсектор. Пиночет же поставил на частный сектор. Подобная экономическая политика, надо признать, объективно направлена против диктаторской формы правления, урезает власть, создает предпосылки для формирования в перспективе демократических властных структур. Недаром в окружении Пиночета этой политике сопротивлялись.

Вокруг генерала Аугусто Пиночета сложилась группа чилийских экономистов, многие из которых учились в Чикагском университете под руководством Нобелевского лауреата профессора Милтона Фридмана и профессора А. Харбергера. «Чикаго бойз» («Чикагские мальчики») разработали применимо к Чили программу перехода к свободной рыночной экономике. Сам Фридман придавал большое значение чилийскому эксперименту и несколько раз посещал страну.

Модель свободной экономики, разработанная на основе неомонетаристских идей «чикагцев», базировалась на отказе от всех форм государственного регулирования, предоставлении свободы действий частному национальному и иностранному капиталу, либерализации импорта и активном привлечении внешнего финансирования. Реализовывать рекомендации «Чикаго бойз» начал министр экономики Ф. Ленис, бывший до этого генеральным директором газеты «Меркурио».

Впоследствии и генерал Пиночет не раз утверждал, что осуществленная им передача экономики в частные руки привела к тому, что уже с 1977 года начался экономический рост. Сначала — 4—5% в год, затем до 7%. Однако здесь генерал лукавил. Статистические данные объективных международных источников рисуют следующую картину.

При Пиночете экономическая политика, действительно, была полностью пересмотрена. От импортозамещающей индустриализации 60-х годов перешли к концепции открытой рыночной экономики. В ходе массовой приватизации 1974—1978

годов бывшим владельцам было возвращено 294 промышленных предприятия, национализированных правительством Альенде. 200 предприятий было продано на торгах. Однако в ходе этой поспешной приватизации было допущено немало ошибок. Предприятия продавались по низким ценам, а подчас и вообще бесплатно. В результате «живых» денег в государственную казну поступало не так много. К тому же ускоренная приватизация усилила имущественное расслоение в обществе.

Несмотря на мощную «подпитку» извне (только с октября 1973 по март 1974 года режим получил 470 миллионов долларов), положительных сдвигов в экономике в 70-х годах добиться не удалось. Общий уровень инвестиций снизился до уровня 50—60-х годов. Лишь к концу десятилетия удалось сбить высокие темпы инфляции, но и тогда они составляли 25—30 % в год. В стране была высокой безработица.

К началу 80-х годов для многих стало очевидно, что принятая на вооружение экономическая политика «чикагских мальчиков», хотя и предотвратила экономический коллапс, но не оправдала возлагаемых на нее надежд. В 1981 году страна вступила в полосу кризиса. Это вызвало новый всплеск движения против диктатуры, «ядром» которого были демохристиане и Демократический альянс. Однако ХДП при этом благодушно выступали за мирный путь смены режима: «Оппозиция должна приложить максимум усилий, необходимых для устранения Пиночета мирным путем. В противном случае страна окажется в неконтролируемой ситуации»²⁶.

В 1982 году валовой внутренний продукт сократился на 14 %. Тогда же вдвое обесценился песо. В годы экономического кризиса 1981—1983 годов ежегодно от 700 до 800 чилийских фирм объявляли себя банкротами. Безработица доходила до 20 %. В целях выхода из кризиса вернулись к государственному управлению основными отраслями экономики. Начинался «постчикагский» период.

4. Трудные ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ

Может показаться, что жесткий авторитарный режим, взявший под контроль практически все сферы общественной жизни, совершенно не менялся. Вся страна находилась в «осадном положении». Власти боролись с любыми проявлениями антиправительственной деятельности, с малейшими признаками инакомыслия. Однако, несмотря ни на что, режим эволюционировал, адаптировался к требованиям времени и общественным потребностям. Если вначале это была типичная диктатура, то со временем генералы-правители во главе с Аугусто Пиночетом, люди, несомненно, хорошо образованные и здравомыслящие, начинают все активнее обращаться к зарубежному опыту, как экономическому, так и политическому.

Генерала Пиночета беспокоил негативный имидж страны, который сложился в мире. По существу, Чили оказалась в международной изоляции. Похоже, генерал совершенно не предвидел, насколько

яростной и истеричной будет реакция столь прези­раемого им «мира социализма» на государственный переворот и смерть Сальвадора Альенде. Выход из сложившейся весьма неприятной для него ситуа­ции Пиночет видел в постепенном отходе от наибо­лее одиозных проявлений диктатуры. Первым ша­гом, который был призван изменить отношение ми­рового сообщества к военному режиму, стал «План Чакарильяс».

Выступая 9 июля 1977 года перед членами Молодежного фронта национального единства в городе Чакарильяс, генерал Пиночет изложил программу политических изменений, определив цели и сроки каждого из этапов. Первый этап — период институционализации, когда власть осу­ществляют вооруженные силы как целостный по­литический институт (до конца 1980 года). Вто­рой — переходный пятилетний период, в ходе которого армия поделится частью власти с граж­данскими. Наконец, третий этап — период консо­лидации, когда будет принята новая конституция и избран президент. На этом этапе власть перехо­дит к гражданскому правительству, а за воору­женными силами остается роль гаранта консти­туционной и национальной безопасности. Таким образом, к 1991 году будет завершен переход стра­ны к демократии.

Роспуск ДИНА в августе 1977 года также стал составной частью политики «улучшения имид­жа». Когда вскоре после этой «косметической опе­рации» в Чили для переговоров с военным пра­вительством прибыли двое высокопоставленных сотрудников администрации Джимми Картера, то

газета «Вашингтон пост» отмечала, что кое-кому в США очень хочется «улучшить облик чилийского правительства», создать хоть какую-то видимость того, что военный режим начинает уважать права человека»²⁷. В 1978 году был принят закон об амнистии, по которому все принимавшие участие в антигосударственной деятельности в 1973—1978 гг. освобождались от ответственности.

В 1978 году генерал Пиночет провел референдум и получил 75 процентов голосов в свою поддержку. Объективные обозреватели назвали это крупной политической победой Пиночета, чья пропаганда умело использовала антиамериканизм чилийцев, их приверженность таким ценностям, как достоинство нации и суверенитет. Впрочем, не исключалась и возможность фальсификации со стороны режима.

В августе 1980 года состоялся плебисцит по проекту конституции. «За» было подано 67 процентов голосов, «против» — 30 процентов. С марта 1981 года конституция вступила в силу. Однако осуществление ее основных статей — о выборах, конгрессе и партиях — откладывалось на восемь лет. До тех пор полномочия конгресса осуществляла военная хунта. Аугусто Пиночет без выборов был объявлен «конституционным президентом на 8 лет с правом переизбрания на последующие 8 лет».

Деятельность военного режима по смягчению международной политической изоляции Чили стала составной частью внешнеполитической стратегии страны. В основу ее была положена концепция

«функциональной безопасности», призванная сохранить взаимоотношения хунты с мировым обществом и убедить его в законности своей власти. Цели новой внешней политики были изложены в «Конфиденциальном меморандуме Министерства иностранных дел Чили» от 9 декабря 1974 года:

— укрепление внешнеполитического аппарата путем привлечения в Министерство иностранных дел нужных специалистов и увеличения его бюджета;

— пересмотр состава посольств и укрепление представительства в международных организациях;

— решение проблем внутренней безопасности с учетом того влияния, которое этот аспект внутриполитической жизни оказывает на образ страны в глазах всего мира.

В Меморандуме говорилось, что «голосование в международных организациях создает серьезную угрозу, что будут предприняты попытки не допустить участия наших делегаций в работе Генеральной Ассамблеи ООН или других международных форумов, как это произошло с ЮАР»²⁸.

Большое влияние на формирование новой внешнеполитической стратегии режима оказывали геополитические идеи, выдвинутые в свое время Аугусто Пиночетом. Исходя из того, что государству необходимо пространство для своего развития, генерал Пиночет в своей работе «Геополитика» (1968 год) утверждал, что сильное в военном и экономическом отношении государство должно иметь привилегии в территориальных спорах. Он

также выделил цели внешней политики Чили в Тихом океане:

— завоевание господствующего положения в южной части Тихого океана;

— экспансия на север и юг от границ Чили;

— оккупация и контроль над проливами и островами Южного конуса Латинской Америки;

— препятствие сближению Перу и Боливии.

За 1974—1987 годы число стран, с которыми Чили имела дипломатические отношения, увеличилось с 47 до 81, однако 80 процентов этих государств выступали с осуждением военного режима Пиночета.

Администрация США сначала активно поддерживала военное правительство в Чили. Однако с приходом в Белый дом президента Картера Вашингтон начинает все больше критиковать режим Пиночета за нарушение прав человека. Правда, при этом в международных организациях представители США или воздерживались, или голосовали против резолюций, осуждавших режим Пиночета. В 1977 администрация Картера вводит запрет на поставки Чили военной техники и снаряжения. В ответ на это страна начинает развивать собственную военную промышленность. В 1978 году в Чили на нужды обороны было выделено 714 млн долларов, что составляло 7,7 процента от валового национального продукта, тогда как в 1972 году эти расходы составляли только 177 млн долларов. Численность военнослужащих выросла с 47 тысяч в 1972 году до 92 тысяч в 1981 году²⁹. Уже к началу 80-х годов из импортера оружия и военной техники Чили превратилась

в их производителя и экспортера, заняв третье место в Латинской Америке после Бразилии и Аргентины.

В 1985 — начале 1986 годов, после кратковременного подъема экономическая ситуация в стране вновь ухудшилась. Тогда же генерал Пиночет отказался рассматривать «Национальное соглашение о переходе к демократии». Два эти обстоятельства породили новый всплеск оппозиционного движения. В начале июля 1968 года в Чили прошла всеобщая забастовка. А 7 сентября все мировые телеграфные агентства передали из Чили «горячую» новость — на диктатора совершено покушение.

Позднее стало известно, что эту акцию осуществили боевики из организации Патриотический фронт Мануэля Родригеса, названной так в честь героя освободительной войны 1810—1818 годов против испанского колониального владычества. Впервые эта организация заявила о себе в декабре 1983 года, когда ее боевики взорвали линию электропередач и оставили столицу страны без света. ПФМР сумел раздобыть информацию о передвижениях генерала Пиночета.

Операция получила наименование «Новая родина». 6 сентября три группы боевиков скрытно сосредоточились во дворе частного дома на улице Ла Обра. 7 сентября одна из групп в составе двенадцати человек, вооруженных автоматами и гранатометами, перешла к шоссе и организовала засаду. Среди боевиков было пятеро женщин. Остальные две группы страховали тех, кто находился в засаде. В половине седьмого вечера на

шоссе показался президентский кортеж. Пиночет направлялся в загородную резиденцию.

Пропустив эскорт мотоциклистов, боевики перекрыли дорогу лимузину президента грузовиком с прицепом и открыли огонь. Пиночета, похоже, спасло чудо — террористов подвело оружие. Вначале гранатомет дал осечку, затем, после второго выстрела граната пробила стекло, но не взорвалась. Вскоре командир террористов докладывал командованию: «Операция, хотя тиран и ушел от возмездия, продемонстрировала его уязвимость и трусость. Рано или поздно он понесет заслуженное наказание»³⁰.

В ходе нападения погибли пятеро охранников генерала. Сам он назвал «перстом всевышнего» то, что ему удалось невредимым вырваться из рук террористов. «Бог спас меня, — заявил Пиночет, — чтобы я мог и дальше бороться во имя отечества». По его приказу разбитые и обгоревшие автомашины президентского кортежа были выставлены на всеобщее обозрение. Генерал подтвердил: «Твердая рука — вот единственное средство, годное в нынешней ситуации. Те, кто рассуждает о правах человека, будут выдворены из страны или отправлены за решетку»³¹.

В марте 1987 года принимается закон о политических партиях, что еще более улучшило имидж военного режима за рубежом. После этого часть оппозиции перешла на сторону режима. На руку генералу Пиночету играли и несомненные экономические успехи страны, достигнутые за последние годы.

С 1979 года в Чили стала осуществляться программа «семи модернизаций», которая включала

в себя модернизацию: 1) производства, 2) системы трудовых отношений, 3) пенсионного обеспечения, 4) здравоохранения, 5) образования, 6) сельского хозяйства, 7) судопроизводства. Было заявлено, что их цель — изменение взаимосвязей между экономикой и обществом, обществом и государством, личностью и коллективом. С начала восьмидесятых годов начинается корректировка экономической политики. Отныне акцент ставился не на борьбе с инфляцией, а на широком и комплексном финансовом регулировании. Усиливалась роль государства. Ужесточили дисциплину налогообложения. На товары первой необходимости и бытовые услуги установили госконтроль. Так, Палата розничной торговли назначала цены на муку и макароны, растительное масло и напитки. В свою очередь, Министерство экономики — на сахар, сигареты, спички, бензин. Министерство внутренних дел устанавливало тарифы на телефонные переговоры³².

На втором этапе неолиберальных преобразований деловая активность концентрировалась вокруг мощных концернов и финансово-промышленных групп, которые смогли выжить в рыночной конкуренции. Уже с 1984 года темпы экономического развития начинают постепенно повышаться. Ежегодный прирост валового внутреннего продукта доходил до 5 процентов. В 1989 году прирост промышленного производства составлял 10 процентов. Наиболее быстрыми темпами развивались экспортные отрасли. При этом чилийские компании ориентировались в основном на завоевание таких устоявшихся секторов

международного разделения труда, как производство плодоовощной и рыбоперерабатывающей индустрии. Но основой экспорта по-прежнему оставалась медь. На Чили приходится четверть всех мировых запасов меди, а ее продажа в середине 80-х годов составляла 65 процентов чилийского экспорта.

В 1985—1988 годах общий объем иностранных инвестиций в экономику Чили составил 1,1 миллиардов долларов. В основном они шли в горнодобывающую промышленность. Когда в 1985 году министром финансов стал выпускник Колумбийского университета Э. Бихи, экономическая политика становится еще более гибкой и реалистичной, а масштабы приватизации расширяются.

В конце 80-х годов в мировой прессе начинают встречаться упоминаний о «чилийском экономическом чуде». Однако это, пожалуй, было преувеличением. Точнее говорить о том, что при Пиночете были заложены реальные предпосылки для подлинного экономического расцвета 90-х годов. Любопытно, что в соседней Аргентине также на рубеже 80—90-х годов были заложены предпосылки «экономического чуда». Если в 1989 году темпы роста экономики составляли здесь «минус 5 процентов», то в 1992 году — уже «плюс 7 процентов». Уровень инфляции соответственно снизился со 197 процентов до 0,8 процентов. Успехи эти следует поставить прежде всего в заслугу Доминго Фелипе Кавальо. Он родился в 1946 году, закончил Гарвард. В январе 1991 года доктор экономических наук Кавальо становится уже четвертым

министром экономики и финансов в кабинете Менема. При нем стал проводиться курс на массовую приватизацию государственной собственности, ликвидацию бюджетного дефицита, снижение уровня инфляции, жесткую кредитно-финансовую и налоговую политику.

Успехи экономической политики при Аугусто Пиночете вели к расширению социальной базы режима и росту общественного согласия. В 80-е годы значительно вырос удельный вес слоя предпринимателей, что было во многом вызвано уменьшением экономической роли государства после введения неолиберальной модели свободного предпринимательства. Увеличилась численность средних слоев. В результате «неолиберальной революции» в обществе возникла новая ментальность, главными ценностями которой являлись индивидуализм, прагматизм, личный интерес. По существу, идея демократии воспринималась как нечто вторичное по отношению к личному успеху. И тем не менее, в условиях жесткой авторитарной системы ценности демократии, хотя и отодвинутые на второй план, были достаточно сильны.)

В первой половине 80-х годов американская администрация все чаще обращается к генералу Пиночету с призывом провести свободные выборы. США все более заметно меняют свой курс в отношении чилийского военного режима. Среди представителей американской администрации даже заговорили о невозможности дальнейшего пребывания у власти генерала Пиночета и его режима. США начинают оказывать на Чили все

большее экономическое и политическое давление. Скорей всего, отсюда и идут истоки антиамериканских настроений Аугусто Пиночета.

Из интервью генерала российскому журналисту:

— Итак, генерал, Советский Союз развалился. Вы можете спокойно идти на отдых!

— Да, одна сверхдержава исчезла, но осталась другая — США. Они стремятся управлять миром в одиночку.

— Генерал, слушая вас, можно сказать, что сегодня в Латинской Америке остались два антиимпериалиста — Фидель Кастро и вы!

(Во второй половине 80-х годов Белый дом поддерживал в ООН резолюции, осуждавшие режим Пиночета за нарушение прав человека. Осенью 1987 года США вместе с Францией, Канадой, Нидерландами и Испанией выступили против предоставления Чили 250 миллионов долларов по линии Международного валютного фонда. Тогда военный режим начинает делать ставку на укрепление связей с государствами Латинской Америки. В 1985 году был подписан договор о мире с Аргентиной. Улучшаются взаимоотношения с другими странами континента.)

5. Уход

В сентябре 1992 года российский журналист брал интервью у генерала Пиночета.

— Почему вы решили добровольно отказаться

от власти? Для Латинской Америки непривычно, чтобы диктатор отдавал власть добровольно!

— Да какой же я диктатор? — рассмеялся Пиночет.

— Тогда кем же вы были?

— Правителем Чили. Военные в Чили — это не политики, потому что мы, что обещаем, выполняем. Я выполнил все свои обещания. До последней точки. Провел корабль через все шторма. Времена были грозные. Но руль я держал крепко. Когда все улеглось — я передал власть в руки политиков. И обойденным или обиженным себя не чувствую.

Наш журналист, задавая генералу вопросы, исходил из того, что генерал Пиночет «отдал власть». Однако дело обстояло не совсем так. Аугусто Пиночет после ухода в отставку с поста президента по-прежнему обладал немалой властью. Даже сам президент Патрисио Эйлвин, сменивший генерала на посту главы государства и правительства, возможно, не имел такой власти.

Так что же произошло в Чили на рубеже 80—90-х годов?

К этому времени из всех военных диктатур, существовавших в Южной Америке, только в Аргентине генералы полностью утратили власть, поскольку проиграли войну за Фолклендские (Мальвинские) острова с Великобританией в 1982 году. Что же касается Бразилии, Уругвая, Чили, то здесь военные отступали умело и организованно, законодательно закрепляя свое влияние в новых властных структурах. Впрочем, первоначально для генерала Пиночета речь об отступлении

вообще не шла. Страна к 1988 году добилась заметных экономических успехов. Сюда мощным потоком шли иностранные инвестиции, поскольку налицо была политическая стабильность. В основной своей массе население было сыто и всем довольно. И именно это население неожиданно сказало Пиночету «нет» на плебисците 5 октября 1988 года.

Идея подобного плебисцита была заложена в конституции 1980 года. Срок подходил и генерал счел себя не вправе игнорировать собственную конституцию. В ходе голосования чилийцы должны были сказать «да» или «нет» единственному кандидату в президенты, выдвинутому военным режимом — Аугусто Пиночету. Если «да» — он остается на президентском посту на восемь лет, до 1997 года. Если «нет» — в 1990 году состоятся президентские выборы.

Левая оппозиция тогда резко критиковала идею плебисцита, именуя его «фарсом» и «крупнейшим надувательством». Генсек компартии Луис Корвалан разразился большой статьей на страницах чилийского журнала «Апси» (и это в условиях «фашистского» режима!). В резких выражениях он осудил «спектакль», который готовила военная хунта, и заявил, что коммунисты в нем участвовать не будут. Оппозиция говорила о необходимости гарантий, поскольку допускала возможность фальсификации результатов голосования военным режимом, однако в рядах противников Пиночета не было единства. Социалисты и демохристиане враждовали друг с другом. Недовольство последних

вызвала смелая выходка социалиста Рикардо Лагоса.

В ходе прямых телевизионных дебатов Лагос, неожиданно направив указательный палец в сторону камеры, гневно заявил:

— Генерал Пиночет, восемь лет назад вы заявили, что не собираетесь оставаться в президентах еще на один срок. Двадцать пять лет у власти — это не лезет ни в какие ворота! — И тут же добавил: — Дело правительства Альенде не похоронено!³³.

Это заявление вызвало резкое осуждение со стороны лидеров Христианско-демократической партии, считавших вредным возобновлять дискуссии об итогах деятельности Альенде, но зато резко повысило авторитет Лагоса среди лидеров демократического движения.

В 1988 году военные власти отменили чрезвычайное положение в стране, допустили деятельность оппозиционных партий и даже разрешили вернуться в Чили «государственным преступникам» — бывшим депутатам, руководителям левых партий, профсоюзным активистам. Происходящее в Чили вновь вызвало всплеск интереса во всем мире к этой многострадальной стране и политической судьбе диктатора Пиночета.)

Кубинская газета «Гранма» писала, что плебисцит задуман не как форма политического волеизъявления масс, а как средство увековечивания диктатуры. И дело даже не в том, как будет происходить голосование и подсчет голосов. Фарс заложен уже в самой конституции 1980 года, навязанной чилийскому народу военщиной.

Более объективные издания стремились глубже проанализировать политические изменения, происходящие в стране. Французская газета «Монд» констатировала, что невозможно с точностью предсказать результаты плебисцита. Сам Пиночет практически уверен в победе. Однако ситуация выглядит крайне неопределенной. Если коммунисты, социалисты, демохристиане в частных беседах признают, что Пиночет может выиграть плебисцит, то лица, близкие к правительству, не осмеливаются с уверенностью предсказать его победу. По мнению лондонской «Файнэншл таймс», самое существенное заключается в том, что Чили не преодолела важное препятствие, с которым сталкиваются все авторитарные режимы, — как организовать преемственность и стабильную передачу власти? И вполне возможно, что предстоящий плебисцит заставит генерала Пиночета споткнуться именно на этом последнем препятствии.

Вновь в связи с предстоящими политическими событиями в Чили возобновился давний спор о соотношении экономического развития и политической свободы. Полтора десятилетия военный режим «железной рукой» генерала Пиночета душил свободную политическую жизнь, под предлогом борьбы с нарушителями порядка и спокойствия подавлял права человека. Но в то же время генерал Пиночет осуществлял «тихую революцию». Именно так назвал свою книгу известный чилийский журналист, главный редактор проправительственной газеты «Меркурио» Х. Лавин. За годы диктатуры Пиночета свободная

Пиночная экономика вывела Чили из трясины абразвитости. Изменились образ жизни, ма-ра мышления, условия труда. Чили преврати-сь в страну новых менеджеров американского па — инициативных, изобретательных, стре-щихся на равных конкурировать на мировом нке с ведущими странами.

Правда, по-прежнему в бедности и даже ни-те проживало, по некоторым данным, до по-вины населения. Тот же Рикардо Лагос любил зорить: «Страна стала богаче, народ — беднее». тья даже оппозиция признавала, что уровень изни в бедных кварталах крупных чилийских оодов не идет ни в какое сравнение с ужасав-й нищетой городских трущоб перуанской сто-цы Лимы или Рио-де-Жанейро в Бразилии.

30 августа 1988 года военная хунта назвала густо Пиночета кандидатом на пост президен-страны. Началась предвыборная кампания. ступая на митингах и собраниях, Пиночет, об-ченый на этот раз не в привычный генераль-ий мундир, а в элегантный штатский костюм, ьяснял чилийцам, что только он способен спас-страну от хаоса и гражданской войны. «Пра-зь этой страной — удел, уготованный мне свы-!» — любил повторять генерал.

16 оппозиционных партии призвали чилийцев азать генералу Пиночету «нет». Но у Пиноче-похоже, не было сомнений в своем успехе. «Что ое оппозиция? — вопрошал он. — Каких-ни-ць восемь кварталов в Сантьяго». Социологи-ские опросы свидетельствовали, что «молчали-е большинство» испытывает чувство унижения

и страха, что молодые не верят ни правительству, ни оппозиционным партиям. И даже те, кто в душе рассчитывал на поражение диктатора, не верили в его добровольный отказ от власти: «Да, он надеется победить, но как только осознает возможность своего поражения, он непременно изменит тактику».

Голосование началось утром 5 октября. На избирательные участки были допущены представители оппозиции, которая опасалась фальсификации со стороны военных. По итогам плебисцита генерал Пиночет получил более 43 % голосов. Это впечатляло. Однако «нет» сказали еще больше — около 55 %. Это был серьезный удар по престижу режима и самолюбию генерала Пиночета. В ночь с 5 на 6 октября четверка генералов провела в Ла Монеда двухчасовое совещание, обсуждая случившееся. Однако назад пути не было. Возможно, и сам Аугусто Пиночет начал сознавать, что дальнейшая модернизация страны требует более широкой социальной поддержки, а это неизбежно заставляет переходить к демократии. Выступая по радио и телевидению, Пиночет оценил итоги голосования как «ошибку чилийцев», однако заявил, что признает вердикт избирателей и будет уважать результаты голосования.

В декабре 1988 года на родину вернулась Ортенсия Бусси — вдова Сальвадора Альенде, которую в аэропорту встречали несколько тысяч чилийцев с портретами ее покойного мужа. Однако рядом с ней не было старшей дочери Беатрис, которая в изгнании покончила с собой. Не

было и сестры Альенде — Лауры, бывшего депутата парламента от социалистической партии, которая также покончила жизнь самоубийством. Казалось, злой рок преследовал эту несчастную семью.

В конце 1989 года в Чили состоялись президентские и парламентские выборы. В преддверии их была создана коалиция «Согласие во имя демократии», в которую вошли 17 оппозиционных партий от социалистов до консерваторов. Кандидатом в президенты от коалиции стал председатель ХДП Патрисио Эйлвин. От сил, поддерживающих генерала Пиночета, был выдвинут Эрнан Буччи, бывший министр финансов, именно ему в заслугу ставили быстрый экономический рост последних лет. Буччи набрал на президентских выборах 29,4 % голосов, что говорило о достаточно серьезной поддержке. Возможно, он смог бы и победить, однако часть голосов отошли к независимому кандидату Франсиско Хавьеру Эррасурису (15,4 %). Президентом стал Патрисио Эйлвин, который набрал 55,2 % голосов.

На выборах в парламент «Согласие» также победило, обеспечив себя 69 мест в нижней палате против 49 мест у сторонников Пиночета. В сенате расклад сил был соответственно 22 против 16. Однако в силу конституционных поправок, принятых на референдуме в июле 1969 года, в сенат вошли еще 9 человек — сторонников генерала Пиночета. В итоге оказалось 22 сенатора от «Согласия» против 25 сторонников бывшего диктатора. Новый генсек чилийской компартии Володя Тейтельбом по этому поводу заявил без

обиняков, что отныне правительство Эйлвина столкнется с «параллельной фашистской властью, способной серьезно затруднить демократический процесс».

11 марта 1990 года к власти пришло демократическое правительство во главе с семидесятидвухлетним Патрисио Эйльвином. Генерал Пиночет ушел с поста президента, однако остался командующим сухопутными войсками и сохранил свое влияние в политической жизни страны.

Хотя формально страна встала, казалось бы, на путь демократии, она продолжала жить по меркам переходного периода. Президент не мог сменить командующих родами войск, в том числе и Аугусто Пиночета. Эйльвину приходилось действовать осторожно и постепенно, чтобы не нарушить крайне хрупкого гражданского согласия. Он прекрасно помнил, как генерал Пиночет неоднократно говорил: «Если тронут кого-либо из моих людей, правовое государство перестанет существовать!» Помнил президент и о том, что в 1988 году на плебисците Пиночет получил более 43% голосов.

Между Эйльвином и генералом Пиночетом было достигнуто соглашение, что они оба будут исполнять роли, отведенные им конституцией. «Я привык уже править вместе с ним», — то ли в шутку, то ли всерьез сказал как-то Эйльвин в ответ на требования отставки Пиночета. Однако сразу же после президентских выборов остро встала проблема расследования преступлений диктатуры.

Сам Патрисио Эйльвин был осторожен:

— Совесть Чили требует установления полной истины и свершения справедливости по мере возможности.

Что же, президент был человеком мудрым. После ухода военных с политической сцены часть общества потребовала реванша. Но ведь ответной реакцией на это могло стать новое вмешательство военных в политическую жизнь страны. Эйлвин предлагал «расследовать и простить». Однако левые круги и ассоциации родственников «пропавших без вести» настаивали на полном расследовании преступлений режима и наказании виновных. Под давлением общественности президент создал Комиссию правды и примирения, получившую название по имени ее председателя «комиссии Реттига», которая приступила к расследованию нарушений прав человека в период военной диктатуры. Только за первый месяц своей деятельности комиссия получила 2300 жалоб.

Реттиг говорил:

— Мы должны выявить истинное число погибших и пропавших без вести. Сейчас имеются только предположительные и отрывочные данные о жертвах. Мы должны будем воссоздать полную картину, чтобы страна знала все. Мы считаем, что установление истины — это основа морального примирения в дальнейшем. Демократия не мстит, а ищет справедливости.

Данные о жертвах были крайне противоречивы. Во многих публикациях говорилось, что число погибших за 16 лет правления хунты достигало 40 тысяч, без вести пропало — 3 тысячи. По данным

«Эмнисти интернэшнл», погибло 30 тысяч человек. В марте 1991 года Комиссия Рауля Реттига обнародовала доклад, содержащий официальную оценку и описание всех выявленных случаев нарушений прав человека в 1973—1989 годы. По данным комиссии, за период правления военной хунты в Чили погибло 2279 человек, в том числе 164 человека стали жертвами насилия во время разгона манифестаций и при облавах, а 2115 человек погибли при различных обстоятельствах от рук агентов спецслужб и военных. Комиссия также сообщила, что президент Сальвадор Альенде покончил с собой.

В телевизионном обращении к стране Патрицио Эйлвин «от имени всей нации» попросил прощения у жертв репрессий военного режима и их родственников. Пообещав материальную и моральную компенсацию репрессированным и их родственникам, президент Эйлвин сказал:

— Если боль, страх и справедливое возмущение подтолкнут нас к ненависти и насилию, то вскоре мы опять вернемся к прошлому.

Комиссия Реттига пришла к выводу, что диктатура и спецслужбы виновны в массовых нарушениях прав человека. При этом комиссия не ставила своей целью наказание виновных в репрессиях. Главным было национальное примирение, а не поиск «козлов отпущения». Однако, узнав о заключении комиссии, генерал Пиночет полностью их отверг. Выступая в столице перед курсантами военного училища, бывший диктатор заявил, что всякое признание причастности даже отдельных военных к преступлениям —

это оскорбление тех из военных, кто сам погиб в те годы. В ответ на выводы комиссии военные сделали заявление, что переворот 1973 года и последующие репрессии были вызваны «состоянием войны», в котором находилась вся страна. Позднее, в 1992 году генерал Аугусто Пиночет все же вынужден был признать, что в годы военной диктатуры были случаи нарушения военными прав человека.

Со временем авторитет Пиночета падал. Опрос общественного мнения, проведенный в 1992 году, показал, что ему отдали свои голоса только 20 % опрошенных, Эйлвин же получил 70 % голосов. Были у генерала Пиночета проблемы и за рубежом. В 1991 году сорвалось его европейское турне, поскольку уже в самом начале, когда Пиночет находился в Великобритании, ни один из официальных представителей его не принял.

Между тем правительство Эйлвина продолжало курс Пиночета на неолиберальную модернизацию страны. Новый президент не раз отмечал, что военная диктатура оставила его правительству не лучшее экономическое наследство: высокий бюджетный дефицит, инфляция, безработица, низкий уровень жизни широких слоев населения. Он говорил о необходимости смены приоритетов в экономической политике, которая должна сделать акцент на решении социальных проблем. Вместе с тем, отдавалось должное экономическим сдвигам к лучшему, которых сумел добиться режим Пиночета. Экономический рост только в одном 1989 году составил 10 %. Были заложены реальные предпосылки для прорыва Чили в группу среднеразвитых стран.

— В Латинской Америке чилийская экономика — одна из самых здоровых, — говорил председатель торговой палаты страны Даниэль Платковски. — Ширится внутренний рынок. Я считаю, что именно экономические успехи позволяют совершить теперь мирный переход к демократии. Насчет ближайшего будущего мы тоже спокойны — избраны умеренный президент, предсказуемый парламент. Лидеры ХДП заявляют, что не намерены подрывать основы нынешнего экономического прогресса, менять «правила игры»³⁴.

Правда, у самого правительства были более жесткие оценки. И это понятно, поскольку непростые проблемы, оставленные режимом Пиночета, приходилось теперь решать именно ему.

— Пиночет оставил векселя, оплачивать которые приходится нам, — говорил министр финансов Алехандро Фоксли. — Нынешнее процветание фактически обеспечено валютными кредитами, которые не сегодня-завтра ударят бумерангом финансового кризиса и экономического спада. Ведь у Чили очень большой внешний долг по отношению к валовому национальному продукту — 75 %! И разорительнейшие обязательства по ежегодным процентным отчислениям — 8 % ВВП, в то время, как у Аргентины — 5,6, а у Мексики — 5 %.

Правительство Эйлвина стало больше внимания уделять социальным проблемам. Создавались новые рабочие места. Минимальная заработная плата была повышена с 80—90 долларов до 110—130, а минимальная пенсия установлена в 85 %

от минимальной зарплаты. Много внимания уделялось проблемам образования и просвещения. К середине 90-х годов грамотность составила 95 %, а 8-летним образованием было охвачено 96 % детей от 6 до 14 лет. В вузах тогда же обучались 20 % молодых чилийцев в возрасте от 18 до 24 лет.

Главной заслугой Патрисио Эйлвина можно назвать то, что он продолжил экономическую модернизацию Пиночета и утвердил курс на гражданское согласие. Однако в условиях полутрадиционного, потенциально расколотого общества согласие это было очень хрупким.

Бурным оказался 1993 год. На 11 декабря были назначены президентские выборы. В преддверии 20-й годовщины переворота активизировались левые силы. В центре столицы прошла манифестация родственников погибших боевиков Патриотического фронта имени Мануэля Родригеса, который намеревался покончить с властью военных насильственными методами. Манифестация была разогнана полицией. Многие чилийцы возмущались всеми этими беспорядками. Стоило политикам стать у руля, как снова нарушается стабильность, говорили они.

В марте 1994 года в должность президента вступил христианский демократ Эдуардо Фрей, победивший на выборах. Вскоре министр финансов нового кабинета заявил, что к началу XXI века Чили по уровню жизни сравняется с Португалией и Грецией, а к 2005 году догонит Испанию, «историческую родину» для всех латиноамериканцев. Прогнозы эти исходили прежде всего

из того, что было достигнуто при Аугусто Пиночете и Патрисио Эйлвине. В 1996 году прирост ВВП составил 8 %, инфляция уменьшилась до 6,6 %. Годовой душевой доход достиг 5,5 тысяч долларов.

Финансовый кризис, взорвавшийся в конце 1994 года Мексику и остро сказавшийся на большинстве других латиноамериканских стран, не затронул Чили, где осуществлялась жесткая финансовая дисциплина. Все чаще, по аналогии с южноазиатскими «тиграми» и «драконами», Чили стали называть южноамериканским «ягуаром».

Однако проблем у нового правительства было более чем достаточно. Нарастала социальная напряженность. Возобновилась деятельность террористов. Прошли массовые забастовки в угольной промышленности, среди работников образования и здравоохранения. Когда в 1995 году были арестованы руководители тайной полиции при Пиночете — Мануэль Контрерас и Педро Эспиноса, то это сразу же привело к политической напряженности. Военные и сам Пиночет по-прежнему пользовались немалым влиянием. Один из министров правительства Эдуардо Фрея говорил корреспонденту «Чикаго трибюн»:

— К Пиночету и военным прислушиваются. Они очень могущественны и играют важную роль.

В начале 1998 года генерал Пиночет ушел в отставку с поста командующего сухопутными силами, однако остался, в соответствии с конституцией, пожизненным сенатором в верхней палате парламента. Но неожиданно именно этот год стал самым бурным и насыщенным для 83-летнего

Аугусто Пиночета. В преддверии 25-летия военного переворота все чаще раздавались призывы сделать 11 сентября обычным рабочим, а не праздничным днем. Председатель ХДП Энрике Красс внес соответствующее предложение в парламент, нижняя палата приняла его, Сенат отклонил. Пиночет сразу же высказал по этому поводу свое мнение, заявив журналистам, что решительно возражает против превращения праздника 11 сентября в будний день, поскольку это только будет способствовать большему разжиганию ненависти и расколу общества³⁵.

А осенью этого года Аугусто Пиночет, совершенно неожиданно для себя, вновь оказался в центре внимания мировой общественности. 17 сентября он был арестован в Лондоне, куда приехал на лечение. Было объявлено, что генерал должен быть допрошен по делу об исчезнувших в годы его правления в Чили гражданах Испании. Позднее в Лондон поступило досье из 366 страниц, составленное испанским судьей Балтазаром Гарзоном, где содержались данные по 90 случаям убийств и пыток в Чили при Пиночете. Сам генерал заявил:

— С помощью Всевышнего я вернусь домой в Чили, где надеюсь закончить свои дни в мире и покоя. Граждане моей страны пришли к согласию по поводу прошлого, и только они могут быть моими истинными судьями. Более четверти века я живу в согласии со своей памятью и совестью. Не надо открывать старые раны.

И вновь самые ведущие газеты мира бросились сообщать эту «горячую» новость:

— Генеральный секретарь ООН Кофи Анан приветствует арест Пиночета!

— Генерал Пиночет совершил ошибку, выехав за границу. Диктаторам этого делать не следует.

— 22 октября Маргарет Тэтчер, находясь в США, направила в газету «Таймс» гневное письмо с призывом немедленно освободить Пиночета. Она напомнила, что в 1982 году генерал Пиночет поддержал во время войны за Фолкленды не Аргентину, а Великобританию, предоставив англичанам военную базу в Чили и разведданные.

— Чилийцы смогли создать самую устойчивую в Латинской Америке демократическую систему. Одно из оснований этого успеха — договор между демократическими силами и диктаторским режимом, предопределивший мирный демонтаж диктатуры. Арест Пиночета может негативно отразиться на осуществлении этого договора.

— В последнее десятилетие марксисты-романтики испытывают особенно лютую ненависть к Пиночету, который больше всех сделал, чтобы остановить и обратить вспять их революцию.

Можно ли считать, что отныне все страны, поддерживающие Международный суд, начнут задерживать приезжих, которых обвиняют в том, что в годы их правления погибли люди? Почему бы Испании не арестовать Фиделя Кастро, который как раз сейчас прибыл туда с визитом?! Почему начали с 83-летнего старика? Гуманно ли это? Надо ли отправлять его в Испанию? Да любой испанец, хоть немного знающий историю, должен денно и ночно благодарить судьбу за то, что в годы лихолетья в Испании нашелся свой

Пиночет, человек, который спас страну от марксистского рабства!

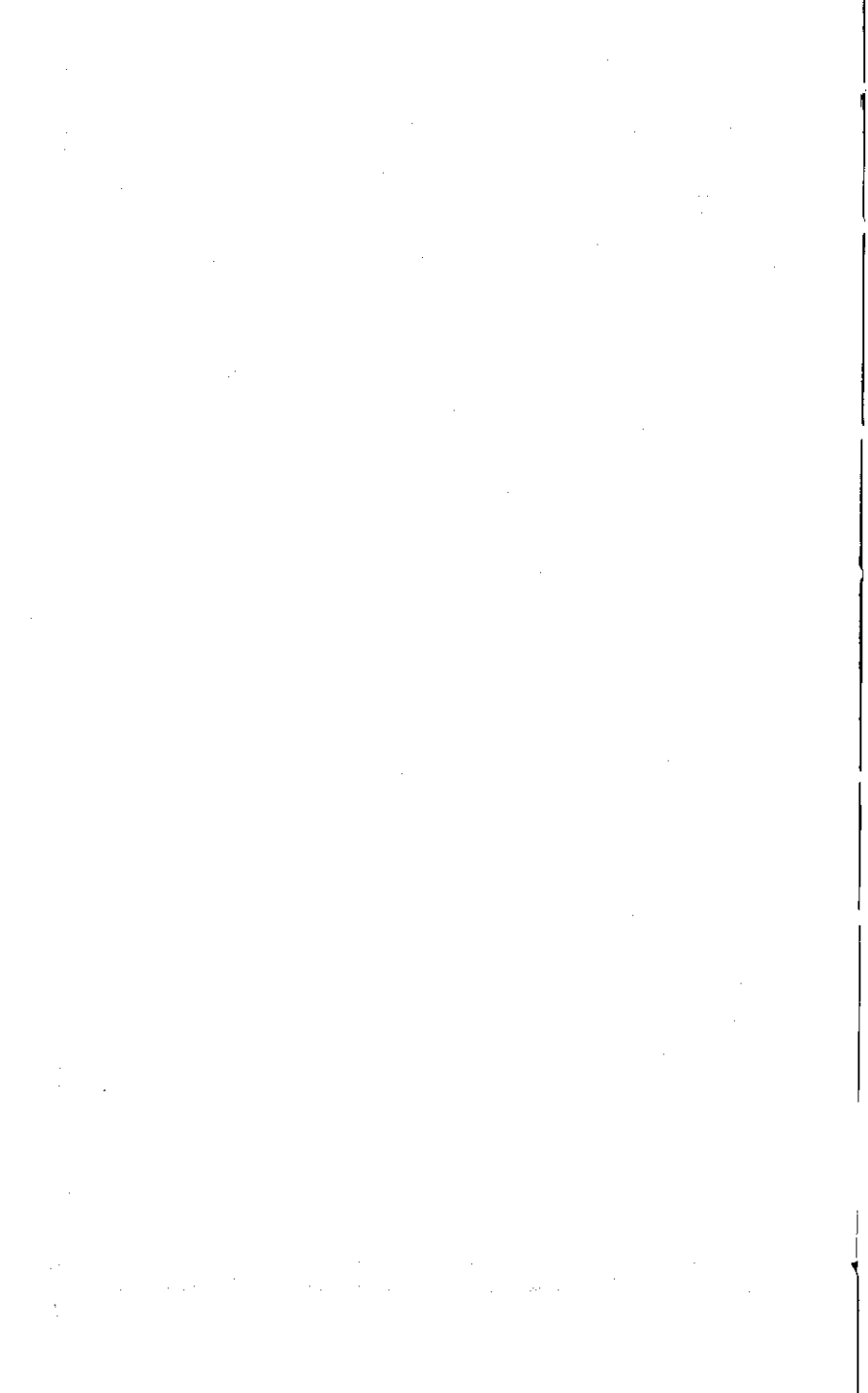
* * *

— Нужна ли России диктатура? — спрашивает у генерала Пиночета наш журналист.

— Я бы никому не советовал устанавливать диктатуру. Но в вашем положении постоянно бы спрашивал сам себя: как поступить, когда все вокруг катится к хаосу и надвигается катастрофа?!

ЧАУШЕСКУ И
«ЗОЛОТАЯ ЭРА»
РУМЫНИИ

Высота падения равна низости возвышения.
(Из народного творчества).

Сухая старческая кожа на иссиня-бледном лице, тонкие обескровленные губы мертвеца, закрытые глаза, запрокинутая голова на усыпанном грязным снегом дворике военной казармы — таким был трагический финал двадцатичетырехлетнего правления Великого Кондукатора («руководителя») Николае Чаушеску, одного из ведущих лидеров стран социалистического блока, самого популярного на Западе «вождя» с Востока. Рядом с ним в такой же страшно неестественной позе лежала его жена Елена. Отзвучал последний аккорд «народной революции». Народ ликовал, опьяненный свободой, скорее напоминающей анархию. Всякая революция создает иллюзию, что можно сразу ликвидировать старые порядки и

зажить по-новому. Но чрезмерные ожидания неизбежно порождают разочарование. Уже через несколько лет стала нарастать ностальгия по «золотой эре» Чаушеску, потому что коррупция, воровство, безразличие к людям со стороны «новых вождей» затмили даже времена диктатуры Великого Кондукатора. А он вместе с женой навеки успокоился в скромной могиле на кладбище Генча, залитый бетоном. Опасались, что тела казненных могут выкрасть.

Мог ли кто предвидеть подобный конец «Гения Карпат»?! Ведь только что, в ноябре 1989 года, на XIV съезде Румынской компартии делегаты неистово рукоплескали своему Кондукатору и громовые крики «Чаушеску и партия!», «Чаушеску и народ!» сотрясали своды огромного зала. Однако едва рухнула диктатура Чаушеску, как заговорили о «загадках» румынской революции. Действительно, даже сейчас, в конце девяностых годов, спустя десять лет после кровавых декабрьских событий и гибели четы Чаушеску, остается немало вопросов, так и не получивших за все это время ответа¹.

Почему с самого начала новая власть активно отвергала все «теории заговора» и настаивала на стихийности революции, что вызывало некоторое недоумение: ведь организация и осуществление заговора в условиях диктаторского режима и всевластия службы безопасности Секуритате еще больше повысили бы авторитет постчаушесковского режима?! Так существовал ли заговор или же это действительно был стихийный и совершенно неуправляемый социальный взрыв?

Не подлежало разумному объяснению неадекватное, если не сказать самоубийственное поведение Чаушеску в последние годы его правления. Быть может, «ближний круг» его попросту «подставлял», жестко дозируя поступающую на стол Кондукатора информацию!? Почему, например, Чаушеску преспокойно отправился с официальным визитом в Иран в декабре 1989 года, хотя события в Тимишоаре становились все более угрожающими?

Заговорили, хотя и весьма глухо, о том, что Чаушеску все-таки удалось «совершить невозможное» и выплатить все внешние долги, что сразу же представляло фигуру Кондукатора в ином свете и частично объясняло экономические трудности и жесткую экономию в 80-е годы.

Уже вскоре после поспешной казни четы Чаушеску выяснилось, что фигурировавшая на суде цифра в шестьдесят тысяч погибших была надуманной, на самом деле погибло около тысячи трехсот человек. Кому и зачем понадобилось в таких диких масштабах преувеличивать число жертв?

Да и сами по себе поспешный суд-фарс и скоропалительная казнь четы Чаушеску вызвали в мире шок и, соответственно, новые вопросы. Кому и зачем понадобилась быстрая ликвидация Чаушеску? Почему нельзя было провести открытый и законный суд? Почему на суде супругам Чаушеску, в сущности, не дали говорить? Почему главный обвинитель прокурор Джикю Попá вскоре покончил с собой (или был убит)?

Говорили о том, что кровавые уличные бои в столице были развязаны искусственно, чтобы стать

ширмой для закулисной борьбы за власть, прежде всего между Ионом Илиеску и Ионом Вердецом, или, по другой версии, скрыть факт дележа властных полномочий между руководством Секуритате и группой Илиеску! И почему в появившемся 22 декабря на телецентре Илиеску все сразу же признали лидера революции?

Каким образом в ходе следствия против всемогущего шефа Секуритате генерала Юлиана Влада ни один свидетель не дал показаний, а «верные псы» Чаушеску генералы Вирджил Мэгуриану и Виктор Стэнкулеску сразу же заняли в новом правительстве соответственно посты руководителя информационной службы, ставшей преемницей Секуритате, и министра экономики!?

«За кулисами каждой революции скрывается немало тайн, которые будут открыты не сразу, а со временем», — говорил в одном из своих интервью в 1990 году генерал Мэгуриану, уже занявший свой новый пост. Он словно предвидел, что завеса тайны будет еще долго скрывать многое из того, что случилось в кровавом декабре 1989 года. Как известно, в реальной истории действуют также и иррациональные факторы. Может, учитывая это, в будущем удастся что-то объяснить в румынских событиях? Или просто упрямая слепота диктатора и его «ближнего круга» привели к трагическому итогу?! Как бы то ни было, Чаушеску остался в истории, встав в один ряд с другими диктаторами XX века. Это была крайне противоречивая фигура, и до сих пор нет полной ясности относительно его эпохи правления в Румынии.

Николае Чаушеску вместе с женой покоится в скромной могиле на окраине Бухареста. На могиле, усыпанной снегом, несколько желтых свечей, букетики цветов. К одному прикреплена записка: «Я, рабочий шинного завода, пришел сюда в пять часов утра и зажег первую свечу». В день святого Николая он пришел поклониться могиле Николае Чаушеску. Молодая женщина, чей муж в Германии на заработках, пришла сюда с четырьмя детьми. «Эта революция нам ничего не дала», — говорит она. Женщина опускается на колени, достает свечку из кармана. Приходит полковник из Сибиу. Он крестится и бережно кладет на могилу букетик цветов. «Румыны не понимают, — говорит он, — как много хорошего сделал Чаушеску для этой страны».

Из года в год жить становится все труднее, поэтому многие находят отдушину в воспоминаниях. Они тоскуют по временам Чаушеску. На улицах нищие просят милостыню. Зимой даже в Бухаресте большинство квартир не отапливается. Всюду жесткий режим экономии электричества. Зато в роскоши живут «новые богатые», как их здесь называют. Многие из них — это бывшие офицеры секуритате и партийно-государственные функционеры времен Великого Кондукатора.

Все больше румын разочаровываются в новой власти, не способной ни на что, кроме бесплодных обещаний народу. С иронией и злостью вспоминают они многочисленные упражнения в революционной риторике, славословие в адрес «народа-победителя», политиканов и публицистов после падения Чаушеску, заверения, что отныне народ может смотреть в будущее с «надеждой и оптимизмом».

Десять лет живет Румыния без Чаушеску. Оптимизм уходит, вера размывается...

1. Восхождение

Будущий «вождь» румынского народа Николае Чаушеску родился 26 января 1918 года в небольшом селе Скорничешти уезда Олт и был одним из десяти детей крестьянина Андруцэ. Семья жила бедно, однако отец сумел дать сыну начальное образование. Позднее Чаушеску так писал о своем детстве: «Будучи крестьянским сыном, я извдал гнет помещиков, а с одиннадцати лет и капиталистическую эксплуатацию». Видимо, в последнем случае он имел в виду свою работу подмастерьем в небольшой сапожной мастерской уже в Бухаресте, куда перебрался в поисках работы. Официальная биография утверждала, что в 15 лет Николае вступил в комсомол и был организатором ряда выступлений трудящихся. Тогда же он стал коммунистом.

Румыния, страна сравнительно небольшая и экономически слаборазвитая, длительное время располагалась как бы на стыке трех могущественных империй — Австро-Венгерской, Российской и Османской, что вынуждало ее лидеров вести очень осторожную политику, непрерывно и искусно маневрируя. Да и само государство было совсем еще молодым. После Крымской войны 1853—1856 годов западноевропейские державы отторгли у России три уезда на юге Бессарабии, чтобы лишить ее доступа к Дунаю. Княжествам Молдове

и Валахии, освобожденным от османского владычества, предоставили суверенитет. Вскоре господарь Александру Ион Куза объединил эти княжества. Так появилось государство Румыния.

Отсталая аграрная страна, где в селе проживало почти 80 % населения, в подавляющем большинстве неграмотное. Доминировало традиционное общество со своими культурно-религиозными ценностями и социальными установками, которое крайне медленно модернизировалось. На политической арене в 30-е годы нашего века около десятка партий соревновались в проповеди национализма, захватнических устремлений, на которых спекулировали фашистские организации — кузисты и железногвардейцы. Поэт Октавиан Гога, сформировавший по поручению короля Кароля II первое профашистское правительство в конце 1937 года, открыто проповедовал шовинистические и захватнические идеи: «сделать Румынию чистой от всех других национальностей», добиться «возрождения Дакии, которая простиралась от Вены до Азовского моря». Позднее эти идеи генсек Николае Чаушеску будет, хотя и не в столь явной форме, отстаивать и пропагандировать.

Еще в XVIII веке некоторые историки, в том числе Дмитрий Кантемир, высказали мысль о «чисто латинском» происхождении румын. Вскоре сложилась «латинская школа», сторонники которой считали, что после завоевания римлянами Дакии все ее коренное население фракийского происхождения было уничтожено, а затем эту территорию заселили римские колонисты. Современные румыны — их «чистокровные потомки». А противостоящая

«латинской школе» «фракийская теория» заявляла, что румыны — это прямые потомки фракийцев. Как бы то ни было, и те и другие совершенно отрицали влияние славян на румынскую культуру. Этими же идеями, видимо, объяснялось подчас презрительное отношение к славянам и венграм — непосредственным соседям румын.

Молодость Чаушеску прошла в королевской Румынии. Однако династия правила здесь сравнительно недолго — с 1866 по 1947 год. После свержения князя Александру Иона Куза, заговорщики возвели на трон Карла Людвига Гогенцоллерна — Зигмаринена, отпрыска прусского королевского рода. Он принял имя Кароль I и положил начало династии. Его сменил Фердинанд I, того — Кароль II, который родился в 1893 году. Правда, многие считали его не очень подходящим на роль наследника престола. Кароль отличался необузданным темпераментом и диктаторскими замашками. К тому же, по некоторым сведениям, он страдал редкой сексуальной аномалией — приапизмом (постоянной эрекцией)². Отсюда, видимо, его сексуальные эскапады и многочисленные «романтические» истории.

В 1921 году Кароль женился на 25-летней греческой принцессе Елене, которая, после 1947 года оказавшись со всей семьей в изгнании, прожила до 1982 года. В ноябре 1921 года родился Михай, которому и суждено было стать последним румынским королем. Через несколько лет отец оставил семью и трон, уехав с очередной любовницей. После смерти Фердинанда в 1927 году королем стал шестилетний Михай. Рассказывали, что в

день коронации он расплакался и спрашивал свою мать: «Что значит быть королем? У меня заберут игрушки?» Спустя три года Кароль II вернулся на родину и вновь занял престол, однако в 1940 году под давлением тогда еще генерала Иона Антонеску, вскоре ставшего маршалом, он отрекся от престола в пользу своего 19-летнего сына Михая.

Вначале Антонеску делил власть с легионерами из «железной гвардии», которых возглавлял Ходия Сима. Однако, опираясь на поддержку Адольфа Гитлера, в январе 1941 года маршал подавил мятеж «железнодорожников» и объявил себя кондукатором — полновластным правителем. 22 июня 1941 года из его уст прозвучало: «Приказываю перейти Прут!» Вступив в войну против Советского Союза, Румыния надеялась вернуть Бессарабию и Северную Буковину, присоединенные год назад к Советскому Союзу. В ходе «восточной кампании» погибли 250 тысяч солдат и офицеров. Румынские части сражались под Одессой, в Крыму, дошли даже до Сталинграда.

Постепенно популярность Антонеску в народе падала. В 1943 году он направил своих представителей в Каир, Анкару, Стокгольм и Мадрид, чтобы установить контакты с американцами и англичанами, однако все закончилось неудачей. 23 августа 1944 года перед угрозой стремительно наступавших советских войск король Михай I арестовал Антонеску. Позднее, уже в эмиграции, экс-король вспоминал события августа и свою беседу с Антонеску накануне его ареста: «Маршал выглядел усталым и раздраженным. Похоже, он был зол на Гитлера и на самого себя. Я пытался

убедить его, что судьба страны превышает судьбы каждого из нас, но безуспешно. В ответ на предложение об отставке он совершенно рассвирепел и прокричал, что не оставит страну в руках ребенка. В 1944 году, когда война была проиграна, румыны радовались, что диктатура Антонеску пала. Все понимали, что решить проблему иначе было нельзя. Правда, спустя два года румыны, сравнивая режим Антонеску с режимом Гроза и Георгиу-Деж, считали первый более мягким»³.

В сентябре 1944 года Антонеску был отправлен в Москву. Затем, в апреле 1946 года, он был возвращен в Бухарест и отдан под суд. В ходе судебного процесса, который после падения Чаушеску стали называть «великим национальным предательством», Антонеску был приговорен к смерти и 1 июня 1946 года расстрелян.

На этом историческом фоне «великих людей» и «значительных событий» молодой Николае Чаушеску начинал свой жизненный путь — бунтаря, подпольщика, революционера. В 1933 году он впервые был задержан полицией, затем последовали новые аресты. Чаушеску побывал в нескольких тюрьмах, в том числе и самой мрачной из них — Дофтани. «Чаушеску был ограниченным коммунистом-энтузиастом, который сам верил в проповедуемые им глупости, — говорил позднее оппозиционно настроенный генерал Штефан Костял, в то время политзаключенный. — Это выглядело достаточно странно, и поэтому большинство заключенных избегали его»⁴. Именно здесь в то время в заключении находились ветераны румынского коммунистического движения — Георге Георгиу-Деж,

Киву Стойка, Эмиль Боднэраш, Александру Могирош. Постепенно Чаушеску сблизился с «первым коммунистом» страны, став, по сути дела, его доверенным лицом. То был первый шаг на пути его восхождения к вершинам власти.

23 августа 1944 года перед угрозой стремительно наступавших советских войск Михай I арестовал Антоеску. Румынская армия получила приказ повернуть оружие против немцев. Сталин даже наградил короля высшей военной наградой — орденом Победы. Правда, уже вскоре коммунисты приписали себе главные заслуги в событиях 23 августа, назвав их «антифашистской и антиимпериалистической революцией социального и национального освобождения».

В продолжившей киноэпопею Юлия Озерова «Освобождение» советской ленте «Солдаты свободы» Чаушеску показан лидером коммунистической партии, что совершенно не соответствует истине. Однако фильм этот создавался в 70-е годы, когда мифы, проповедуемые в тогдашнем «социалистическом лагере», расцвели пышным цветом, став важным компонентом в идеологическом оболванивании масс. Путь Чаушеску наверх был достаточно долгим. После выхода из лагеря как раз накануне событий 23 августа 1944 года он становится главой Союза коммунистической молодежи, затем в октябре 1945 года его избирают в состав ЦК компартии.

В декабре 1947 года Михай I отрекся от престола. Позднее он заявит в одном из своих интервью: «Мое отречение было незаконным. Акт был подписан под физическим воздействием. У

Петру Гроза (тогдашний глава правительства) в кармане был пистолет. Охрана была арестована, а артиллерия заняла позиции вокруг дворца».

Жестокий и беспринципный Георгиу-Деж рвется к власти. В 1946 году он инспирировал смещение и казнь тогдашнего Генерального секретаря компартии Штефана Фориша. Позднее, в 1954 году, он же обвинил видного деятеля партии Лукреция Патрашкану в государственной измене. Среди членов и кандидатов в члены Политбюро, которые единогласно вынесли Патрашкану смертный приговор, был и Николае Чаушеску⁵.

В 1955 году будущий Кондукатор входит наконец в высшую партийно-государственную элиту, став членом Политбюро, ответственным за кадры. Он пользуется полным доверием Георгиу-Деж. Между тем после смерти Сталина советско-румынские отношения осложняются. В ходе «десталинизации» Никита Хрущев начинает менять руководителей в социалистических странах Восточной Европы. Однако подобный диктат никак не устраивал вождя румынских коммунистов, и ориентация Георгиу-Деж постепенно меняется. Правда, он поддержал ввод советских войск в Венгрию осенью 1956 года, однако все более сознавал, что невозможно все время опираться на Советский Союз и его армию.

На VII съезде коммунистической партии, которая в то время носила название Рабочая, впервые открыто заговорили о «румынском пути к социализму». В конце пятидесятых годов из Румынии были выведены советские войска. В 1964 году в советском журнале «Экономическая

жизнь» появилась статья, в которой излагался проект создания «межгосударственного экономического комплекса в зоне нижнего Дуная». Эту сугубо научную публикацию румынское руководство расценило как покушение на самостоятельность страны. Вскоре румынские коммунисты на своих собраниях услышали закрытое письмо ЦК партии с обвинениями в адрес Москвы и КПСС. Так уже в период правления Георгиу-Деж было положено начало «особому курсу» партии и страны.

В 1965 году, когда стала обостряться давняя болезнь Георгиу-Деж, в кругу его сподвижников начинает активно обсуждаться вопрос о преемнике «вождя». Главным претендентом на пост Генерального секретаря партии считался Георге Апостол, ветеран партии, в 30-е годы находившийся вместе с Георгиу-Деж в заключении. Однако не все были согласны с этой кандидатурой и в итоге остановились на компромиссной фигуре 47-летнего генерала Николае Чаушеску, отвечавшего тогда в Политбюро за армию и силы госбезопасности и получившего поддержку со стороны премьера Иона Георге Маурера.

2. Великий Кондукатор: культ без личности

Оказавшись на посту Генерального секретаря партии почти одновременно с Леонидом Брежневым, Чаушеску, как и его советский коллега, в первые годы своего правления проводил достаточно осторожную и продуманную политику. Как и

Брежнев, новый румынский генсек считался «временной фигурой», плодом компромисса различных группировок в партийно-государственной элите. Однако в итоге Брежнев находился у власти 18 лет, а Чаушеску — 24 года.

Надо отдать должное Николае Чаушеску — он сумел в полной мере использовать шанс, предоставленный судьбой. Сравнительно либеральной политикой на начальном этапе своего правления он привлек к себе симпатии значительной части румынской интеллигенции. Его внутренняя политика была гораздо менее жесткой, чем режим Георгиу-Деж. В стране свободно продавались иностранные журналы, газеты, книги. Люди могли относительно свободно общаться с иностранцами. Передачи зарубежных радиостанций не глушились. Чаушеску выступал за творческое обновление в культурной жизни, разнообразие стилей и художественных форм. Что же касается менее образованных слоев населения, то здесь Чаушеску делает ставку на национализм и полную самостоятельность страны, что соответствовало его давним устремлениям.

Именно эту политическую программу новый генсек озвучивал в своих многочисленных выступлениях: создать великое и независимое государство, независимое в том числе и от стран социализма. Отношения между Москвой и Бухарестом, КПСС и РКП все более осложнялись. Участие Румынии в организации Варшавского договора превращалось в простую формальность. Зато Румыния все более сближалась с маоистским Китаем, начало чему было положено еще при Георгиу-Деж в начале 60-х годов.

Однако больше всего внимания Чаушеску уделяет в это время укреплению своей власти. Еще будучи секретарем ЦК партии по организационным вопросам, он активно способствовал продвижению своих сторонников — Илие Вердеца, Паула Никулеску-Мизила, Вирджила Трофина, Маня Мэнеску, которые в 1965 году становятся секретарями ЦК⁶. В 1971 году секретарем ЦК партии становится также Ион Илиеску, в то время сторонник Чаушеску. Когда в 1969 году был созван X съезд партии, то две трети политбюро составляли те, кто был выдвинут в высшие эшелоны власти самим Кондукатором.

В то же время он постепенно оттесняет на второй план старую гвардию — соратников Георгиу-Деж, в которых видел угрозу своим властным амбициям и полномочиям, а затем и расправляется с ними. Был смещен Георге Апостол, обвиненный в «моральном разложении». Киву Стойка оставили во главе Ревизионной комиссии, но практически он был отстранен от участия в решении важных вопросов. Позднее Киву Стойка покончил с собой.

Опасаясь соперничества со стороны более молодых секретарей ЦК партии, Чаушеску внимательно следил за их настроениями и связями, предпринимая в случае необходимости самые решительные меры. Так, были перемещены на более низкие посты Паул Никулеску-Мизил, Ион Илиеску, Вирджил Трофин. Последний вскоре погиб при невыясненных обстоятельствах.

Важным этапом на пути установления Чаушеску личной власти стали события августа 1968 года, когда войска социалистических стран оккупировали

Чехословакию и положили конец «пражской весне». Румынский генсек резко выступил против этой акции. 21 августа на митинге на Дворцовой площади в Бухаресте он заявил, что вторжение в Чехословакию — это «колоссальная ошибка, серьезная угроза делу мира в Европе и судьбе социализма, постыдное пятно в истории революционного движения». «Нет и не может быть оправдания военному вмешательству во внутренние дела братского социалистического государства, — говорил Чаушеску, — никто извне не имеет права указывать, каков должен быть путь социалистического строительства в каждой отдельной стране».

В эти смутные дни в Румынию приехал известный американский журналист, корреспондент «Ньюсуик» Эдвард Бэр. Его поразило очень доброжелательное отношение румын к своему лидеру. Священник в разговоре с журналистом хвалил Чаушеску: «Очень хороший человек, он защитит нас от русских». Пожилой рабочий говорил: «Старому коммунизму, слава богу, сейчас везде капут». А рабочий-нефтяник из Плоешти сказал американцу: «Живем мы теперь хорошо, дела потихоньку идут на поправку. И будет все замечательно, если только русские оставят нас в покое». Э. Бэр позднее напишет: «Ситуация была предельно ясна: в самобытной стране появился необычайно популярный лидер»⁷.

По Фридриху Ницше, воля к власти является подлинной пружиной человеческих действий. Постепенно, по мере упрочения своих позиций, Чаушеску все более явно проявлял свои властные амбиции. Идет процесс формирования режима

личной власти. Уже на X съезде коммунистической партии в 1969 году делегаты, словно в едином порыве, вскакивали с мест и горячо аплодировали ему, скандируя: «Чаушеску — народ!» Сам Кондукатор все это воспринимал как должное. На этом съезде Чаушеску добавил еще один титул к растущему реестру своих заслуг — он стал Председателем Фронта демократии и социалистического единства, объединяющего все политические и общественные силы во главе с компартией. Вот цитата из румынского учебника истории: «В октябре 1968 года был создан Фронт социалистического единства (ФСЕ) — блок РКП и 29 различных общественных и профсоюзных организаций. В марте 1969 года за кандидатов ФСЕ в Великое Национальное собрание голосовало 99,75 процента избирателей»⁸. Тогда же Чаушеску становится председателем Совета обороны и Верховным главнокомандующим вооруженными силами страны.

Апатия и равнодушие румынского народа предопределили стремительное нарастание культа личности Чаушеску и превращение его в «полноценного» диктатора. Недаром Э. Бэр назвал свою книгу, посвященную эпоху «чаушизма», «Целуй руку, которую не можешь укусить». Нарастал «культ вождя». Все крупные мероприятия в стране освящались его именем. Набирала обороты мощная пропагандистская машина. В газете «Скынтейя» стали появляться подробные описания жизни Кондукатора в его собственном изложении. «Люди вроде меня появляются раз в пятьсот лет!» — заявил он в начале 70-х годов министру здравоохранения.

Когда в 1978 году Николае Чаушеску исполнилось 60 лет, то вся страна готовилась к этому «славному юбилею». Сдавались новые промышленные объекты, воздвигались памятники, слагались поэмы. Прилавки книжных магазинов были заполнены книгами, воспевающими «мудрую политику» вождя. Именно тогда увидел свет знаменитый фолиант «Омаджиу» («Посвящение»), подготовленный группой придворных во главе с Думитру Попеску, на 664 страницах которого раболепно прославлялись заслуги Великого Кондукатора.

Средства массовой информации более всего обязаны были заботиться об имидже вождя. На телевидении за этим следил протокольный отдел Секуритате. По словам одного из редакторов, «нужно было убирать все невольные паузы, заминки, заикания Чаушеску, и только после этого программа шла в эфир». Существовали специальные инструкции, в соответствии с которыми при телевизионной съемке нельзя было подчеркивать маленький рост Чаушеску (167 см). Если государственные деятели, с которыми встречался Чаушеску, были выше его, то необходимо было вести съемки так, чтобы разница в росте не замечалась. В телевизионных, и кинохрониках высоких де Голля и Жискара д'Эстена никогда не показывали рядом с Кондукатором.

В тогдашнем румынском традиционном обществе сохранялись мощные социокультурные основания для культа личности: сервиллизм (раболепие), во многом обусловленный 500-летним господством турок; подавление личности в правовом и экономическом отношении; отсутствие необходимых

социокультурных противовесов произволу властей. Все еще сильными оставались традиции корпоративизма. Руководители страны после провозглашения государственности в 1857 году сочетали обязанности политического лидера и главы клана. По словам племянницы Чаушеску, психолога Нади Бужор, «мы, румыны, всегда тяготели к архетипу Сильного Отца»⁹. Безразличие образованных слоев общества к культуре личности позднее объясняли «глубоко внедрившейся оттоманской традицией лицемерия» и «укоренившейся привычкой к коррупции, протекционизму и взяточничеству». «Чего же вы хотите? Ведь мы живем у врат Востока!» — сказал как-то Раймон Цуанкаре, защищавший в румынском суде своего клиента. Все это дополнялось целенаправленной индоктринацией и пропагандой национализма.

К 70-м годам нормой стали такие обращения, как «Гений Карпат», «Источник нашего света», «Полноводный Дунай разума», «Творец эпохи невиданного обновления» и другие. Чем хуже становилась жизнь простых людей, тем больше средства массовой информации, полностью контролируемые партией, изощрялись в восхвалении Вождя. «Каким же надо быть, — задавался вопросом Э. Бэр, — чтобы купаться в лучах такой славы, разрешать печатать такие книги и принимать за чистую монету такую похвалу? Неужели Николае и Елена не видели, что улыбки их почитателей насквозь фальшивы и что доведенный до отчаяния народ, когда-то исполненный желанием целовать его руку, теперь готов яростно укусить ее?» «Что за внутренняя неудовлетворенность снесдала

супругов Чаушеску, заставляя их столь надрывно убеждать свой народ, что они заслуживают подобного поклонения?»¹⁰.

Особенно важным для Чаушеску стал 1974 год, когда, по сути дела, был завершен процесс концентрации всей полноты власти в его руках, что нашло свое конституционное оформление в избрании Чаушеску президентом страны. В том же году XI съезд принимает новую программу партии, где была поставлена задача построения всесторонне развитого социалистического общества и продвижения к коммунизму.

Партия стала важнейшим звеном тоталитарного режима. Созданная в мае 1921 года, она долгое время действовала в подполье и была малочисленной. В 1944 году в рядах партии состояло полторы тысячи человек. Однако после войны ее численность быстро растет. В 1948 году компартия, насчитывающая к тому времени уже 806 тысяч членов, и социал-демократическая партия (132 тысячи) объединились и образовали Румынскую рабочую партию во главе с Георге Георгиу-Деж. Постепенно партия превратилась в орудие диктатуры, в инструмент лжи и демагогии. Недаром народные массы отождествляли партию и режим личной власти Чаушеску. Внутри РКП не существовало практически никакой оппозиции. Подавляющее большинство членов партии во имя спокойствия и личного благополучия смирились с системой, те же одиночки, кто изредка отваживался противостоять режиму личной власти, были скорее исключением, чем правилом.

Насквозь идеологизированные общественные науки формировали мифы и стереотипы, утверждающие, что в стране успешно развивается внутрипартийная демократия, что, «выполняя руководящую роль в обществе, РКП постоянно совершенствует стиль и методы работы, уделяет особое внимание обеспечению непосредственной связи с трудящимися массами».

Несмотря на то, что Чаушеску окружил себя самыми проверенными людьми, полностью он доверял только своим близким и родственникам. Через них он контролировал армию, органы внутренних дел, профсоюзы, госплан. Недаром в народе говорили, что страной правит «клан Чаушеску». Сын Чаушеску — Нику был первым секретарем комитета РКП в уезде Сибиу и кандидатом в члены политисполкома ЦК. Илие — брат Николае Чаушеску, являлся председателем высшего политсовета армии и заместителем министра национальной обороны. Ион, другой брат Кондукатора, занимал должность первого заместителя председателя Госплана. Генерал-лейтенант Андруцэ-Николае Чаушеску, также брат диктатора, работал в органах МВД. Муж сестры Чаушеску являлся секретарем ЦК партии. Барбу Петреску, брат Елены, был первым секретарем столичного комитета РКП. Другие родственники также занимали достаточно высокие посты.

Главным советником Николае Чаушеску была его жена Елена. Многие считали, что Кондукатор, человек достаточно слабовольный и мнительный, находился под ее полным влиянием. Эдвард Бэр сравнивает Елену с супругой другого диктатора —

Цзян Цин. Женщины познакомились летом 1971 года, когда чета Чаушеску находилась с официальным визитом в Китае. «Несмотря на разность судеб, — пишет Бэр, — обе женщины были одинаково жестоки, необразованны, антиинтеллектуальны, привержены прямолинейным и примитивным идеям, гарантирующим быстрые результаты и не требующим глубокомысленных рассуждений, обе стали незаменимыми спутницами своих великих мужей»¹¹. Ион Пачепа, бывший глава службы безопасности при Чаушеску, сбежавший летом 1978 года на Запад, в своей книге «Красные горизонты» свидетельствует, что большое впечатление на Елену оказал и пример вице-президента Аргентины Исабель Перон, с которой та встретилась во время визита в Буэнос-Айрес. Именно тогда супруга Кондукатора загорелась желанием стать крупным политиком.

В 1972 году Елена становится членом ЦК, а в 1973 — она уже член исполнительного комитета (политбюро) компартии. В 1980 году, став первым заместителем премьер-министра, Елена Чаушеску превратилась в самого могущественного после Кондукатора человека в государстве. «Подобно звезде, мерцающей подле другой на вековой небесной тверди, стоит она рядом с Великим мужем и озирает очами победоносный путь Румынии», — говорилось в одной из од в честь 60-летия Елены Чаушеску.

Пропаганда всячески стремилась утвердить в массовом сознании идеалистический образ семейной жизни Вождя. В «Омаджиу» говорилось: «С восхищением и уважением взираем мы на гармонию его

семейной жизни. Мы придаем особое этическое значение тому факту, что вся его жизнь — бок о бок с его верной помощницей, бывшей ткачихой, комсомольской активистской, членом партии с подпольных времен, а ныне Героем Социалистического Труда, членом ЦК РКП, товарищем Еленой Чаушеску — является образцовым примером судеб двух коммунистов... Трое детей Президента, следуя заветам родителей, как и мы все, трудятся на благо победы социализма в Румынии. Все это свидетельствует о том, что труд и личный пример являются основными заповедями в семье Чаушеску».

Однако румыны, особенно жители столицы, хорошо знали о всех семейных неурядицах Чаушеску. Старший сын Валентин порвал все отношения с отцом и матерью и жил обособленно. Елену он ненавидел за то, что она постоянно вмешивалась в его семейную жизнь. Получив образование в Оксфорде и вернувшись на родину, он против воли родителей женился на Жордане Борила, румынской еврейке. После нескольких лет совместной жизни они развелись. Дочь Зое в молодости вела весьма разгульную жизнь, а в 1974 году даже сбежала из дома, что вызвало страшный скандал в семействе¹².

Зато у младшего из детей, Нику, отношения с родителями были превосходными. Этот любитель женщин и пирушек считался официальным премиником Кондукатора. Газета «Румыния либерэ», когда Нику исполнилось тридцать лет, так написала: «Как хорошо, что сын так похож на отца». Нику сначала был руководителем румынского комсомола, а затем стал первым секретарем партийного комитета уезда Сибиу.

Николае Чаушеску не терпел даже малейшей критики в адрес своего клана. Когда кандидат в члены политбюро Карол Кираи на одном из заседаний осмелился поинтересоваться, в качестве кого с ним ездит повсюду его жена, то уже через несколько дней оказался на должности рядового инженера. Однако в общественном мнении сложился достаточно устойчивый негативный образ «семейного клана» Чаушеску, далекий от того, что изображался в средствах массовой информации.

3. «Золотой век» Румынии

Мы с уверенностью смотрим на социалистическое будущее во всем мире! Социализм — это путь для всех народов!

(Из интервью Николае Чаушеску газете «Правда» 23 августа 1989 г.)

Идея социализма и практика «социалистического строительства» в Румынии были неотделимы от личности Кондукатора и его теоретической деятельности. Однако, несмотря на отстаивание «особого пути» Румынии в построении социализма и коммунизма, Чаушеску, в отличие от Мао Цзэдуна, не пытался видоизменить марксистско-ленинское учение, создать «национальный марксизм». «Исходя из того, что социализм строится в различных условиях в каждой стране в отдельности, — говорил Николае Чаушеску на пленуме ЦК в июне 1989 года, — что нет шаблонов и «моделей», надо постоянно помнить, что осуществление социализма возможно только на

основе принципов научного социализма, устранения неравенства, угнетения человека человеком, путем реализации новых производственных отношений, подлинной социальной справедливости»¹³.

Практически все выступления Чаушеску на пленумах ЦК компартии, разного рода торжественных заседаниях, конференциях и совещаниях отличал «научный подход», в основу которого был положен «диалектико-материалистический анализ». В Румынии, как и в других «братских странах», общественная собственность отождествлялась с государственной, а под социализмом понимали прежде всего государственное управление всей экономической и общественной жизнью. Из чисто политического инструмента экономических преобразований власть стала определяющим элементом всей хозяйственно-экономической системы. Такова была практика «социалистического строительства», под которую Великий Кондукатор подвел теоретическую базу», однако идеи его отличались догматизмом и примитивизмом.

Вот основные взгляды Чаушеску на социализм, вытекающие из анализа его докладов и выступлений:

— социализм призван ликвидировать частную собственность на средства производства и передать их в руки подлинных хозяев — рабочих, интеллигенции; только крупная собственность в сельском хозяйстве обеспечивает необходимые условия для экономического развития;

— основной рубеж социалистического строительства в Румынии — IX съезд партии (1965 год); Румыния из слаборазвитой превратилась в индустриально-аграрную страну, непрерывно

развивающуюся на основе новейших достижений науки и техники;

— будущее всего человечества — только социализм;

— в социалистической стране должна быть только одна, единая и мощная партия с революционным или прогрессивным мировоззрением, сохраняющая рабочий характер; нет и не может быть иной силы, которая могла бы выполнять жизненно важную роль коммунистической партии; партия не может отказаться от руководящей роли и не может ни с кем делить ее;

— при коммунизме партия исчезнет лишь тогда, когда весь народ достигнет высокого революционного сознания и революционной боевитости, когда сам народ будет революционным народом, создателем коммунизма.

Значительную роль в тоталитарном режиме Чаушеску играла официальная идеология, превращенная, по сути дела, в ложное и иллюзорное сознание, оторванное от социальной действительности и обслуживающее интересы правящей группировки. Практически все сферы человеческой жизнедеятельности были идеологизированы. Государство осуществляло жесткий и всеобъемлющий контроль, подавляя всяческое инакомыслие. Для этой идеологии государственная власть являлась единственной ценностью. Все, что происходило в румынском обществе, она рассматривала только в одной плоскости — укрепляет это или ослабляет власть государства над личностью.

Выступая на расширенном пленуме ЦК партии летом 1982 года и подчеркивая необходимость

развития «нового теоретического мышления», Чаушеску обращал внимание на новые теоретико-идеологические выводы:

- о необходимости развития рабочей демократии;
- о неразделимости социализма и демократии;
- о вступлении страны в период строительства «всесторонне развитого социалистического общества».

Наряду с «теоретическим поиском», большое внимание уделялось роли идеологии, идейно-воспитательной работы в «совершенствовании социализма». На Национальной конференции партии в декабре 1987 года Чаушеску, обращая внимание на «выдающиеся успехи», высказал обеспокоенность по поводу «ослабления духа самоотверженности и самопожертвования». «Появилось определенное самодовольство, — говорил он. — Некоторые думают, что у нас теперь такое положение, когда больше не нужно проявлять дух самопожертвования, революционный дух. К сожалению, появились даже определенные тенденции к обогащению, а также другие явления, чуждые принципам социалистической этики и справедливости, революционному духу».

В последние годы своего правления Чаушеску особенно много говорил о необходимости усиления идеологической работы, о том, что «мы должны в нашей идеологической работе дать ясный ответ на основные вопросы социализма, противоречий между капитализмом и социализмом, противоречий между «третьим миром» и развитыми капиталистическими странами». Он был обеспокоен событиями, происходящими в Советском

Союзе, других тогдашних социалистических странах, где нарастал процесс реформ и развивалась гласность. «Теперь в некоторых социалистических странах, — говорил Чаушеску на пленуме ЦК партии в октябре 1989 года, — ведутся дискуссии и формулируются различные тезисы, ведущие к отрицанию роли государства, партии, самой рабочей революционной демократии и ориентации на демократию буржуазного типа». В этих условиях, считал он, следует крепить партийную дисциплину и наращивать идеологическую, политико-воспитательную работу, всячески противостоять отступлениям от идей научного социализма¹⁴.

Пропагандируя идеи патриотизма, Чаушеску много внимания уделял вопросам истории. Практически ни один из крупных его докладов не обходился без экскурса в историческое прошлое Румынии. Здесь Кондукатор стоял на четких марксистско-ленинских позициях: «История человечества, а следовательно, и история румынского народа — это история развития производительных сил и общественных отношений, история классовой борьбы». Нередко его выступления перерастали в эпос: «С древнейших времен идеалы объединения, свободы и независимости постоянно вдохновляли румынский народ. Гордые Карпаты со своими славными вековыми лесами, своими тысячелетними реками стали колыбелью формирования и развития нашего народа. В Карпатах сформировался характер румынского народа, его отвага, мужество, доброта и человечность, гордость и неустрашимость в бою» (из доклада на торжественном собрании, посвященном празднованию

65-летия образования румынского единого централизованного государства).

Николае Чаушеску отстаивал идею о «дако-римском» происхождении румынского народа, имеющего, по его словам, «тысячелетнюю историю». Публицист Дорин Янку после падения диктатуры напишет: «Он ничего не упустил. История, география, экономика, культура были отданы на разнужданное поругание. Он переименовывал господарей и правителей. Он заставил, чтобы его рисовали среди портретов великих мужей, на могучих плечах которых зиждется история страны»¹⁵.

Важной составной частью идеологической деятельности партии стал жесточайший контроль за сферой культуры, образования и массовой информации. Когда Чаушеску посетил в 1971 году Китай и Северную Корею, на него большое впечатление произвел тотальный контроль правящих партий над областью духовной жизни и сознанием масс. После возвращения на родину Чаушеску провозглашает в стране «мини-культурную революцию», когда был сделан акцент на «массовой агитационно-пропагандистской работе», народных традиционных празднествах под лозунгами воспевания патриотизма. Вслед за этим последовали жесткие законы о печати. С поста секретаря ЦК по культурным связям за критику нового курса генсека был смещен Ион Илиеску, в 1989 году жестоко отомстивший за это Кондукатору.

Сравнительно либеральная политика в культурной жизни первых лет его правления была отвергнута. Все чаще Кондукатор обращается к идее, что «литература есть идеология и пропаганда».

«Нам нужна литература, проникнутая боевитостью, высоким революционным и патриотическим духом, вдохновляемая реальностями нашей родины, — говорил он на пленуме ЦК партии в октябре 1989 года. — Нам нужны проза и поэзия... динамизирующие деятельность трудящихся, молодежи нашей страны, проникнутая боевитостью, патриотическим и революционным духом музыка, наши фильмы и наш театр должны стать лучше»¹⁶. Поэтому все кинофильмы подлежали утверждению на «идеологической комиссии» только после трех обязательных просмотров. На те из них, которые «не соответствовали», накладывался арест.

Важной составной частью официальной идеологии стала идея «нового человека». В резолюции национальной конференции партии (1987) записали: «В свете установок Генерального секретаря партии тов. Николае Чаушеску в прошедшем после XIII съезда периоде в центре всей идеологической, пропагандистской, политической и массовой культурно-воспитательной деятельности постоянно находилась работа по формированию нового человека, всестороннему развитию человеческой личности, революционного сознания трудящихся на основе научной, философской, диалектико-материалистической концепции о мире и жизни». Создание «нового человека» считалось одним из основных достижений социализма в Румынии, что подкреплялось и «социологическими исследованиями». Сотрудник исследовательского центра по проблемам молодежи при СКМ социолог Петру Дэскулеску разъяснял советскому журналисту: «Наша молодежь не отрицает социалистических ценностей.

Да, еще можно встретить недостаточное понимание социализма, некоторую пассивность, мол, счастливое будущее придет само, подчас даже пацифизм или увлечение религией. Но даже для попавших под чужие влияния молодых людей настоящей моделью героя никогда не станет преуспевающий делец. Им был и остается сверстник, добившийся решения важного социального вопроса»¹⁷. Слова эти были сказаны в ноябре 1989 года. Уже через месяц «новые люди», проникнутые «социалистическими ценностями», вышли на баррикады.

С начала 80-х годов, в условиях обострения социально-экономического кризиса и падения жизненного уровня, в Румынии стало нарастать массовое недовольство, которое, впрочем, носило по преимуществу пассивный характер: отсутствие трудового энтузиазма, к которому столь часто призывал Чаушеску, падение дисциплины и производительности труда. Однако были и случаи открытых выступлений, в основном среди рабочих. Летом 1977 года шахтеры Лупеня, узнав, что румынский парламент принял закон о повышении для них на два года пенсионного возраста, организовали стачку протеста. Осенью 1987 года были серьезные волнения среди рабочих в Брашове. Дошло до того, что рабочие штурмом овладели зданиями уездного комитета партии и мэрии. При этом поджигали портреты Чаушеску. В ходе подавления волнений секуристами были убиты семь и арестовано более двухсот человек¹⁸.

В этих условиях органы безопасности Секуритате стали главной опорой диктаторского режима. Известно, что во всех странах Восточной Европы

были мощные службы госбезопасности, созданные по примеру советского КГБ. Секуритате считалась самой сильной из них. Действуя на основе принятого в конце 70-х годов президентского декрета, органы безопасности нарушали тайну личной переписки, вели прослушивание телефонов, устанавливали подслушивающие устройства в квартирах граждан. Насадивший у себя систему тотального контроля, Чаушеску считал, что и в цивилизованных странах творится то же самое. Королева Великобритании была шокирована подозрениями Чаушеску, что в комнатах, отведенных для него в Букингемском дворце, имеются подслушивающие устройства. Тот даже в целях «конспирации» проводил со своими помощниками совещания в саду.

По официальным данным аппарат Секуритате насчитывал всего 8400 офицеров-оперативников. Однако, по данным Иона Пачепы, в 1978 году их количество достигало 70000 человек. Когда началось ухудшение экономического положения, сотрудники Секуритате по-прежнему получали солидные продовольственные пайки, а их зарплата была даже повышена. Каждый румын мог в любой момент стать объектом преследования и политического шантажа. Практиковалась изоляция в психиатрических клиниках, увольнение с работы с «волчьим билетом».

Секуритате была создана еще в 1958 году, однако только при Чаушеску она стала поистине всесильной, тотальной и не подчиняющейся никому, кроме диктатора, организацией. Шеф Секуритате — эlegantный, всегда одетый в костюм «с иголки», генерал Юлиан Влад входил в

«ближний круг» Кондукатора и пользовался полным его доверием (и, похоже, совершенно напрасно). У Чаушеску и в этой сфере была своя тактика, и здесь он не собирался быть «как все». «Не надо создавать мучеников!» — любил говорить он. Объективные наблюдатели признают, что, несмотря на всю ненависть, которую эта диктатура породила, она никогда не была кровавой. Почти 25 лет Чаушеску безраздельно царствовал, но он никогда не вставал на путь кровавых репрессий, массового уничтожения людей, как Гитлер или Сталин, Мао Цзэдун или Пол Пот. Кондукатор предпочитал нечто вроде «психологического террора», в основе которого был страх перед всемогуществом и беспощадностью Секуритате. Долгие годы подобная форма контроля над людьми была более эффективной, чем жестокость. Представляется любопытным на этот счет высказывание Ливиу Турку, сотрудника госбезопасности, бежавшего в 1987 году на Запад: «Представьте себе огромный аппарат, распускающий слухи и наводящий страх и ужас, и созданную им атмосферу, в которой люди панически боятся, что, если они допустят хоть малейшую оплошность, квалифицированную как акт неповиновения Чаушеску, они бесследно исчезнут. Именно страх парализовал румынское население; самым выдающимся образцом дезинформации был слух, специально распускаемый Секуритате, что каждый четвертый румын является ее осведомителем»¹⁹.

Румыны были убеждены, что все их телефоны прослушиваются. В обществе вовсю процветали доносительство, поощряемое властями. Призывы

к непримиримой борьбе с «болтунами», «врагами народа», «агентами зарубежных спецслужб» нагнетали в обществе атмосферу шпиономании. И тем не менее диктаторский режим рухнул почти в одночасье. Почему же всемогущая Секуритате на сей раз не сработала?! Не захотела? Или же были какие-то иные причины.

На рубеже 70—80-х годов режим еще больше ужесточился. Зарубежные книги и периодика были запрещены. Люди обязаны были сообщать в полицию о любых контактах с иностранцами. Пишущие машинки подлежали регистрации в органах внутренних дел. В книгах и журнальных публикациях воспевался Чаушеску. Была кардинально перестроена экспозиция Музея национальной истории. Всего несколько залов отвели истории Румынии до 1965 года. Вся остальная экспозиция была посвящена эпохе «мудрого правления» Кондукатора. Видный историк Михня Георгиу свидетельствует: «Цитирование Чаушеску стало своего рода религиозным обрядом». Из художественных произведений в первую очередь печатались те, где, зачастую без всякой связи с сюжетом, славилась революционная деятельность Вождя.

4. Кондукатор и внешний мир

Будучи авторитарным правителем, Чаушеску единолично определял внешнеполитический курс страны. При этом чета Чаушеску очень любила путешествовать по миру, совершая визиты то в

одну, то в другую страну. «Гений Карпат» пользовался большим авторитетом и на Западе, и в странах третьего мира. Многие крупные государственные деятели того времени считали, что он обладал проницательностью в международных делах, несмотря на свою приверженность сталинизму и невысокий интеллектуальный уровень. «Чаушеску блистательно эксплуатировал «диссидентский» имидж Румынии, ухитряясь мирно сосуществовать и с арабами, и с израильтянами, обольщать и капиталистов, и новых лидеров третьего мира, — пишет Э. Бэр. — И лишь тогда, когда Советский Союз сбросил оковы многолетнего оцепенения, Чаушеску мгновенно и безнадежно устарел».

Исходя из своей концепции «самостоятельности и независимости», которая позволила Румынии более двадцати лет играть столь заметную роль в мире, Чаушеску прежде всего продолжил линию Георгиу-Деж на дистанцирование от КПСС. Играя на национальных чувствах румын и умело используя промахи брежневской политики, он превратился в весомую фигуру международной жизни. Еще в 1966 году Чаушеску выдвинул идею роспуска НАТО и ...Организации Варшавского Договора. В московском политическом истеблишменте подобный призыв вызвал шок. ОВД, стоявшая на страже безопасности «социалистического лагеря», была любимым детищем Москвы и ее весомым внешнеполитическим рычагом давления. После этого отношения между советским партийно-государственным руководством и Николае Чаушеску заметно осложнились. Так Великий Кондукатор подходил к своему «звездному часу».

Время Чаушеску пришло, когда в 1968 году началась «пражская весна». Новые, реформаторски настроенные лидеры Чехословакии во главе с Александром Дубчеком отказались от сталинистской модели командно-административной системы и взяли курс на либерализацию. Это вызвало серьезное беспокойство в Москве. Недовольство развитием событий в ЧССР высказывали также польский лидер Гомулка и руководитель ГДР Ульбрихт. Все это в итоге завершилось вводом войск Советского Союза и воинских подразделений Польши, Болгарии, ГДР и Венгрии в Чехословакию.

Николае Чаушеску категорически отказался участвовать в этой акции, более того, он резко осудил ее. Многие западные политологи в то время ставили Дубчека и Чаушеску в один ряд, однако уже вскоре стало очевидно, что Кондукатор отнюдь не разделял либеральных идей чехословацкого лидера. Что же в таком случае заставило его пойти на столь острую конфронтацию с Советским Союзом и большинством других социалистических стран? Многие считают, что Чаушеску опасался подобной интервенции СССР и в Румынию. Ведь Москва к тому времени с трудом терпела «диссидентство» Чаушеску. Вдобавок ко всему, Брежнев был раздражен не только «антисоветской» ориентацией румынского руководства, но и тем, что Чаушеску с помощью Секуритате собрал целое «досье», содержащее свидетельства того, что творил «красивый молдаванин» (так его называл И. Сталин) в Молдавии в 1950—1952 годах в бытность свою первым секретарем ЦК компартии Молдавии

(бывшей Бессарабии, аннексированной Сталиным в 1940 году).

Западный мир приветствовал эту политику Чаушеску. Уже в 1969 году в Румынию с официальным визитом прибыл президент США Ричард Никсон. О Чаушеску высоко отзывались многие крупные государственные деятели Запада. Зарубежные банки охотно шли на предоставление кредитов мужественной маленькой Румынии, давшей отпор самому Советскому Союзу. В европейских странах вскоре было опубликовано несколько биографических книг о Чаушеску, где он превозносился как «выдающийся руководитель», чье имя стоит «в первом ряду избранной когорты гигантов международной политики». Мужественное «диссидентство» Кондукатора, который бросил вызов Москве, словно ослепило зарубежных политиков, писателей, журналистов. Они и впредь предпочитали «не замечать» того, как из года в год ужесточался в Румынии режим личной власти, как разрасталось славословие в честь Кондукатора и его жены.

А «независимость» Чаушеску от Москвы приобретала все более широкий размах. Он не одобрил, хотя и не осудил, ввод советских войск в Афганистан в декабре 1978 года. При голосовании в ООН Румыния воздержалась. Чаушеску не согласился с советским бойкотом Олимпийских игр в Лос-Анджелесе в 1984 году. Недаром в советской печати практически не появлялось материалов о том, как живет Румыния при Чаушеску, тогда как об «успехах социалистического строительства» в других странах социализма наша пресса трубила чуть ли

не ежедневно. Да и о самом Чаушеску почти ничего не писали, полностью замалчивая неугодного кремлевской верхушке лидера.

На Западе же все больше говорили о Чаушеску. Многочисленные журналисты, приезжающие в Румынию с высокопоставленными визитерами, вроде Ричарда Никсона, Вилли Брандта, Шарля де Голля, широко освещали «румынский путь к социализму», в выгодном свете показывали и самого Кондукатора.

«Особые отношения» у Чаушеску сложились с Китаем и Северной Кореей. В июне 1971 года чета Чаушеску совершила большой визит в Китай, Северную Корею и Вьетнам. Большое впечатление на них произвела «культурная революция», затеянная в Китае Мао Цзэдуном. Они восхищались Ким Ир Сенем, который также на свой лад создал социализм, были в восторге от Пхеньяна. «Именно здесь, — пишет Э. Бэр, — в строго геометрическом разбеге улиц, в бесчисленных анфиладах типовых домов, в монолите ликующей толпы, в восхищении, оказанном им как гостям «божественного» Ким Ир Сена, в сказочно чистых заводах, населенных, по всей видимости, счастливыми, мащущими флажками рабочими, и в гудящих, подобно гигантскому улью, индустриальных комплексах, Чаушеску впервые увидел живое воплощение его давней, истинно сталинистской мечты: претворение в действительность «Коммунистического манифеста» Карла Маркса»²⁰.

Достаточно своеобразным был подход Чаушеску к оценке международного положения и расстановки сил на мировой арене. Румынию он относил к

третьему миру — неприсоединившимся странам, а раздел мира на бедных и богатых считал главным противоречием эпохи. Видимо, с этим был связан и его большой интерес к третьему миру. Чаушеску, встречаясь с лидерами неприсоединившихся стран, стремился довести до них мысль, что Румыния намного лучше, чем другие восточноевропейские страны, понимает нужды развивающихся государств.

Николае Чаушеску и высокопоставленные сановники его режима часто принимали участие в работе конференций неприсоединившихся стран, различных региональных совещаний. Его влекли к себе «сильные личности» арабского мира — Моамар Каддафи, Хафез Асад, Саддам Хусейн, Анвар Садат. Когда в начале 70-х годов Чаушеску посетил Ливию, то при встречах с Каддафи он апеллировал к общим интересам двух стран: «Я питаю к верующим глубокие чувства. Вы верите в Коран, я — в марксизм. Но мы оба верим в независимость наших стран. Вы прогнали американцев, мы — русских. Вы строите независимую исламскую страну, мы — независимую марксистскую. По этой причине мы должны сотрудничать». Однако после завершения встреч, по свидетельству Иона Пачепы, Кондукатор — так отозвался о Каддафи: «Пусть думает, что мы очарованы его сильной личностью»²¹.

Когда чету Чаушеску заинтересовали алмазы Бокассы, правителя Центральной Африканской Республики, то они разработали и провели целую операцию. Бокасса был приглашен в Румынию, где в ходе визита любвеобильному маршалу подсунули

агента Секуритате Габриэлу, заранее подготовленную для выполнения столь ответственного задания. Ее сексуальное искусство настолько очаровало Бокассу, что вскоре он затребовал ее к себе, где Габриэла стала супругой диктатора. Румыния получила право на участие в добыче алмазов в ЦАР. Однако более двух лет совместной жизни с Бокассой, ставшим в 1976 году императором, Габриэла выдержать не смогла и сбежала от свирепого мужа в Париж, с чемоданом, набитым драгоценностями. Чтобы избежать огласки этой не очень красивой истории, Чаушеску приказал отыскать девицу и вернуть ее в Румынию.

Внимательно следил Чаушеску за развитием событий на Ближнем Востоке. После июньской войны 1967 года Румыния, в отличие от остальных социалистических стран, не стала разрывать дипломатические отношения с Израилем, входящим в круг «особых интересов» Кондукатора. Еще в начале 50-х годов Израиль предложил выплачивать за каждого пожелавшего эмигрировать румынского еврея определенную сумму в валюте. После некоторых колебаний Георгиу-Деж согласился, предложив Израилю построить «под ключ» птицеферму. Когда строительство было закончено, Георгиу-Деж разрешил выезд для 500 евреев и заказал еще 5 подобных же ферм.

При Чаушеску за каждую визу уже надо было платить в твердой валюте. Так, по некоторым данным, в 1978 году одна виза стоила от 2 до 50 тысяч долларов США, а иногда ее стоимость доходила даже до 250 тысяч. Нередко Чаушеску пытался выступить в роли посредника в споре между

Израилем и палестинцами. По данным Э. Бэра, Чаушеску мечтал стать лауреатом Нобелевской премии мира, в связи с чем различные государственные инстанции Румынии осаждали Нобелевский комитет в Осло.

Постепенно «имидж» Кондукатора за рубежом все более тускнел. Ореол мужественного «диссидента» в мире социализма со временем превращался в миф. Идеино-политические взгляды, поступки, не поддающиеся рациональному объяснению мероприятия Кондукатора (политика «систематизации», строительство грандиозного Дворца Народа, уничтожение нескольких кварталов в историческом центре Бухареста) — все это вызывало антипатию у большинства крупных политиков. Когда Чаушеску в 1978 году посетил Францию, то он показался Валери Жискар д'Эстену «отвратительным, чванливым, закосневшим в самоуверенности и чувстве незыблемой правды».

За границу просачивалась информация о нарушениях прав человека в Румынии, о гонениях на инакомыслящих. Ион Пачепа подробно описал инцидент, случившийся в Нью-Йорке во время официального визита Чаушеску в США в 1978 году, когда большая группа румынских эмигрантов устроила демонстрацию против диктатора. «Большому Хозяину» и «Мадам» пришлось пережить немало неприятных минут, слушая выкрики «Убийца!», «Преступник!», «Чаушеску — Иди Амин!»

Однако и в последние годы своего правления Чаушеску не желал идти ни на какие реформы, хотя и, возможно, знал о своем потускневшем имидже в цивилизованном мире. Он осуждал горбачевскую

«перестройку» в СССР, не принимал тех изменений, что происходили в странах Восточной Европы.

— Почему Румыния не встает на путь перестройки? — интересовались представители советской молодежной делегации у своих румынских коллег в ноябре 1989 года.

— Вы знаете, — отвечал один из организаторов семинара, — японская поговорка утверждает, что

два рода дураков. Первые — те, кто ни разу не поднимался на Фудзияму. Вторые — те, кто поднимается на нее второй раз. В Румынии уже идет перестройка, просто тут

другой термин — «эпоха Николае Чаушеску». Отсчет — это IX съезд РКП. Он сопровождается хроническими теориями и приемами, концепцией «единой модели» строительства»²³.

Падения Чаушеску советский министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе в интервью «Ромыния либерэ» говорил: «Союзники Румынии глубоко переживали исподволь ее изоляцию в европейском процессе, просьбы, аргументы — не политика личной власти оказывались

многие предложения и инициативы на развитие свободных обменов, демократизацию отношений между государством и обществом».

Характер диктатуры Чаушеску вел к международной изоляции Румынии. Но менялся. Развитые страны вступали в новую эру». В интеллектуальном мире преобладала сила постмодернизма. В Китае

успешно осуществлялись экономические реформы Дэн Сяопина. Стремительно вырывались вперед новые индустриальные страны. Но Румыния была недвижима.

5. Апогей

В ноябре 1989 года в Бухаресте начал свою работу XIV съезд коммунистической партии Румынии, ставший последним в ее истории. Совсем недавно рухнула Берлинская стена. В Советском Союзе ширились политические реформы. Большие изменения произошли в международной обстановке. Однако Генеральный секретарь РКП был верен себе. В многочасовом докладе, нередко прерываемом «бурными аплодисментами», Николае Чаушеску, доложив о «новых успехах социалистического строительства» в Румынии, высказал недовольство «деидеологизацией отношений между социализмом и капитализмом» и начавшейся в ряде социалистических стран «капиталистической реставрацией».

Между тем в городе Тимишоара, который вскоре станет известен всему миру, уже проходило пикетирование дома священника Ласло Текеша. Вскоре бежала на Запад олимпийская чемпионка Надя Команэчи. В стране все более обострялся социально-экономический кризис. О чем думали в это время сидящие в президиуме съезда и владеющие, в отличие от Кондукатора, всей полнотой информации шеф Секуритате генерал Юлиан Влад, министр внутренних дел генерал Тудор Постелнику,

министр национальной обороны генерал Василе Миля? Предвидели ли они близкий конец диктатора? Или сами делали все, чтобы ускорить его?! Сам же Чаушеску, давно уже ставший приверженцем «теории конспирологии», считал, что Советский Союз и Запад стремятся уничтожить социализм в Румынии.

Похоже, именно восьмидесятые годы во многом предопределили судьбу Чаушеску и пути дальнейшего развития общества уже в постчаушесковскую эпоху. Что же происходило в Румынии в последние десять лет диктатуры «Гения Карпат»?

Уже на рубеже 70—80-х годов стали нарастать экономические сложности и неурядицы. В основе кризисных явлений была приверженность режима и самого генсека ортодоксальной марксистской экономической модели: жесткая командно-административная система, тотальное огосударствление экономики, развитие тяжелой промышленности на экстенсивной основе, коллективизация сельского хозяйства. В 70-е годы Чаушеску сделал ставку на западные кредиты. В результате к середине 80-х годов внешний долг Румынии составил свыше 20 миллиардов долларов. В заслугу Чаушеску надо поставить то, что он умел полностью погасить этот долг, однако режим сверхжесткой экономии заметно обострил социальную обстановку в стране.

Если перелистать советские газеты и журналы 80-х годов, то можно сделать вывод, что в Румынии все обстоит хорошо. Народ сыт и вполне доволен жизнью. Есть, конечно, и некоторые недостатки. По вечерам рано гаснет свет на улицах и

в домах. Только 2—3 часа в день работает телевидение. Рано закрываются дискотеки. Но вот как все это объяснял социолог Петр Дескулеску, сотрудник исследовательского центра по проблемам молодежи при СКМ: «Энергетический вопрос для нас — вопрос выживания, вопрос, от которого зависит осуществление нашего социалистического проекта. Жесткие меры призваны приучить будущие поколения к мысли, что ресурсов действительно мало и что каждому необходимо нести за них свою долю ответственности»²⁴. Между тем, бытовые условия населения из года в год становились все хуже. В квартире разрешалось включать только одну лампочку мощностью 15 ватт, горячая вода практически не подавалась. Обострилась продовольственная проблема. Позднее публицист Дорин Янку напишет в журнале «Румыния»: «Голод был своеобразным инструментом господства диктатора, который он применял наряду с холодом, мраком, страхом. Чаушеску рассчитывал с помощью этих элементов превратить людей в испуганных животных, единственной мыслью которых было бы как достать еду, независимо от того, что это за еда»²⁵.

В 60—70-е годы в Румынии было построено много промышленных предприятий, однако при этом в расчет не принимались энергетические затраты. В результате себестоимость их продукции в 3—4 раза превышала западную. Когда разразился мировой энергетический кризис 1973—1974 годов, тяжелая промышленность Румынии «почила в бозе». Тем более, что Советский Союз лишил страну своей дешевой нефти, и румынам приходилось

покупать ее за твердую валюту по мировым ценам. Громадный и капиталоемкий нефтеперерабатывающий комплекс Румынии так и не был введен в эксплуатацию.

Чаушеску несокрушимо верил в преимущества централизованной экономики и жесткого государственного планирования, однако к тому времени он был полностью отрезан своей «командой» от объективной информации. Курс на всеобъемлющий экспорт в целях скорейшей выплаты задолженности опустошил полки магазинов и создал ситуацию, близкую к голоду. Однако на вопрос корреспондента журнала «Ньюсуик» «Когда заполнятся пустые полки магазинов?» Чаушеску надменно отвечал: «У нас нет пустых полок. Наоборот, в наших магазинах полно товаров. Возможно, в магазинах стали халатно относиться к работе, но мы не хотим поставлять туда дополнительный товар. Вы можете пойти в любой магазин и купить все, что угодно, в том числе многие товары, которые мы поставляем в США»²⁶.

«Самая большая и самая вредная ложь чаушизма — ложь экономическая!» — писала газета «Румыния либерэ» 28 декабря 1989 года. Действительно, цифры, свидетельствующие об экономическом расцвете Румынии, очень впечатляли. В интервью газете «Правда» в августе 1989 года Николае Чаушеску утверждал, что после 1944 года промышленная продукция выросла в 135 раз, сельскохозяйственная — в 10 раз, национальный доход увеличился более чем в 40 раз. На пленуме ЦК компартии в октябре 1989 года он заявлял: «Согласно международным статистическим данным, Румыния

числится среди первых стран в мире с такими темпами развития, а некоторые данные выдвигают Румынию на первое место в отношении социально-экономического развития после второй мировой войны»²⁷.

Однако все эти цифры лгали. Действительная статистика скрывалась. Так, с 1985 года Румыния перестала поставлять во Всемирную организацию здравоохранения статистические данные о положении в сфере охраны здоровья. По официальным данным, в 1989 году общая продукция зерновых превысила 60 миллионов тонн, на деле же она составила только 16 миллионов тонн.

Угодливая пропаганда, направляемая придворными льстецами, все больше раздувала культ Вождя, этого «самого любимого сына румынского народа». Чаушеску приписывались все «успехи» — подлинные и мнимые — в создании «всесторонне развитого социалистического общества» и формировании «нового человека». За несколько месяцев до гибели Чаушеску беседовал с корреспондентом «Ньюсуик», который спросил его: «Люди, приезжающие из-за рубежа в Румынию, видят плакаты с вашим именем, в книжных магазинах они видят написанные вами книги. Кое-кто говорит о культе личности Чаушеску». Верный своей словесной эквилибристике, Кондукатор ответил: «Все личности в той или иной партии могут пользоваться расположением и поддержкой, если отождествляют свою деятельность с делом рабочего класса, с делом своего народа. И это не так уж плохо. Если это культ личности, то мне хотелось бы, чтобы во всех слаборазвитых

странах были такие личности, способные обеспечить повышение жизненного уровня народа. Я думаю, само понятие культа личности ложно, ибо если кто-то ясно видит окружающую действительность, то это не культ личности»²⁸.

Свою страну румыны в разговорах между собой именовали «Чаушвенцим», «Чаусима», «Паранополис». Однако ухудшение жизненных условий приводило только к усилению внешних проявлений культа Чаушеску. Некоторые официальные документы скорее напоминали бред больного воображения. В резолюции конференции РКП (декабрь 1987 года) было записано: «Национальная конференция является волнующим выражением чувств безграничной любви и глубокой признательности, которые испытывают коммунисты, вся наша партия и народ к товарищу Николае Чаушеску, самому любимому сыну нации, пламенно-му революционеру и патриоту, герою среди героев нашего народа».

Диктатор воспринимал все эти славословия как должное. Возникает вопрос — знал ли он о том, что происходит в стране, как живет простой народ, что говорят люди о нем? В беседе с советским журналистом румын, хорошо знавший Чаушеску лично, говорил, что диктатор не представлял реального положения дел и никак не предполагал, что народ может подняться на восстание. Однако другой собеседник говорил нашему журналисту:

— Я знал его очень хорошо. Так хорошо, что когда он стал генсеком, я ушел в отставку с министерского поста. В первые годы своего правления Чаушеску вел себя осторожно. Подлинный

характер он проявил позднее. Он страдал всевозможными комплексами. Во-первых, он сам нигде не учился, остался малограмотным и ненавидел интеллигентных, образованных людей. Во-вторых, был злым и мстительным. В-третьих, он был некрасив и, очевидно, мучился этим. Запинался при разговоре. Словом, мелкий человек во власти своих комплексов. Болезненное тщеславие, мания величия... Он уверовал в то, что он великий человек. Правда, ему в этом сильно помогли не только окружающие его подхалимы, но и многие весьма уважаемые деятели, особенно на Западе. Считалось, что он противостоит Москве.

— Он знал, до какого состояния довел страну?

— Прекрасно знал. И готовился к подавлению заговоров и восстаний²⁹.

Однако многие факты, в том числе отзывы тех, кто наблюдал Чаушеску после его бегства из здания ЦК партии, свидетельствуют, что Кондукатор был в шоке от случившегося. Он повторял: «Я дал им все, я дал им все!» Во время суда он не соглашался с обвинениями в свой адрес и заявлял, что народ живет хорошо. Похоже на то, что эта вера была обусловлена его наивностью. Вождь обитал как бы в вымышленном мире. Ведь по сути дела он сам подтолкнул народ на мятеж, когда приказал собрать массовый митинг на Дворцовой площади. Ему не приходило в голову, что вместо криков приветствия и славословий в его адрес народ потребует его смерти. Именно впечатление человека, оторванного от действительности, произвел Чаушеску на редактора журнала «Ньюсуик», который свидетельствовал: «И вот этот маленький

человечек вошел в комнату; в нем не было ни импозантности, ни обаяния, ни красноречия. Он производил впечатление жалкого существа, совершенно выключенного из реальной жизни Румынии, живущего в прошлом, в мире грез».

Чаушеску так и не сумел осознать, что ситуация существенно изменилась. Многие годы Запад противопоставлял Румынию брежневскому Советскому Союзу, а Чаушеску выставлял как оппонента Москвы. Но после 1985 года, когда в СССР начались реформы Михаила Горбачева, Запад все меньше интересовал румынский Кондукатор. Более того, позднее появились свидетельства, что западные спецслужбы готовили акции по дестабилизации и устранению коммунистического режима в Румынии, что задним числом подтверждало справедливость подозрений Чаушеску.

6. «Антихрист был убит в Рождество»

Первым сигналом грядущей катастрофы стали события в трансильванском городе Тимишоара, где проживало немало этнических венгров. Но никто из руководителей страны тогда и в страшном сне не мог представить, что местный пустяковый конфликт так быстро и неожиданно перерастет в массовое восстание. Чаушеску обвинит «иностранные державы» во вмешательстве во внутренние дела Румынии. Может быть, ему следовало бы обратить внимание на внутренних «агентов», прежде всего министров-«силовиков»?! Но, увы, он уже

был пленником собственной системы, где главную роль играла номенклатура, а не диктатор.

Что же произошло в Тимишоаре? Румынские средства массовой информации хранили по этому поводу полное молчание. Они освещали только официальный визит Чаушеску в Иран. Однако зарубежная, особенно венгерская печать достаточно подробно рассказывала о событиях в этом городе. Ласло Текеш, венгр по национальности, реформатский священник, выступавший в защиту прав венгерского меньшинства в Румынии, был подвергнут домашнему аресту, а затем его попытались выслать из города. Группа жителей собралась возле дома Текеша, взяв его в живое кольцо. В основном это были румынские венгры. Обстановка изо дня в день усложнялась, власти ничего не могли поделать.

17 декабря 1989 года Чаушеску созвал политбюро в связи с волнениями в Тимишоаре, которые длились уже месяц, поскольку впервые верующие собрались возле дома Текеша еще 17 ноября. За все это время справиться с «бунтом» не удалось, и эта непонятная волокита очень обеспокоила диктатора, который должен был решить — уезжать ли в Иран с официальным визитом или же остаться дома и самому руководить подавлением волнений в Тимишоаре. В Бухаресте, правда, все было спокойно. О том, что происходит в Тимишоаре, мало кто из румын знал, поскольку средства массовой информации ничего об этом, естественно, не сообщали. Накануне заседания политбюро Чаушеску приказал не принимать из-за рубежа ни одного туриста, в том числе и из социалистических стран,

за исключением Китая, Северной Кореи и Кубы, поскольку все они «являются шпионами».

Открывая заседание политбюро, Чаушеску представил все точки над «і»: «Здесь явно вмешательство зарубежных кругов, иностранных шпионских кругов, начиная с Будапешта... Известно также, что как на Востоке, так и на Западе все говорят, что в Румынии следовало бы изменить положение»³⁰.

Затем Чаушеску учинил жесткий допрос «силовикам», которые, в силу своих «пораженческих и капитулянтских позиций» позволили первоначально незначительным событиям перерасти в мятеж «деклассированных элементов». Обращаясь к министру обороны Василе Миля и министру внутренних дел Тудору Постелнику, разгневанный Чаушеску заявил: «Вы не выполнили приказ, который я вам дал в качестве верховного главнокомандующего и который обязателен для вас! Как это можно?! Хулиганы ворвались в здание уездного комитета партии, избili солдат, офицеров, а они не вмешались?! Что предприняли твои офицеры, Миля, почему вы сразу же не приняли меры, почему не стреляли? Нужно было стрелять, чтобы скосить их, дать предупреждение, а потом стрелять по ногам... Вы не говорите правду. Только сейчас вы мне ее сказали, а до этого дезинформировали».

Когда же Миля и Постелнику стали заверять Кондукатора в своей преданности, тот им заявил: «Врага не победишь проповедями, его надо уничтожить. Социализм не построить ложью и заверениями в преданности, он создается только в борьбе. Сейчас в Европе идет капитуляция, подписываются

соглашения с империализмом, чтобы ликвидировать социализм». Ответы главы Секуритате генерала Влада также диктатора не удовлетворили. Чаушеску заявил, что он смещает все трех «силови́ков». Однако неожиданно против этого выступил премьер-министр Константин Дэскэлеску, которого поддержали Георге Рэдулеску и Маня Мэнеску. Куда подевалось былое единодушие и единомыслие?! Все это было совершенно неожиданно, и Чаушеску, придя в бешенство, выскочил из зала заседаний, бросив: «Тогда выберите себе другого генерального секретаря!»³¹.

В конце концов страсти улеглись, Чаушеску вернулся, а «силови́ки» остались на своих постах, заверив политбюро, что незамедлительно примут все необходимые меры. Правда, при этом генерал Миля как бы мимоходом обронил: «Я искал во всех военных уставах и нигде не нашел параграфа, где бы говорилось, что народная армия должна стрелять в народ...» Его прервали, но все это уже выглядело как несогласие с диктатором, скрытое противодействие его приказам. Именно поэтому Чаушеску и был так раздражен — он впервые столкнулся с откровенным саботажем его указаний и, похоже, совершенно не был готов к этому. И все же серьезной угрозы для себя в этом инциденте он не увидел. Что было тому причиной — старческая усталость, потеря чутья, исключительное самомнение, слепая вера в сподвижников? Вряд ли сейчас можно ответить на этот вопрос.

Как бы то ни было, ни осложнение обстановки в Тимишоаре, ни непонятная волокита «силови́ков» не помешали Кондукатору уже вечером 17 декабря отбыть в Иран. За себя он оставил Елену

Чаушеску и ближайших соратников — Эмиля Бобу и Маня Мэнеску.

18 и 19 декабря Чаушеску находился в Иране. Однако 20-го он прервал визит и вернулся в Бухарест, где в тот же день выступил по радио и телевидению. Он заявил, что «действия хулиганствующих элементов в Тимишоаре были организованы и начаты при поддержке империалистических кругов и шпионских служб различных зарубежных государств с целью дестабилизации ситуации в стране, уничтожения независимости и суверенитета Румынии». Вскоре румынское телевидение показало несколько репортажей о собраниях трудовых коллективов различных предприятий страны, участники которых поддержали обращение Вождя.

21 декабря по указанию Чаушеску в Бухаресте был созван митинг. На Дворцовой площади собрались манифестанты с лозунгами в защиту социализма в стране, с портретами супругов Чаушеску. В полдень с балкона здания ЦК партии Чаушеску начал свою речь. Вначале все шло как обычно и ничто, казалось, не предвещало неприятностей. Вдруг прямо в толпе раздался взрыв, что вызвало панику среди манифестантов. Позже станет известно, что кто-то взорвал петарду. Чаушеску застыл с открытым ртом и поднятой рукой. На несколько минут телетрансляция была прервана, а когда возобновилась, обстановка на площади уже изменилась. Отовсюду слышались крики «Долой тирана!», «Долой коммунизм!». Люди разрывали лозунги, топтали портреты диктатора и его жены. Приближенные увели потрясенного

Чаушеску с балкона, а тот силился понять, что же происходит.

К вечеру на Дворцовой площади появились танки, затем послышалась стрельба. Однако, несмотря на вмешательство войск, восстановить порядок не удалось. Днем 22 декабря на крышу здания ЦК сел личный вертолет диктатора, на котором и сбежали супруги Чаушеску. Вскоре после этого мятежная толпа ворвалась в здание. Тогда же стало известно о смерти генерала Василе Миля. По официальной версии, он покончил с собой. Однако его смерть сразу же приписали диктатору, что вызвало взрыв негодования в войсках. Вскоре армия начала переходить на сторону восставших.

После бегства из Бухареста чета Чаушеску добралась до города Тырговиште. Вечером 22 декабря их задержали и доставили в уездный комиссариат полиции. Вскоре туда прибыл майор Ион Мареш.

— Товарищ президент! Я получил приказ обеспечить вашу безопасность. В противном случае мы не отвечаем за последствия. Через 15—20 минут сюда придут демонстранты.

Чету Чаушеску перевезли в казарму местного гарнизона. Николае и Елена еще не подозревали, что жить им оставалось всего трое суток.

25 декабря в расположении войсковой части, где размещались супруги Чаушеску, приземлились два вертолета. На них прибыли организаторы суда над диктатором — генерал Виктор Стэнкулеску, генерал Вирджил Мэгуриану и один из руководителей новой власти Джелу Войкан Войкулеску.

Их сопровождала группа военных юристов и десантников. К этому времени военная прокуратура в срочном порядке подготовила дело на супругов Чаушеску.

Генерал Стэнкулеску обратился к десантникам.

— Сможете расстрелять их, если будет вынесен смертный приговор? — спросил он. Солдаты согласились.

Между тем Войкулеску инструктировал судей: чету Чаушеску считать «обычными злодеями» и относиться к ним с презрением, «которого заслуживают одиозные преступники». Видимо, поэтому на суде к обвиняемым обращались на «ты» и использовали непарламентские выражения. Николае Чаушеску обвинитель в своей речи назвал «подлецом», а обращаясь к его жене, спросил: «Елена Чаушеску, у тебя что, не в порядке с головой?» Использовались и обычные домыслы, вроде несуществующей виллы Зои Чаушеску, где имелись золотые весы, на которых взвешивали мясо для собак, привозимое из-за границы³².

Защитником четы Чаушеску был Мику Теодореску, входивший в пятерку ведущих адвокатов Бухареста. Времени для знакомства с делом и предварительной беседы с подзащитными у него не было. Ни одного из свидетелей суд не вызывал. Поразительно, что защитник в своем заключительном слове признал подсудимых виновными, то есть выступил в роли прокурора³³.

В ночь с 26 на 27 декабря румынское телевидение показало видеозапись суда над четой Чаушеску. В кадре были видны только обвиняемые. Состав военного трибунала и главный обвинитель ни

разу не были показаны. Позднее стало известно, что им был Джику Попá. С самого начала Николае Чаушеску заявил, что признает только Конституцию страны и что этот суд является незаконным.

Обвинитель: Мы судим вас согласно Конституции страны. Сейчас не время преподавать нам уроки. Мы прекрасно знаем, что нам надо делать, и знакомы с законами.

Зачитав обвинительный акт, прокурор потребовал для подсудимых смертной казни.

Н. Чаушеску: Я буду держать ответ только перед Великим национальным собранием, я не признаю этих обвинений. Я хочу говорить только перед Великим собранием. Вы совершили государственный переворот, придет день, когда вы ответите перед народом.

В ходе допроса, когда Чаушеску хотел рассказать о том, что случилось в Тимишоаре, обвинитель его прервал³⁴.

Очевидец декабрьских событий, советский журналист Николай Морозов позднее напишет, что, просматривая видеокадры суда над Чаушеску, «мы увидели полное самообладание, непреклонный характер, презрение к смерти». И с этим во многом можно согласиться.

Суд был недолгим. После вынесения приговора осужденных вывели во двор и подвели к стене солдатской уборной. Николае Чаушеску, поняв, что это конец, неожиданно запел «Интернационал», а потом чуть слышно сказал: «Долой предателей». Раздалась автоматная очередь. Чаушеску погиб мгновенно. Его жена, упав, несколько

секунд билась в агонии. Произошло это в 14 часов 50 минут 25 декабря. Когда кадры видеозаписи позднее показывали по телевидению, диктор произнес: «Антихрист был убит в Рождество!»

Пытаясь хоть как-то сгладить неприятный осадок от скороспелого суда и поспешной казни супругов Чаушеску, газета «Адевърул» 27 декабря писала: «Диктаторы — он и она — зловещая чета, установившая самую дьявольскую машину насилия и порабощения народа, получили справедливое наказание, вытекающее из тяжелой и горькой обиды всей нации». Спустя некоторое время обвинитель Джеку Попá покончил с собой. А в 1994 году организатор судебного процесса Войкан Войкулеску в соавторстве с генералом Стэнкулеску издал книгу «Как это было», где признался: «Расстрел четы Чаушеску — это преступление, и этот грех — на мне»³⁶.

Поразительная быстрота свержения и казни диктатора вызывала много вопросов. Главный среди них — стали ли эти события следствием заговора или же все развивалось стихийно? Эдвард Бэр пишет: «Декабрьские события в Румынии с течением времени приобрели некий мифический ореол. В Восточной Европе, где тоталитарной марксистско-ленинской тирании уже был нанесен сокрушительный удар, падение последнего сталиниста вызвало живейший интерес и бурную радость. Каково же было негодование, когда вдруг выяснилось, что не только количество жертв сильно преувеличено, но и само восстание оказалось не вполне той спонтанной романтической революцией, какой оно вначале представлялось многим»³⁷.

Лидеры Фронта национального спасения всячески отвергали любую мысль о заговоре, что уже само по себе вызывало настороженность. Заместитель председателя Совета ФНС Казимир Ионеску в интервью газете «Известия» говорил: «Наше движение было совершенно стихийным, оно не было организовано». Но тут же сам опровергает свои слова, рассказывая о том, как он с друзьями готовился сорвать выступление Чаушеску 21 декабря на митинге на Дворцовой площади: «Мы знали, что будет публичное выступление Чаушеску, будет площадь, заполненная марионетками, плакаты, выкрики из толпы «Да здравствует!» Мы отдавали себе отчет, что, если эта демонстрация «единства» диктатора с массами станет успешной, он завтра же, используя «полученный от народа мандат», сотрет с лица земли Тимишоару, и на всех нас обрушатся самые бешеные фашистские репрессии». Они с другом решили сорвать подготовленный митинг, но не сумели пробраться на площадь. «Однако нескольким нашим людям — это были девушки — удалось осуществить задуманное. Они прорвались сквозь кордоны и первыми закричали «Долой диктатора!»³⁸.

Впрочем, объяснить позицию руководителей ФНС можно было и тем, что они постоянно апеллировали к румынскому народу, всячески превознося его. Заместитель председателя Совета ФНС профессор Думитру Мазилу говорил: «Румынский народ, который считали слишком смиренным и слишком спокойным, не только доказал, что он заслуживает себе место под солнцем, а не в бездне, но и что в нем есть необходимая сила и он

быстро справится со сложной ситуацией, в которой находился целые десятилетия»³⁹.

Российский историк Алла Язькова уверенно констатирует, что события 17—22 декабря 1989 года явили собой нечастый в современной истории пример массового народного взрыва, не подготовленного заранее и не имевшего лидеров. Правда, она сама же пишет о том, что заговор против диктатора готовился еще с середины 80-х годов высшими военными чинами во главе с генералом армии Ионом Ионицэ, который в 1966—1976 годах был министром обороны, но затем его отправили в отставку. В группу заговорщиков входили генерал-майор Штефан Костял и генерал Николае Милитару. Свергнуть диктатора планировалось с октября 1984 года, что было приурочено к его визиту в ФРГ. Но до этого дело не дошло, поскольку Костял был арестован. Впрочем, генерал Милитару продолжил свою конспиративную деятельность в армии⁴⁰.

В статье Мэркулеску в газете «Ромыния либерэ» говорилось, что приход к власти ФНС — это результат заговора. Подготовка к нему началась еще в 1971 году. При этом большую роль играли генералы Милитару, Костял, Ионицэ, а также гражданские лица, в том числе Ион Илиеску⁴¹. Однако особый интерес вызвали откровения генерала Милитару и профессора Сильвиу Брукану в газете «Адевэрул», которые заявили, что оппозиция Чаушеску существовала еще с момента избрания его на пост генсека в 1965 году. Носители ее — это прежде всего Ионицэ, Милитару и Костял. Однако заговорщики возлагали надежды не

на военный переворот, а на всенародную революцию, что и случилось в декабре 1989 года⁴².

Существует немало версий, обыгрывающих сюжет, что свержение Чаушеску было организовано Москвой. Об этом немало писали во французской печати. Российский историк Николай Зенькович приводит в одной из своих работ выдержки из доклада Румынской службы информации о событиях 1989 года, где подтверждается причастность к ним КГБ⁴³. Любопытные сведения в отношении роли КГБ в румынских событиях приводятся и в статье Николая Морозова «Загадки румынской революции». Однако прямых доказательств пока что не найдено⁴⁴.

Вполне возможно допустить, что заговор существовал, но взрыв недовольства оказался неожиданным для заговорщиков и им с трудом удалось взять развитие событий под свой контроль. Причем «ядра» заговора как такового не существовало, поскольку он развивался как бы двумя параллельными потоками, не связанными между собой до поры до времени. Одна оппозиционная группировка — это генералы Костял, Милитару, Ионицэ, а также Илиеску, Мазилу, Брукан и другие «обиженные» диктатором. Это — основа будущего ФНС. По этому поводу любопытное свидетельство есть у Эдварда Бэра, который пишет, что магнитофонная запись заседания руководящего ядра ФНС 22 декабря в здании бывшего ЦК партии зафиксировала слова генерала Милитару о том, что ФНС существует уже 6 месяцев⁴⁵.

Вторая оппозиционная группировка — это действующие «силовики» — генерал Миля, генерал

Постелнику, полковник Секуритате Вирджил Мэгуриану, но прежде всего генерал Юлиан Влад. Противоречия между этими двумя группировками удалось преодолеть далеко не сразу, чем и объясняется, возможно, кровавая бойня 23—28 декабря 1989 года. Все эти дни шла борьба за власть внутри ФНС.

В пользу предположения, что перестрелки были во многом инспирированы ФНС, говорят два факта. Во-первых, когда в ходе митинга на Дворцовой площади после бегства диктатора 22 декабря на балконе здания ЦК партии появились представители только что сформированного ФНС, то никакие «террористы» по ним не стреляли. Во-вторых, ФНС тщательно скрывал, кто же они такие, эти «террористы». И ни один из них, насколько известно, ни живым ни мертвым так и не был предъявлен общественности и журналистам.

В конце декабря, когда происходили бои, настоящую «психологическую диверсию» осуществляли средства массовой информации, уже в основном контролируемые новой властью. Непрерывно поступали сообщения о том, что «террористы» атакуют тот или иной объект, что отравлена вода в столичном водопроводе (не надо забывать, что все события разворачивались в Бухаресте, остальная Румыния была спокойна), что взорван атомный реактор в Питешти и т.п. Похоже, все было рассчитано на то, чтобы посеять панику.

Румынская «народная революция» (или, если угодно, «декабрьские события») оказалась самой кровопролитной из всех, что произошли в странах Восточной Европы в ходе ликвидации социализма.

Ликование по поводу свержения диктатора смешивалось с болью и ужасом, когда по телевидению показывали страшные кадры, на которых были видны почерневшие трупы истерзанных людей, лежащие на краю разрытых ям. А голос за кадром говорил, что это — «братские могилы, куда Секуритате зарыла мучеников революции». Правда, вскоре после этого жуткого показа один из врачей в Тимишоаре объяснил, что трупы, которые демонстрировали по телевидению, это вовсе не жертвы секуристов. Все эти люди умерли еще до декабрьских событий. Но это уже не имело значения, как и то, что число жертв Чаушеску «сместили» с 60 тысяч до 1030 человек. Смерть есть смерть, и кровь — это кровь.

Прошло почти десять лет после гибели Николае Чаушеску. Но по-прежнему нет полной ясности, что же произошло в декабре 1989 года. Российский журналист Николай Морозов пишет: «Почему и сегодня участники этих событий предпочитают держать рот на замке? Кто им мешает публично рассказать, как они избавили Румынию от диктатора, которого проклинал народ и презирали за рубежом? Почему многие из них сегодня не только не увенчаны лаврами, но опасаются суда общественности и мучаются кошмарами? Неужели судьба этих людей подтверждает слова: революции готовят мечтатели, осуществляют фанатики, а их плодами пользуются негодяи?»⁴⁶.

Ставший полковником Ион Мареш, некогда причастный к задержанию Чаушеску, рассказывает, что его называют «убийцей» и отказываются обслуживать в магазине. Участники судебного

процесса над Чаушеску получают письма с угрозами, а сам суд все чаще именуют «позорным». Румыния по-прежнему во многом остается традиционным обществом. Квазимодернизация принесла больше бед, чем достижений. Наследие эпохи «Гения Карпат» сказывается в бесконечных политических дрязгах, «охоте за ведьмами», нетерпимости, озлобленности. Сам же Николае Чаушеску остается неоднозначной фигурой в современной истории Румынии — то ли «злой гений», то ли жертва своего времени.

Приложение № 1 Политические архивы

*Невское время № 20
(1661) 4 февраля 1998 г.*

Казнь Чаушеску помнят и сегодня

«Антихрист умер в Рождество!» — так диктор «Румынского свободного телевидения» возвестил восемь лет назад о казни Николае и Елены Чаушеску. 25 декабря 1989 года диктаторская чета была расстреляна возле солдатской уборной в гарнизоне города Тырговиште. Пафос телевизионного диктора, обусловленный невероятным нервным напряжением тех дней, сегодня кажется неуместным. Теперь румыны по-иному толкуют события восьмилетней давности. В ходе недавнего опроса общественного мнения подавляющее большинство респондентов — 57,6 процентов — заявили, что чету диктаторов не следовало казнить. Все признают, что эта акция резко охладила энтузиазм по отношению

к румынской революции на Западе и подорвала доверие к новым руководителям страны.

Так называемый процесс, в результате которого чрезвычайный военный трибунал вынес тирану не подлежащий обжалованию смертный приговор, многие называют сегодня инсценировкой или пародией. Эту точку зрения, например, отстаивает газета «Зиуа». «Румыны должны смыть позор перед лицом мира и Бога!» — под таким девизом она организовала в прошлом году «разбирательство процесса» Чаушеску, в ходе которого юристы подробно рассмотрели каждое нарушение предусмотренной законом судебной процедуры. Цель нового «процесса» — не оправдание диктатора, писала «Зиуа», а «спасение чести румынского правосудия, которое было растоптано теми, кто убил Чаушеску в святое Рождество после судебного маскарада». Директор газеты Сорин Рошка Стэнеску утверждает, что Чаушеску попросту ликвидировали, так как он «слишком много знал», а приведение приговора в исполнение называет «убийством старика».

Нельзя прикладывать к деяниям революционного периода мерки мирного времени, возражает один из участников процесса и инициаторов казни диктатора — Джелу Войкан Вокулеску.

Революция для того и вспыхнула, чтобы покончить с Чаушеску. Вопрос стоял так: либо мы уничтожим его, либо он расправится с нами.

Доказательством этому служит тот факт, что сразу после того, как стало известно о смерти диктатора, прекратилось вооруженное сопротивление его сторонников. В том процессе было немало правовых изъянов, однако они обусловлены тем, что он проходил в чрезвычайных условиях.

Это был плохой процесс, на котором не соблюдались все правила процедуры, признает начальник военной прокуратуры генерал Дан Войня, который в суде над Чаушеску выступал обвинителем. В нормальных условиях нужно было организовать настоящий процесс против Николае и Елены Чаушеску, однако это не входило в наши планы. Мы поступили так, чтобы покончить с кровопролитием, ибо силы реакции оказывали сопротивление и продолжали гибнуть невинные люди. Впрочем, считает Д. Войня, сегодня можно вновь провести этот про-

«Конечно, не для вынесения Чаушеску нового
«...ра, что, понятно, невозможно, а чтобы уста-
«...истину.»

Приложение № 2 Политические архивы

*Расшифровка стенограммы закрытого
суда над Николае и Еленой Чаушеску
Воскресная база Тырговиште —
25 декабря 1989 года*

«...нитель Джигу Попа (Генерал Попа, покон-
«...нн самоубийством в марте 1990 года!?)

«... (Стакан воды!

«...лае Чаушеску: Я признаю только Великое
«...ное Собрание. Я буду говорить только пе-

«...нитель: Таким же образом он отказался вес-
«...народом, теперь он также отказывается
«...нами. Он всегда утверждал, что действует

и говорит от имени людей, является любимым сыном народа, но только тиранил людей все это время. Вы обвиняетесь в проведении действительно роскошных празднеств во все праздники в вашем доме. Детали известны.

Эти два ответчика доставляли наиболее роскошные продукты и одежду из-за границы. Они были даже хуже чем король, прежний король Румынии. А народ получает только 200 граммов в день по карточкам. Эти два ответчика ограбили людей, и даже сегодня они не хотят говорить. Они — трусы. Мы имеем данные относительно обоих из них. Я прошу председателя прокуратуры зачитать Обвинительный акт.

Главный обвинитель: Уважаемый председатель суда, сегодня мы должны вынести приговор ответчикам Николае Чаушеску и Елене Чаушеску, совершившим следующие преступления против народа.

Они совершили действия, несовместимые с человеческим достоинством и общественным мнением; они действовали деспотическим и преступным способом; они губили народ, лидерами которого, по их утверждению, они являлись. Ввиду преступлений, которые они совершали против народа, я выступаю в суде, от имени жертв этих двух тиранов, за смертный приговор для обоих ответчиков. Проект обвинительного акта содержит следующие пункты:

Геноцид, в соответствии со Статьей 356 уголовного кодекса. Вооруженное нападение на людей и государственную власть, в соответствии со Статьей 163 уголовного кодекса. Разрушение государственных служб и институтов, подрыв народного хозяйства, в соответствии со Статьями 165 и 145 уголовного

1. The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions and activities. It emphasizes that proper record-keeping is essential for ensuring transparency and accountability in financial management.

2. The second part of the document outlines the various methods and techniques used to collect and analyze data. It highlights the need for consistent and reliable data sources to support decision-making and strategic planning.

3. The third part of the document focuses on the role of technology in modern financial management. It discusses how digital tools and software can streamline processes, reduce errors, and improve overall efficiency.

4. The fourth part of the document addresses the challenges and risks associated with financial management. It identifies common pitfalls and provides strategies to mitigate these risks, ensuring the organization's financial health and stability.

5. The fifth part of the document concludes by summarizing the key findings and recommendations. It stresses the importance of continuous monitoring and evaluation to adapt to changing market conditions and organizational needs.

Демократическая Кампучия заведет социалистическое строительство. Социалистический режим в своем развитии напрямую, подобно летящей стреле, идет к коммунизму.

Из «Ангка лозу»

Нельзя вести политическую борьбу без участия людей!

Последняя прижизненная фотография кровавого диктатора XX века. На ней поникший старик, в потертой рубашке, с ошейником на шее. В руках большой соломенный тростник, на ногах — простые сандалеты. Он сгорбившись, глаза опущены. От него исходит запах усталости, равнодушием, безысходности.

Пот перед судом своих сподвижников, которые приговорили его к пожизненному заключению.

Некоторое время спустя, весной 1998 года, в печать просочились сведения, что президент США Клинтон дал распоряжение государственному департаменту, министерствам обороны и юстиции разработать план ареста Пол Пота для предания его суду Международного трибунала. Диктатор, вместе со своими соратниками уничтоживший два миллиона камбоджийцев, прощению не подлежал.

Кто мог предвидеть столь трагическую участь небольшого королевства крестьян-рисоводов и рыбаков?! «Камбоджа так мала, — говорил в середине пятидесятых годов принц Нородом Сианук, — что она никогда не окажется агрессором и не сможет стать объектом агрессии другой страны». Увы, мир в маленькой Камбодже закончился в 1970 году, когда премьер-министр генерал Лон Нол совершил государственный переворот и приговорил Сианука к смертной казни. Прошло еще пять лет и в апреле 1975 года у власти в Камбодже оказались красные кхмеры.

Советские газеты того времени с восторгом описывали натиск «патриотов Камбоджи», в результате чего был свергнут проамериканский режим генерала Лон Нола. Газета «Известия» от 14 апреля 1975 года утверждала: «Патриоты Камбоджи борются за принципы мира, демократии, неприсоединения, предоставление права каждому гражданину занять должное место в общественно-политической жизни страны». В 1979 году все эти события описывались совершенно иначе. И вот уже сам Леонид Ильич Брежнев, отвечая на

вопросы журнала «Тайм», говорит, что в Кампучии был пропекинский режим, китайская модель политического устройства, а массовое уничтожение людей в Кампучии — это не что иное, как китайская культурная революция «в действии на чужой территории».

После 1975 года Камбоджа стала превращаться в огромный концлагерь. Пол Пот и его соратники с дипломами Сорбонны строили государство рабочих и крестьян, поэтому интеллигенции разбивали мотыгами головы. Пустили под нож буддийских монахов — новое общество будет атеистическим. Уничтожили города, эти «рассадники зла и эксплуатации». Разграбив и опустошив города, «Ангка» («организация») объявила о рождении новой «демократической Кампучии». Цветущая страна, «рай на земле», окутанная таинственным покровом буддийских традиций и верований, стремительно «рухнула в современность».

«Бог умер!» — воскликнул когда-то Фридрих Ницше. Бог умер для камбоджийцев. Мир предстал перед ними как игра слепых стихий и первобытных инстинктов. Смысл исчез, цели нет, ничто отныне не имеет ценности. На смену стихии веры пришла стихия страха.

Высказывались разные версии объяснения безумия, охватившего страну. Кубинская газета «Гранма» в январе 1979 года писала, что причина геноцида — это стремление Китая очистить страну от кампучийцев, чтобы затем заселить ее китайцами и превратить в провинцию Китая. Все это позволяло выйти Пекину к Сиамскому заливу, обладающему большими запасами нефти и

обществе всегда были сильны «царистские» идеи и настроения. Правитель — это воплощение некоего божественного начала, он наделен от бога даром государственного управления. Когда на смену королю пришла Ангка, массы без всякого сопротивления приняли ее.

Протеста не было. Лишь со временем политика откровенного геноцида, убийства, голод стали раскрывать глаза думающим людям. Но таковых было не так уж много. Слова новых лидеров, пришедших к власти после свержения Пол Пота, о массовом сопротивлении ему не более чем риторика. Только 100-тысячная армия Вьетнама сумела сбросить с «трона» полпотовцев. Нельзя не сказать и о том, что полпотовский эксперимент возник не на пустом месте. Факты свидетельствуют, что в стране лилась кровь и гибли миллионы людей и до 1975 года, а также то, что тоталитарная система, ядром которой оставалась компартия, просуществовала вплоть до конца восьмидесятих годов.

1. Рождение революционера

Пол Пот (настоящее имя Салот Сар) родился в 1928 году в семье крестьянина.

Привычная, обкатанная фраза; но простота ее кажущаяся, поскольку уже с нее начинается некая мистика, опускается тот покров секретности, который всегда сопутствовал «вождю» красных кхмеров.

Прежде всего, не совсем ясно, когда он все же родился! Фигурируют три даты — 1925, 1927, 1928. Нет точных данных и по поводу того, в какой семье он появился на свет. Сам Пол Пот утверждал, что его отец был крестьянином-бедняком, что вполне объяснимо, поскольку красные кхмеры высоко ценили социальное происхождение и лидер страны никак не мог быть выходцем из зажиточных слоев. Но мог ли сын крестьянина-бедняка получить образование и затем даже государственную стипендию, чтобы обучаться во Франции?! Вместе с тем, свидетельство короля Нородома Сианука, извечного противника-союзника Пол Пота, что тот принадлежал к достаточно знатному и богатому роду крупных землевладельцев, состоявших в родственных отношениях с королевской фамилией, также не находит подтверждения.

На эти вопросы помогает ответить Лот Суонг, старший брат Пол Пота. Он долгое время работал в протокольном отделе при королевском дворе, а жена его Шеп Сами была солисткой королевского балета. Лот Суонг рассказывает, что отца их звали Пхем Лот и принадлежал он к крестьянам-среднякам. Однако троюродная сестра Пол Пота по имени Лот Сароун была наложницей короля Монивонга, хотя после его смерти в 1941 году вернулась в родную деревню и вышла замуж за простого крестьянина. Кхуон Меак, двоюродная сестра Пол Пота, являлась звездой королевского балета и тоже была наложницей Монивонга. Именно она, пользуясь своим влиянием в окружении короля, помогла многим родственникам «выйти в

люди». Лот Суонг считает, что именно благодаря ее протекции Пол Пот получил направление на учебу во Францию и государственную стипендию¹.

Нет полной ясности и с этнической принадлежностью Пол Пота. В некоторых изданиях его, как и Иенг Сари, относят к китайцам, однако в «Обвинительном акте по делу клики Пол Пота — Иенг Сари» прямо сказано, что они — кхмеры². Но, правда, оба были женаты на китайках. Отец Пол Пота был наполовину китайцем, а мать — чистокровной китайкой. Все это следует иметь в виду, поскольку китайцы в Камбодже играли достаточно своеобразную роль.

В 1930 году в Париже по случаю Версальской колониальной выставки была издана «Энциклопедия современного Индокитая», подготовленная французскими колониальными чиновниками. В ней говорилось: «Китайцы в Камбодже играют исключительно важную роль. Камбоджиец отдает им все свои симпатии, обожает их, признает за ними превосходство. Китаец в глазах камбоджийца обладает тем же престижем, какой греки и римляне имели у варваров. Политичный, сдержанный, воспитанный, расчетливый в делах, практичный и трудолюбивый китаец становится предметом восхищения для апатичного кхмера. Это ощущение китайского превосходства заставляет кхмеров принимать без внутреннего сопротивления тот факт, что «хуацзяо» устраиваются в их стране»³.

Однако совершенно противоположным было отношение к вьетнамцам, причиной чему была исконная вражда между кхмерами и вьетнамцами.

Наличие этих двух этнических общностей — китайцев и вьетнамцев — в Камбодже сказалось и на коммунистическом движении, когда в компартии сложились две фракции. Одна ориентировалась на Вьетнам, другая — на Китай.

Родные Пол Пота вспоминали, что рос он «удивительно милым», послушным и уважительным мальчиком. В юности Пол Пот два года провел буддийским монахом, постигая науку терпимости и смирения.

Между тем в 1941 году после смерти короля Монивонга на арену политической жизни выходит восемнадцатилетний Народом Сианук, судьба которого окажется тесно переплетенной с политической судьбой будущего вождя красных кхмеров Пол Пота. Сианук не был прямым наследником умершего короля, поскольку являлся только его внуком. Но перед другими претендентами он имел то преимущество, что принадлежал как к старшей — «солнечной», так и к младшей — «лунной» ветви королевского рода, чем удовлетворял обе соперничавшие дворцовые группировки.

Нородому Сиануку пришлось прервать учебу в сайгонском лицее и вступить на престол. Один из авторов писал о нем: «Юный, умный, привлекательный своей красотой и манерой держаться, спортсмен, хороший наездник, этот очаровательный принц сразу завоевал симпатии камбоджийского народа».

В годы войны Камбоджа была оккупирована японцами, но в октябре 1945 года сюда вернулись французы и восстановили свои порядки. Тем временем в Индокитае разгоралось освободительное

движение. В 1946 году Сианук сумел добиться от французов «внутренней автономии» для Камбоджи. Год спустя была введена в действие первая в истории страны конституция, которая упразднила институт абсолютной монархии. В стране прошли первые парламентские выборы.

Судя по всему, юные годы Пол Пота были наполнены активной учебой. Читать он выучился в раннем детстве и с тех пор читал много и основательно. Одаренный от природы неплохими способностями, юноша после окончания провинциальной школы поступил в техническое училище в Пномпене. Позднее он сам рассказывал, что у него были «выдающиеся успехи в учебе», в связи с чем он получил государственную стипендию и был направлен на учебу за границу. Правда, некоторые из тех, кто знал его в те годы, свидетельствуют, что Пол Пот особыми достижениями в учебе не отличался, а поехать учиться за рубеж ему помогли семейные связи.

В 1949 году Пол Пот отправился во Францию учиться на электроинженера. Вскоре в Париже сложилась Ассоциация кхмерских студентов, обучающихся во Франции. Председателем ее стал Иенг Сари, генеральным секретарем — Кхиеу Самфан. Позднее она была преобразована в Союз кхмерских студентов. Парижский университет был тогда наводнен различными политическими группировками, среди которых особенно активно действовали леворадикальные. Взгляды их сразу привлекли внимание Пол Пота и его друзей.

В начале 50-х годов Пол Пот начинает публиковать свои первые статьи в бюллетене Ассоциации

под псевдонимом Кхмаэ Даым («истинный кхмер»), где рассматривал проблемы французской, русской и китайской революций. Уже тогда у него и его сподвижников складываются первые представления о будущем Камбоджи. Для слаборазвитых стран они пропагандировали полную экспроприацию крестьянства и создание в деревне системы по сути подневольного крестьянского труда, предлагая обобществление даже личного имущества.

Вместе с тем в этих первых публикациях Пол Пота видны следы серьезного и вдумчивого чтения, немало ссылок на сторонников неофрейдизма, современной антропологии, заметно увлечение Бакуниным и идеями анархизма.

По некоторым данным, в начале 50-х годов Пол Пот вместе с Иенг Сари вступили в компартию Франции. Сам Пол Пот несколько своих статей опубликовал во французской коммунистической печати. В них он с одобрением отзывался о сталинской коллективизации в Советском Союзе, в периоды 1937—1941 и 1945—1953 гг. называл наиболее творческими в строительстве социализма в СССР. Отмечая восхищенное отношение Пол Пота к Сталину, стоит напомнить, что после 1945 года французская компартия переживала период настоящего преклонения перед «вождем всех времен и народов». Обстоятельство это, конечно же, сыграло немалую роль в становлении политико-идеологических взглядов молодого бунтаря-революционера.

В Ассоциации единомышленники изучали теорию марксизма в ее сталинской интерпретации, штудировали теорию классовой борьбы. Находясь

во Франции, Пол Пот и Иенг Сари участвовали в деятельности Комитета за независимость Камбоджи — организации, требовавшей немедленного предоставления независимости стране. В 1952 году Народом Сианук получил из Парижа письмо, в котором он обвинялся в подавлении демократии и предательстве национальных интересов. Письмо это помимо прочих подписали Пол Пот и Иенг Сари.

В конце 1953 года Пол Пот вернулся в Камбоджу. К этому времени Народом Сианук сумел убедить Францию в необходимости передачи ему всей полноты власти в Камбодже. 9 ноября 1953 года из страны были выведены французские войска, а колониальная администрация прекратила свое существование. На родине Пол Пот стал преподавать в престижном частном лицее в Пномпене. Позднее он иногда именовал себя «профессором истории и географии». Вскоре молодой человек вступает в ряды Народно-революционной партии Камбоджи, которая выделилась в 1951 году из компартии Индокитая. Среди тех, кто в 50-е годы вернулся из Франции и вступил в компарию, действующую в подполье, помимо Пота, были Кхиеу Самфан, Иенг Сари, Сон Сен, Ху Юн, Ху Ним и другие. Именно они затем составили руководящее ядро «Демократической Кампучии».

Начав работать в столичной партийной организации, Пол Пот уже вскоре обратил на себя внимание. Он был хорошо образован, умел убеждать, и вместе с тем был приветливым, мягким и вежливым в общении с людьми. Он лучше ориентировался в городских условиях, чем многие ветераны

партии, которые ранее много лет провели в джунглях, сражаясь вместе с лаосскими и вьетнамскими коммунистами против французских колонизаторов. В это же время Пол Пот, будучи преподавателем, много работал с молодежью, которую привлекали его идеи — бороться за «новый мир» без коррупции и неравенства, мир, в котором «все будут свободны».

Между тем в 50-е годы в Камбодже происходили знаменательные события. В марте 1955 года Народом Сианук неожиданно отрекся от престола в пользу своего отца. После этого, став «рядовым принцем», он объявляет о создании Народно-социалистического сообщества (Сангкум), призванного построить в Камбодже «кхмерский, буддийский, королевский социализм». Разъясняя идеологическую основу Сангкума, Сианук говорил: «Наш социализм в первую очередь является применением буддизма в аспекте его борьбы против социальных бед, несправедливости и неравенства. Он превозносит дух братства и взаимопомощи и призывает к жертвенности и совершенствованию личности во имя помощи обществу»⁴.

В 1955 году Сианук становится премьер-министром, а в 1960 году, после смерти отца-короля, он добился для себя поста главы государства. Таким образом, в его руках сосредоточилась вся полнота государственной власти. Народом Сианук строил в стране свой социализм. Пол Пот тоже стремился строить в Камбодже социализм, но также по-своему, так, как он его понимал. Но время Пота еще не наступило. Между тем, в конце 50-х годов компартия Камбоджи переживала кризис.

Действующая в подполье, ослабленная репрессиями, партия, на фоне растущей популярности Народома Сианука, практически утратила даже остатки влияния на массы. Численность партии постоянно сокращалась и в 1960 году в ее рядах насчитывалось всего 250 человек.

Партия, по существу, оказалась расколотой на три группировки, находящиеся в разных районах страны. Первая — это уцелевшие «ветераны партии», люди, во многом оторванные от реального положения в стране. Вторая — это молодые интеллигенты-«романтики»: учащиеся, преподаватели, учителя колледжей и лицеев. Пол Пот и его соратники входили в третью группировку, идеологическая платформа которой отличалась откровенным национал-шовинистическим характером и отличалась антивьетнамскими настроениями. Лидеры этой фракции, которая первоначально насчитывала не более 30 человек, выступали за создание путем «сверхвысокого скачка (по аналогии с «большим скачком» в Китае) сильной Камбоджи при опоре на собственные силы.

В 1960 году в Пномпене состоялся II съезд Народно-революционной партии. На нем был образован ЦК из 8 членов и 2 кандидатов. Генеральным секретарем стал Ту Самут. В ЦК вошли Пол и Иенг Сари, причем первый стал членом постоянного бюро и личным секретарем Ту Самута. Вскоре после съезда воссоздаются вооруженные силы партии, которые стали называться Секретной гвардией. Ее задачи состояли в создании и защите революционных баз, в захвате оружия у противника,

в охране руководителей партии. Позднее, в 1966 году она была переименована в Революционную армию.

В 1962 году при невыясненных обстоятельствах в Пномпене на конспиративной квартире был убит генсек компартии Ту Самут. Позднее появились свидетельства, что его убили по приказу Пол Пота. Во всяком случае, устранение Ту Самута открывало Пол Поту и его сподвижникам прямой путь к овладению всей полноты власти в партии. Пол Пот оставляет преподавательскую работу и переходит на нелегальное положение. Народно-революционная партия все более явно становится партией «нового типа», организацией «революционеров-профессионалов» и орудием осуществления планов полпотовцев.

В январе 1963 года на III съезде Пол Пот становится генсеком партии. В новый ЦК вошло большинство его сторонников. Народно-революционная партия была переименована в Коммунистическую партию Камбоджи. Вскоре после «исторического» съезда, спасаясь от ареста, полпотовцы покидают Пномпень и уходят в джунгли для подготовки вооруженного восстания, все более откровенно делая ставку на забитое и неграмотное крестьянство, на самые отсталые и обездоленные слои общества. Постепенно вырисовывался вариант «движения к социализму» через кхмерскую деревню.

В 1965 году Пол Пот побывал в Китае, где встречался с Мао Цзэдуном. Позднее он еще несколько раз посетил эту страну, в которой полным ходом разворачивалась «культурная революция». Вождь

красных кхмеров высоко оценил ее, назвав «очищением организма от болезненных явлений». Позднее Пол Пот не раз говорил, что председатель Мао «всегда поддерживал и поощрял нас».

В конце 60-х годов полпотовцы, базируясь в джунглях, постепенно укрепляют свои силы. Быстро растет численность партии, в которую в массовом порядке принимались малограмотные и совершенно неграмотные молодые крестьяне, которые уже показали себя в вооруженных акциях. В 1970 году партия насчитывала уже несколько тысяч человек.

Между тем звезда Нородома Сианука стала закатываться. В конце 60-х годов в Камбодже нарастают оппозиционные настроения, а на политическую арену выходит армейская верхушка как самостоятельная политическая сила. На первый план выдвигается «сильный человек» — генерал Лон Нол. В 60-е годы он возглавлял службу безопасности, а в августе 1969 года Сианук назначил его главой правительства.

В марте 1970 года, когда Сианук посещал с официальным визитом Советский Союз и Китай, Королевский совет и Национальное собрание под давлением генерала Лон Нола отстранили его от власти. По существу, это был государственный переворот, организованный Лон Нолом при поддержке армейской верхушки и проамерикански настроенных политиков. Приговоренный к смертной казни, Сианук не рискнул вернуться в Камбоджу и остался в Пекине. Однако, не смирившись с отстранением, он обращается за поддержкой к левым силам, руководимым компартией.

В мае 1970 года в Пекине открылся I съезд Национального единого фронта Камбоджи, в который вошли свыше десяти организаций и объединений во главе с Народом Сиануком. Вскоре создается Королевское правительство национального единства Камбоджи. Премьером становится Пенн Нут, а его заместителем и министром обороны — один из ближайших сотрудников Пол Пота — Кхиеу Самфан. В стране началась гражданская война. У Лон Нола была мощная армия, доходящая до 550 тысяч, Сианук и компартия создают на базе боевых отрядов «кхмае крохом» (красных кхмеров) Национально-освободительную армию Камбоджи. Все руководящие посты в ней вскоре оказались в руках полпотовцев. К 1973 году Пол Пот поставил под свой контроль Национальный единый фронт Камбоджи. Принц Народом Сианук был оттеснен на второй план. Он лишь один раз посетил освобожденные районы Камбоджи. После этой поездки Сианук говорил:

— Я знаю, что среди коммунистов есть люди, которые меня не любят и даже надеются избавиться от меня после войны. Вполне возможно, что после того, как движение сопротивления достигнет своей цели, ему уже больше не нужен будет Сианук, это своего рода королевская скорлупа, которой оно сегодня прикрыто.

Что же, Сианук всегда был реалистом и прагматиком, и прогноз его оправдался.

В ходе гражданской войны было осуществлено американско-южновьетнамское вторжение. Освобожденные районы, контролируемые коммунистической партией, подвергались частым бомбардировкам с

воздуха. Мирное население в страхе бежало в города, находившиеся под властью правительства Лон Нола. В Пномпене в конце 60-х годов насчитывалось около 800 тысяч человек, а к 1975 году здесь проживало около 3 миллионов. Эти массовые миграции разрушали устоявшиеся социальные и культурные связи. Происходила ломка традиций, социальных ориентаций, системы ценностей.

1970 год положил начало разрушению кхмерского общества. Именно тогда Камбоджа стала «привыкать» к крови и смерти. Гражданская война, американское вмешательство, массовые миграции — все это вело к социальному распаду. Так формировалась питательная среда для восприятия идей Пол Пота на уровне массового сознания.

Камбоджа двигалась к национальной катастрофе. Первым этапом на этом пути стали годы правления Лон Нола. Вскоре после падения его режима газета «Нью-Йорк таймс» писала:

«После того, как Америка в течение 5 лет помогала феодальному правительству, которое она презирала, и вела войну, о которой было известно, что она безнадежна, Соединенным Штатам нечего показать миру, кроме грустной картины эвакуации с послем, выносящим в одной руке американский флаг, а в другой — свой гигантский чемодан. Но есть миллион убитых и раненых камбоджийцев (седьмая часть населения), есть сотни тысяч беженцев, которые живут в лачугах, есть опустошенная страна, дети, умирающие от голода, и плотники, наловчившиеся сколачивать гробы из ящиков, в которых транспортировались боеприпасы».

К слову заметим, что именно в такой гроб будет положен Пол Пот, скончавшийся весной 1998 года в джунглях. Гроб будет водружен на помост из автомобильных шин и сожжен. Впрочем, до этого финала пока что далеко. Пол Пот, молодой и энергичный, окруженный ближайшими сподвижниками, мощно рвется к власти. Он уже готов строить «новую Кампучию», тем более что есть, кому подражать и кому поклоняться — Сталин, Мао Цзэдун. Скоро страну зальют кровью, переломают ей хребет, выкрутят руки во имя «светлого будущего».

2. Идеология и власть

В начале 70-х годов красные кхмеры превращают освобожденные районы в плацдарм для осуществления своего «эксперимента». Уже тогда начинается «строительство нового общества».

В освобожденных районах складывается новая структура власти. В руках верхушки красных кхмеров концентрировалось все больше власти. Они повсюду расставляют своих людей. Набирает силу кампания дискредитации ветеранов освободительной борьбы. Вот что впоследствии рассказывал один из командиров полпотовских боевиков:

— В нашей партийной организации постоянно проходили собрания, на которых критиковались те, кто принимал участие в войне сопротивления против французских колонизаторов. Это заставляли делать нас, молодых. Нам говорили, что только

мы способны понять новый революционный курс руководства, что старшее поколение революционеров сильно прониклось вьетнамской идеологией и не понимает местных условий. Мы верили в это и считали, что наши старшие товарищи действительно должны как-то перестроиться, чтобы идти в ногу со временем. Их увозили на «политические курсы» (так нам говорили), а если кто-нибудь интересовался, почему тот или иной товарищ долго не возвращается, ему отвечали, что он получил после «курсов» назначение в другую провинцию. К 1975 году в нашей организации не осталось ни одного ветерана⁵.

В 1972 году Национальный единый фронт издал сборник фотоиллюстраций «Вооруженная борьба и жизнь кхмерского народа в освобожденных районах», где обличались преступления лоноловских войск против мирного населения Камбоджи и славилась успехи новой власти: улыбающиеся лица юношей и девушек, занятия в школах, массовые митинги в поддержку Национального единого фронта. Пол Пот в это время был командующим частями Единого фронта.

Успехам красных кхмеров способствовали и изменения, происходящие в Индокитае. В январе 1973 года были подписаны Парижские соглашения по Вьетнаму. Американские войска стали покидать Индокитай, и США уже не могли поддерживать режим Лон Нола в Камбодже. В феврале 1973 года начинается наступление частей Единого фронта. Лидеры красных кхмеров, предчувствуя скорый приход к власти, начинают выступать со все более откровенными заявлениями. Так, в

воззвании к интеллигенции Кхиеу Самфана говорилось:

— Нам надо подавить тягу интеллигенции к западному образу жизни. Интеллигенции как таковой быть не должно. Ее представители будут заниматься полезным физическим трудом, жить совместно, учиться у народа.

В освобожденных районах широко распространялся цитатник Мао Цзэдуна. Людям говорили, что в нем содержится все необходимое для развития революции в Камбодже. Воинов освободительной армии заставляли изучать этот цитатник. А командиры постоянно говорили им, что о них заботятся и за них думают руководители, а бойцам только надо четко исполнять все их указания и распоряжения.

Система «идеологических координат» красных кхмеров формировалась прежде всего благодаря разработкам их ведущих теоретиков — Ху Юна, Ху Нима и Кхиеу Самфана. В 60-е годы все они были депутатами Национального собрания. После 1975 года Ху Юн и Ху Ним были ликвидированы Пол Потом, а Кхиеу Самфан стал президентом Демократической Кампучии. После свержения власти красных кхмеров он возглавил остатки полпотовских боевых формирований в Таиланде и на севере Камбоджи. Верный себе, он не пожелал сдаваться королевским войскам в декабре 1998 года и скрылся в джунглях с десятком верных людей, тогда как все остальные полпотовцы капитулировали.

Взгляды этих теоретиков известны по статьям Ху Юна «Проблема кооперативов», Ху Нима

«Экономическая политика опоры на собственные силы» и защищенной в Сорбонне докторской диссертации по экономическим наукам Кхиеу Самфана «Экономика Камбоджи и ее проблемы в связи с индустриализацией».

В этих работах прежде всего видна высокая оценка революционного потенциала беднейшего крестьянства. По оценке Ху Юна, в Камбодже 60-х годов 35 процентов населения — это были крестьяне-бедняки. Подчеркивая, что это самый революционный класс в стране, Ху Юн говорил, что им присущи высокая мораль и нравственность. Они никогда не лгут, ими движут только самые честные и чистые устремления. Но они не являются носителями новой идеологии, поэтому надо создавать в деревне кооперативы и там воспитывать у крестьян новые «чувства и взгляды». Их идеологией должна стать коллективистская идеология кооператива, где нет классовых различий, привилегированных слоев, где «никто не имеет личных выгод и все движимо общим интересом».

Другая важная идея этих теоретиков — отрицательная оценка города, который «эксплуатирует и разоряет кхмерскую деревню». Город и рынок — это огромный насос, который выкачивает из деревни жизненные силы⁶. Развивая эти идеи, Пол Пот позднее будет говорить:

— В Кампучии все города являются иностранным порождением и заселены иностранцами. Большие города Кампучии были основаны китайцами, сиамцами и вьетнамцами. Население городов не является чисто кхмерским и, следовательно, оно

может быть беспрепятственно устранено политически и психологически. Крестьяне ненавидят горожан и даже отличаются от них физически. Крестьяне темные, горожане имеют светлую кожу. Опустошить города, уничтожить буржуазию — это значит облегчить установление народной власти.

Лидеры и теоретики красных кхмеров умело использовали недовольство крестьянства, видевшего в обнищании села обратную сторону быстрого роста торгового, то есть прежде всего спекулятивного капитала, сосредоточенного как раз в городах. Так что повести крестьян за лозунгами уравнительности и направить их недовольства против города было не так уж сложно.

В воззрениях красных кхмеров наличествовали идеи марксизма-ленинизма и маоизма. Известно, что Пол Пот и его сподвижники высоко ценили Сталина и Мао Цзэдуна как создателей «нового общества».

По Пол Поту, частная собственность — источник эксплуатации. Долой ее. Воплощение эксплуатации — города; ликвидировать их. Но у «революционеров» не было желания ждать построения социализма, ими двигало «революционное нетерпение», и вот уже Кхиеу Самфан заявляет:

«Кампучия докажет всему миру, что можно одним махом достичь полного коммунизма. Благодаря этому наша страна запишет свое имя золотыми буквами на скрижалях мировой истории как первая, которая сумеет осуществить коммунизацию без ненужных этапов»⁷.

Пол Пот и его сподвижники получили реальную возможность реализовать свои идеи построения

«нового общества» в 1975 году, когда они сбросили режим генерала Лон Нола.

Воинские подразделения красных кхмеров вступили в Пномпень 17 апреля 1975 года. В то время в нем проживали около трех миллионов человек. Толпы столичных жителей приветствовали солдат в черной форме радостными криками и рукопожатиями. На улицах города танцевали, пели и веселились. Верилось, что в Камбоджу наконец-то пришел мир. Народ давно уже устал от войны.

Новые власти объявили борьбу бандам уголовников и мародеров, которые грабили город, заявив, что они будут расстреляны или повешены на месте. Однако началось разграбление города «чернорубашечниками». Вскоре «освободители» уже рыскали по улицам столицы, взламывая запоры магазинов. У жителей изымали автомобили, мотоциклы, даже велосипеды. Солдаты — нередко это были 14—16-летние мальчишки, произносили при этом одну фразу — «ангка». Направляя дуло автомата на человека, они заявляли: «Ангка требует, чтобы ты предоставил мне свой мотоцикл».

После грабежей начались убийства. Для боевиков Анжки человеческая жизнь никакой ценности не имела, 18-летний Сар Сам рассказывал: «В то же утро красные кхмеры убили нашего соседа Кима. Ему было 42 года. В 1971 году его призвали в лонноловскую армию рядовым — там он потерял ногу». Когда несколько десятков бывших лонноловских солдат и чиновников пытались незаметно покинуть правительственное здание, то все они были расстреляны из пулемета красными кхмерами⁸.

Ликвидировать города, в соответствии с воззрениями Англи «рассадники эксплуатации и буржуазной культуры», начали с Пномпеня. Стреляя в воздух, колотя в двери домов прикладами, выкрикивая распоряжения через мегафоны, «чернорубашечники» приказали всем жителям быстро покинуть город. Позднее один из представителей нового режима так объяснял иностранным католическим священникам: «Отныне, если люди хотят есть, они должны сами добывать себе пропитание на рисовых полях. Город — обитель порока. Здесь властвуют деньги и коммерция, а это оказывает на человека тлетворное влияние. Вот почему мы должны ликвидировать города».

Людское море захлестнуло Пномпень. Ночью тысячи людей ночевали под открытым небом. Утром солдаты вновь начали прочесывать город, выгоняя жителей на улицу. Прекратилась подача воды. Люди пили из пруда в городском парке, из сточных канав. Началась дизентерия. Из окна французского посольства его сотрудники наблюдали такую картину. Патруль красных кхмеров, пробираясь сквозь вереницу людей с чемоданами и узлами, оттеснил отца и мать от детей, которых тут же направили в другую колонну. Родители бросились за ними и тут же были застрелены. Вскоре вся дорога была усеяна трупами, которые начали разлагаться под жаркими лучами солнца. Их никто не убирал.

Вскоре Пномпень опустел. Здесь остались только трупы да стаи собак. Через несколько дней подобные операции были проведены в других городах страны. По дорогам тянулись бесконечные

потоки беженцев, которые отныне должны были повиноваться только Ангка лозу — «верховой организации».

Одновременно с этим начинается законодательное оформление нового режима. 25—27 апреля состоялся Чрезвычайный национальный конгресс, утвердивший структуру власти. 5 января 1976 года вступила в силу новая конституция. Страна вместо королевства Камбоджа стала называться Демократическая Кампучия. Монархический строй был упразднен. В марте прошли выборы в Собрание народных представителей. На его первой сессии 2 апреля 1976 года Нородом Сианук выступил с заявлением: «Полностью уверенный в братском понимании со стороны народа и Революционной организации, я прошу их разрешить мне уйти в отставку с сегодняшнего дня». Подало в отставку и правительство во главе с Пенн Нутом. Премьер-министром нового правительства Демократической Кампучии стал Пол Пот. Именно тогда Салот Сар впервые выступил под этим псевдонимом. Назначение его стало результатом компромисса полпотовской группировки с другими фракциями в партийно-государственном руководстве. В это время в Китае обостряется борьба между «радикалами» и «прагматиками», что неизбежно отражалось и на взаимоотношениях политических фракций в Камбодже.

Нарастающие массовые репрессии, осуществляемые группировкой Пол Пота, к середине 1976 года стали вызывать недовольство части кадровых работников, усматривающих в этом совершенно

ненужные эксцессы. Руководители нескольких северных и западных провинций направили премьеру письма, предлагая быть милосердным к населению. 9 сентября 1976 года скончался Мао Цзэдун, что еще больше осложнило положение Пол Пота, который лишился могущественного покровителя. Следствием этого стало смещение 27 сентября Пол Пота с поста премьер-министра, как было объявлено, «по состоянию здоровья».

Позже Йенг Сари, оставшийся «правой рукой» вождя, назовет эти события «попыткой сентябрьского переворота, совершенной агентами Вьетнама и КГБ». После ухода Пол Пота политика Демократической Кампучии становится более открытой. Начинаются переговоры с американскими фирмами по вопросу закупки медикаментов. В Албанию, Югославию и Северную Корею были направлены торговые делегации. Однако период «оттепели» был недолгим. Не прошло и двух недель после ареста в Китае «банды четырех», с которой у Пол Пота были далеко не самые лучшие отношения, как он вновь стал премьер-министром. Во внешней политике страны окончательно восторжествовала ксенофобия. При Пол Поте Демократическая Кампучия сохраняла контакты только с Китаем и Северной Кореей. Осенью 1977 года вождю красных кхмеров даже присвоили звание Героя КНДР.

Окончательно укрепившись у власти, в начале 1977 года Пол Пот начинает массовые чистки, расправляясь со своими политическими противниками. В зарубежной печати эти события даже получили наименование «февральского переворота» или «второй революции».

В Камбодже все вершилось от имени «Ангка лоэу» — «верховой организации». На деле страной правили четыре семейных клана «лучших товарищей» — Пол Пота, Иенг Сари, Кхиеу Самфана и Сон Сена. «Ангка» же являлась лишь инструментом в их руках. Иенг Сари говорил: «Демократической Кампучией управляет Ангка, партийная организация. Ангка — «это и единственная партия, и государство»⁹.

Составить представление о характере деятельности Анжки позволяют некоторые из высказываний ее вождей:

— Теоретические дискуссии и самокритика не должны затрагивать массы, поскольку классовые враги сразу воспользуются этим для порождения разногласий. Поэтому кадровые работники должны вести тщательное наблюдение и следить за тем, чтобы не было ни одного сомнения, даже ничтожного, в решениях организации, так как это будет играть на руку контрреволюционерам.

— Устранение контрреволюционеров и тех, кто является их объективным союзником, должно быть немедленным.

— Руководители, представляющие народ, должны действовать не только от своего имени, но и от имени организации, чтобы избежать обвинений в персонализации власти, которые могут быть использованы классовыми врагами и замаскированными контрреволюционерами.

— Мобилизация должна быть постоянной, именно она оправдывает строгость организации и ее систему принятия решений.

— Классовыми врагами являются не только

капиталисты. Ими могут быть также и те, кто попал под влияние буржуазной пропаганды, независимо от их социального происхождения¹⁰.

За псевдоконституционным фасадом фактически создавался огромный концлагерь, «военная казарма». Государство было разделено на шесть военных зон, те — на районы, носившие порядковые номера. Районы делились на «пхумы» — деревни и «кхумы» — общины. Сам Пол Пот подписывал свои приказы «Товарищ-87». Все то, что касалось Анжки, также было засекречено. Членство в ней являлось тайной, разглашение которой сурово наказывалось. Рассекречена Анжка была только 30 сентября 1977 года, когда по радио передали речь Пол Пота, посвященную 17-й годовщине Революционной организации, впервые названной уже официально — Коммунистической партией Кампучии. Тогда же стала известна и партийная должность премьера Пол Пота — генеральный секретарь ЦК компартии.

В «Обвинительном акте по делу клики Пол Пота — Иенг Сари, виновной в геноциде» говорилось, что секретарь партии «Анжка» и премьер-министр Пол Пот нес главную ответственность за руководство всей партийной и государственной деятельностью, разработку внутренней и внешней политики и обеспечение руководства на разных уровнях исполнительной власти. Пол Пот лично руководил внутренними делами, особенно претворением в жизнь политики геноцида в тех населенных пунктах, население которых выступало против репрессивного режима. На него ложится вся ответственность как на

главного инициатора и автора планов политики геноцида¹¹.

У Пол Пота было как бы два лица. Одно — это «Товарищ-87»: убийца, автор геноцида, интриган и умелый мастер фракционной борьбы. Другое лицо — низенький и полный человечек в застегнутом на все пуговицы френче, с женственным лицом и обаятельной улыбкой, с мягким голосом и хорошими манерами. Народом Сианук в интервью «Дейли телеграф» говорил:

— Мы знаем, что он чудовище, но, если вы встретитесь с ним, он покажется вам человеком очень приятным. Он улыбается, говорит очень мягко, словом, совсем не похож на образ второго Гитлера, который закрепился за ним. Ничего не поделаешь, он обладает обаянием.

Этот обаятельный человек с хорошими манерами в течение трех лет провел Камбоджу через эксперимент «радикальной социалистической революции» и «очищения общества», что обошлось в два миллиона человеческих жизней.

Власть Анги и самого Пол Пота была прочной и всеобъемлющей. Ведь в традиционном крестьянском сознании всегда существовало отношение к правителю как должному ограничивать чрезмерную алчность богачей и обеспечивать интересы простых людей. На массовом уровне традиционное сознание было пронизано мифологией, обычаями, магическими ритуалами, заветами предков. Консерватизм такого сознания состоял в том, что мироздание здесь воспринималось как раз и навсегда данное. Здесь всегда соблюдалась привычная мера распределения имеющихся средств существования.

И на эти традиции эгалитаризма и «справедливости» удачно накладывались идеи и социальные установки красных кхмеров.

При обращении к крестьянским массам идеология обычно принимала упрощенный характер, выступая в виде набора выразительных и «зажигательных» лозунгов. Анализ реальных проблем подменялся четко выстроенным рядом пропагандистско-идеологических стереотипов, обладающих ярко выраженной эмоциональной окраской и рассчитанных на массовое мобилизующее воздействие.

3. «Черная утопия»

В Демократической Кампучии началось создание общества «светлого будущего». В советских газетах того времени с удовлетворением говорилось о том, что пришедшая к власти коммунистическая партия, осуществив национально-демократическую революцию, приступила к этапу строительства социализма.

В 1975—1976 гг. в Советском Союзе идеологи, теоретики и даже различные ведомства немало спорили, является ли полпотовская Кампучия социалистической страной. Теоретики обращали внимание на характерные черты, присущие социализму — правящая компартия, ликвидация частной собственности, обобществление. Ряд ведомств также настаивали на социалистическом характере перемен в Кампучии, поскольку в этом случае существенно упрощалась процедура выезда в эту страну. Несколько неожиданно жесткую позицию

в отношении непризнания Кампучии социалистической страной занял всемогущий Аэрофлот. Впрочем, объяснялось это весьма прозаично — не было желания распространять на Кампучию льготные тарифы, как это делалось в отношении других соцстран.

В конечном итоге Кампучию причислили к «миру социализма», что вызвало серьезное недоумение у исследователей, обладающих незашоренными мозгами. И действительно, уже вскоре московским политикам и идеологам пришлось всячески отмежевываться от полпотовщины, явно нарушившей привычную схему развития «мирового революционного процесса» и по случаю возлагать вину за эти искажения на Пекин и маоизм, хотя сам Мао уже несколько лет покоился в Доме памяти на площади Тяньаньмэнь.

«Оскорбление идеи», «плод китайского социал-милитаризма», «зловонный гомункулус», «паупер-социализм» — такими определениями награждала наша пресса злосчастный «эксперимент» Пол Пота. В сентябре 1976 года газета «Комсомольская правда» писала:

— Происходящее в Кампучии не оставляет сомнений, чьи идеи являются теоретической базой людей, пришедших к власти в этой стране. И напрасно кампучийские руководители пытаются убедить кого-то, что в Кампучии создается особая форма социализма. Это всего лишь кампучийский вариант маоизма, предусматривающего в области внешней политики создание безликих государств, безоговорочно подчиняющихся воле Пекина. Кампучийские руководители мыслят маоистскими

категориями, говорят знакомыми фразами из цитатника «великого кормчего».

Что же, нет смысла отрицать влияние идей Мао Цзедуна на мировоззрение и социальную практику красных кхмеров. Недаром, выступая на траурном митинге по случаю кончины «великого кормчего», Пол Пот говорил: «Со времен Маркса, Энгельса и Ленина Мао является самым выдающимся учителем мирового пролетариата»¹². И вместе с тем Пол Пот и его сподвижники яро отстаивали самобытность своей модели социализма. В 1977 году Йенг Сари, давая интервью итальянскому журналисту, говорил:

— Революционный опыт кхмеров не имеет прецедентов. То, что мы пытаемся осуществить, никогда не было сделано в истории. Вот почему мы не подражаем никакой модели — ни китайской, ни вьетнамской. Мы реорганизуем страну, взяв за основу сельское хозяйство.

В отличие от советских вождей и идеологов, в конце концов вставших на путь отрицания социалистического характера «преобразований» Пол Пота, китайские руководители считали, что он действительно строит социализм. Когда летом 1978 года Пол Пот давал прием в честь китайских специалистов, посол КНР заявил:

— За время нашей работы в Кампучии мы смогли увидеть собственными глазами, как кампучийский народ под руководством партии осуществляет социалистическую революцию, строит социализм в условиях независимости и суверенитета.

Однако, если отвлечься от всех «измов», становится очевидным, что в Кампучии осуществлялся

один из вариантов социализма, как бы ни открещивалась от него Москва. Логика мышления диктовала логику действия. Причем действия «революционного». На это у Пол Пота тоже был свой взгляд:

— С точки зрения неревolutionного мировоззрения жизнь дается, чтобы иметь дом, достояние, делать карьеру, вкусно есть и веселиться. С точки же зрения революционного мировоззрения, жизнь дана для революции. Если не бороться за революционные идеи, то жизнь не имеет смысла.

Впрочем, о том, что же происходило в Кампучии в первый год правления красных кхмеров, было мало известно. Страна все больше изолировалась от внешнего мира. Но со временем в мировых средствах массовой информации стали появляться сообщения, повергающие в шок и ужас. Сначала в это не хотели верить.

В мае 1977 года журнал «Ньюсуик» рассказывал:

— Свидетельства двадцати пяти тысяч беженцев из Кампучии, которым ценой невероятных лишений удалось перейти тайландскую границу, вызывают ужас и содрогание. Трудно поверить, что такое может происходить сегодня в нашем «цивилизованном» двадцатом веке. Однако сомневаться не приходится — их рассказы правдивы. «Эти люди не лгут, — заключил американский дипломат, выслушав очередную группу кампучийцев, прибывших в Таиланд. — Нельзя лгать, пройдя через ад»¹³.

Постепенно во внешний мир из «закрывшейся» Кампучии проникало все больше информации.

Согласно показаниям беженцев, диктаторы Пол Пот и Иенг Сари осуществляли массовую кампанию «по перевоспитанию» всего населения. После того, как спала волна массовых казней, учиненных над горожанами, народ оказался под контролем неведомой Анжки. Вскоре стало известно, что за первый год усилиями красных кхмеров в Кампучии были разрушены существующая социальная структура, экономика, культура, семейные отношения. Книги и архивы были сожжены, пагоды и музеи — уничтожены.

К 1975 году идеи и взгляды полпотовцев отделились в цельную программу «социального эксперимента». В основу всей социальной и экономической политики Пол Пота и его сподвижников после захвата власти был положен идеал уравнительного социализма, созидание которого осуществлялось с «чистого листа» методами «революционного насилия». Смысл этого социализма — воспевание всеобщей бедности, превращение человека в бездумного и послушного исполнителя. Лозунг «опора на собственные силы» стал ведущим принципом внутри- и внешнеэкономической политики красных кхмеров. Ведь считалось, что хозяйственно-экономические связи Кампучии с более развитыми странами приведут к тому, что она попадет в экономическую зависимость.

В начале 1977 года Иенг Сари (в то время министр иностранных дел Демократической Кампучии) в своем интервью итальянскому журналу «Эспрессо» четко и кратко охарактеризовал эту модель «кампучийского социализма»:

— Демократической Кампучией управляет партия. Население организовано в кооперативы. Денег не существует. Принцип частной собственности ликвидирован. Газет тоже не существует. Старая школьная система ликвидирована.

При этом, как отмечали журналисты-интервьюеры, отвечал он очень мягко на прекрасном французском языке и улыбался¹⁴.

Строительство социализма начиналось с того, что все «буржуазное» подлежало беспощадному подавлению и уничтожению. Чернорубашечники с упоением вдребезги разносили иностранные автомобили, уничтожали «империалистическое» оборудование. На специальных церемониях «буржуазная» техника — трактора, бульдозеры, вплоть до бытовых приборов и швейных машинок — демонтировалась на части.

Под флагом ликвидации «эксплуататорских классов» была разрушена вся устоявшаяся социальная структура. По некоторым свидетельствам, летом 1975 года престарелый Мао Цзэдун встречался с Пол Потом и высоко оценил деятельность Анки:

— Вы одержали блестящую победу. Одним ударом вы покончили с классами. Народные коммуны в деревне, состоящие из бедных и средних слоев крестьянства, по всей Кампучии — вот наше будущее.

Все население страны было разделено на три категории. Третья — низшая — это все жители городов, избавленные от лонноловского режима красными кхмерами в апреле 1975 года. Их насчитывалось свыше трех миллионов. Сюда входили

также бывшие офицеры и солдаты армии Лон Нола, государственные служащие, буддийские монахи, вся интеллигенция. Вторая категория — население районов, освобожденных полпотовцами в ходе боев до апреля 1975 года. Их именовали «новыми жителями» и они пользовались некоторым доверием красных кхмеров.

Наконец, к первой категории («основное население», «старые жители») были отнесены руководящие работники новых государственных структур, а также население горных и лесных районов и освобожденных зон. Именно здесь еще в начале 50-х годов появились первые базы партизанского движения, где коммунисты играли значительную роль. Здесь набирались кадры полпотовской партии и армии. Это были экономически отсталые территории, где, по сравнению с жителями равнин, люди всегда жили хуже — холодный климат, суровые условия, низкие урожаи риса.

Административно страна была разделена на шесть зон, которые представляли собой настоящие военные округа. В середине 1975 года были выделены еще четыре автономных района. Осуществив социальную ломку страны и создав военизированную систему управления, Ангка смогла полностью контролировать положение по всей Кампучии.

Полпотовцы довели до своего логического завершения известный маоистский лозунг «деревня окружает город», который стал звучать как «деревня поглощает город». В одном из документов красных кхмеров говорилось: «Разбросанные по

сельской местности горожане будут подавлены основными социальными силами и кооперативами. Все превращаются в крестьян. Политика «деревня окружает город» переходит в политику «деревня поглощает город»¹⁵.

В результате политики переселения все крупные города опустели. Директивный документ руководства красных кхмеров местным организациям (апрель 1975 года) так интерпретировал эту «операцию»:

— Наша революция по характеру глубоко отличается от революций в других странах по целому ряду моментов. Изгнание населения из Пномпеня — это мера, подобно которой не было в революциях ни одной из стран. Здесь речь идет о чрезвычайном мероприятии, направленном на полное уничтожение феодального и капиталистического строя. Рассредоточив городское население по сельским районам, мы наносим решительный удар по старому режиму. Это лучшее из всего, что когда-либо имело место.

Пол Пот и его сподвижники верили в «очистительную силу» примитивной жизни в сельской общине, где будет покончено с «растленной культурой и общественными язвами». Как и в Китае, здесь организаторы кооперативов (коммун) стремились приобщить людей к «новым формам» трудовой деятельности, общественной жизни, быта, морали. На основе этих самообеспечивающихся коммун создавалось бесклассовое «общество будущего».

Измученные долгой дорогой горожане прибывают, наконец, в деревню. На следующее утро

перед ними выступает камафибал (местный административный и военный руководитель). Он говорит:

— Мы приветствуем вас в своем кооперативе. То, что вы видите здесь, — это дело нашей справедливой и дальновидной Анжки, которая всегда рекомендовала твердую линию и позицию, призывала быть независимыми, суверенными, опираться на собственные силы, никогда ни от кого не зависеть. Поблагодарите Анжку за то, что она оставила вам жизнь и разрешила участвовать в нашем деле национального восстановления. Нужно будет работать и производить, производить, производить. Те, кто не будет производить, не будет есть.

Вы будете начинать работу с восходом солнца и прекращать с закатом. Каждый вечер вас будут вызывать в кооператив для того, чтобы выслушать справедливые и дальновидные советы Анжки, которые позволят вам «перестроиться». Не думайте ни о чем другом, кроме как о том, чтобы производить. В остальном же за вас думает Анжка¹⁶.

За обитателями коммун была установлена слежка. Те, кто протестовал или жаловался, считался «сомнительным элементом» и подлежал ликвидации. Людям запрещалось страдать, плакать, смеяться. Сострадание или просьба рассматривались нередко как проявления недовольства и оппозиции. В лексиконе красных кхмеров не было слова «милосердие». Слабых и больных уничтожали. Пол Пот говорил так: «Общество, которое олицетворяет кампучийский народ, должно быть здоровым и крепким. Милосердие — это преступление».

В кооперативах обобществлялось все, вплоть до личного имущества. Запрещалось иметь свои миски и ложки, не разрешалось отдельно готовить пищу и питаться. Все подлежало строгой регламентации. Выходных дней не было. Ежедневным праздником должна быть совместная работа, которая взбадривает людей.

Однажды в одной из коммун побывали японцы — представители ассоциации японо-кампусийской дружбы. Им показали «коммунаров», которые во время работы распевали веселые песни. Из бесед с селянами можно было сделать вывод, что они всем довольны. Правда, рассказывая о своих впечатлениях, японцы оговаривались, что им дали возможность поговорить лишь с несколькими тщательно отобранными крестьянами. Поэтому узнать, что же думают остальные крестьяне, было сложно.

Подобные коммуны стали главной формой организации массового принудительного труда. Люди здесь находились на казарменном положении, превратившись в рабов, получавших за тяжелый труд лишь миску чечевичной похлебки. А радио Пномпеня вещало: «Линия Ангки, заключающаяся в атаке на врага в экономическом плане, проводится эффективно». Вместо восстановления всей экономической структуры страны, полпотовцы сделали ставку на резкое расширение производства только риса и отраслей, связанных с его переработкой. Следствием этого стало то, что к 1978 году промышленное производство, и без того слабое, сократилось почти наполовину. В Обвинительном акте по делу Пол Пота — Иенг

Сари говорилось, что они выступали против использования в промышленности технических специалистов и рабочих, которые трудились при прежнем режиме. Инженеров и техников уничтожали, а рабочих отправляли в сельскую местность. На некоторых небольших фабриках, например, на лесопильном заводе и текстильной фабрике, осталось всего несколько рабочих.

Самое «замечательное» мероприятие полпотовцев — отмена денег — стало проводиться еще в 1973 году в освобожденных районах. Когда был взят Пномпень, в первый же день чернорубашечники взорвали центральный банк. В бывшем министерстве финансов стали хранить мешки с удобрениями. Любопытно, что кампучийские руководители особо отмечали, что им трудно объяснить иностранцам, какие именно аспекты «революционного кампучийского общества» делают деньги ненужными. По крайней мере, они говорили, что деньги, олицетворявшие собой неравенство, следует уничтожить в первую очередь.

Сам Пол Пот высоко оценивал свой «социальный эксперимент»:

— Для 95 процентов населения страны жизнь стала значительно легче, чем прежде. Раньше люди не имели земли, работы, еды, воды, болели, продавали сыновей, дочерей и даже жен. Они подвергались эксплуатации и угнетению, трудились, как рабы. Сейчас они стали хозяевами своего труда и производимой ими продукции¹⁷.

В «социально однородном обществе» не нашлось места интеллигенции, поэтому она подлежала

уничтожению. Это укладывалось в тезис о ликвидации различий между физическим и умственным трудом. Радио Пномпеня постоянно твердило в своих передачах, что «интеллигенты ни на что не пригодны», «дипломы не могут прокормить», «сейчас вместо пера в руках должна быть мотыга». К тому же, твердили полпотовцы, самостоятельно мыслящие, в отличие от полудиких крестьян, люди могут представлять серьезную опасность.

— Я убивал в первую очередь тех, кто носил очки, — рассказывает бывший полпотовский чернорубашечник. — Если в очках, значит умел читать. А стало быть, мог обладать вредными мыслями. И вообще очки — изобретение буржуазии¹⁸.

Уцелевшие представители интеллигенции оказались в сельскохозяйственных коммунах. На собраниях бригады полупьяный «сантисок» (шеф службы безопасности в общине) останавливал свой палец на докторе медицины и вопрошал: «Что такое Ангка?» Погибавший от истощения и непосильного труда ученый поднимался, делал восторженное лицо и произносил: «Ангка обеспечивает нашей стране демократический режим. Она — совершенна, абсолютно совершенна. Руководство со стороны Ангка — правильное, гениальное. Я всю жизнь буду идти путем, указанным Ангкой».

По некоторым свидетельствам, в результате террора, развязанного полпотовцами, были уничтожены четыре пятых преподавателей школ и университетов. Из 11 тысяч студентов вузов выжили только 400 человек. Было уничтожено более 90 процентов врачей.

Прекратили свою деятельность почта и телеграф, были закрыты музеи, телевидение не работало. Национальная библиотека превратилась в свинарник. «Буржуазный» суд был уничтожен. Отныне любой проступок наказывался немедленной смертью. Ликвидируя интеллигенцию, полпотовцы делали все, чтобы не могла появиться новая. Высшие и средние учебные заведения были закрыты, остались лишь начальные школы, занятия в которых продолжались не более получаса в день. На них дети обучались основам письма, хором декламировали полпотовские лозунги и учили речи вождей.

В школьных учебниках говорилось: «Каждый трудящийся должен испытывать радость от того, что он является полезным инструментом в руках Ангки». Создавалась новая «революционная» мораль. Дети должны были шпионить за своими родителями и доносить о любых проявлениях чувств — грусти, радости. На основе новой морали создавался новый человек. 12—13-летние дети становились убийцами. Один из таких солдат-убийц рассказывал:

— Я не такой, как другие революционные товарищи. Многие не умеют ни читать, ни писать. Мне повезло: я учился в сельской школе. Когда в 1970 году началась война, мне пришлось все бросить и уйти в армию. Мне тогда было 15 лет. Но у нас можно быть революционным солдатом с 12 лет. Теперь мой дядя обязательно хочет, чтобы когда-нибудь я вступил в партию. Это будет очень трудно. Я должен стать другим человеком с совершенно особым мировоззрением. Я не знаю, сколько в

партии членов, но поверьте, что это настоящие вожди. Но революционная карьера на этом не остановится, потому что затем нужно будет подняться выше и получить доступ в Центральный комитет партии¹⁹.

Необразованным и темным крестьянам навязывалась определенная система взглядов, превращающая их в слепых и бездумных исполнителей. Они зубрили правила, что боец «должен ничего не знать, ничего не слышать, ничего не видеть, ничего не говорить».

По аналогии с красным цитатником Мао здесь появляется «Малая красная книга» Пол Пота, которая распространяется по всей стране. В полпотовских пропагандистских центрах изготавливались различные брошюры типа «О народном счастье». В ней говорилось, что пятнадцать супружеских пар, живущих в разлуке — муж в своей бригаде, жена в своей, раз в месяц встречаются в «доме счастья». Жить вместе, утверждалось в брошюре, никто из них не хотел, чтобы беречь силы для «максимального вклада в социализм». Крестьянин, встретившийся с женой, видит на стене «дорогой портрет» — Пол Пота. Тотчас он вынимает из кармана «Малую красную книжку» и супруги начинают изучать ее.

Были закрыты пагоды, которые всегда служили культурными и духовными центрами, школами для детей. Лидеры красных кхмеров поклялись уничтожить религию, потому что она является опорой монархизма и индивидуализма. Один из представителей Ангки так объяснял крестьянам вред религии:

— Будда не родился в Кампучии. Почему же в таком случае кхмеры должны следовать религии, пришедшей из Индии? Именно поэтому наша революционная партия категорически отказывается почитать буддийскую религию. Все вы, братья, следующие за революционным Ангка, должны отказаться от буддизма, потому что он враждебен Ангка и является идеологией, выработанной империалистами²⁰.

Страна жила в условиях полной изоляции от внешнего мира. Поддерживались только контакты с Пекином и Пхеньяном. Пол Пот говорил, что кампучийцы должны все делать сами и им нечему у кого бы то ни было учиться. Пол Пот и его сподвижники были свидетелями унижения нации при французском колониализме и в годы режима Лон Нола, когда осуществлялось активное американское вмешательство. Возможно, это обострило националистическую ксенофобию Пол Пота, видевшего повсюду — и внутри, и извне — страшные опасности, угрожающие его родине. Происки враждебных сил продолжают, утверждал он, в стране действуют «обширная и густая сеть агентов противника», «империалисты и международная реакция», «контрреволюционные элементы», которые ставят своей целью уничтожение революции.

Главными врагами были США, Советский Союз и Вьетнам. Пол Пот говорил: «Если Советский Союз нападет на Кампучию, то мы будем вести ответную борьбу сто лет, поколение за поколением». Осуществлялось настоящее истребление вьетнамской общины. С апреля 1975 по октябрь

1978 гг. 268 тысяч вьетнамцев бежали из Кампучии во Вьетнам, спасаясь от репрессий. Осуществлялись широкомасштабные вторжения войск красных кхмеров на вьетнамскую территорию, в ходе которых было уничтожена немало мирных жителей. Попавший в плен один из командиров красных кхмеров говорил:

— Руководство учило нас, что Вьетнам — наш смертельный враг, враг номер 1, которого мы должны уничтожить.

4. Посланцы ада

Пол Пот: «Посмотрите на меня — разве я похож на жестокого человека? Моя совесть чиста».

Иенг Сари: «У нас нет и не было причины кого-либо уничтожать. Руководители Кампучии — очень благородные люди, которые после прихода к власти заботятся о повышении уровня жизни народа».

Между тем в Кампучии сорок четыре месяца работала дьявольская машина уничтожения. Сначала ликвидировали тех, кто служил в армии и в полиции при Лон Ноле. Затем — предпринимателей, торговцев, интеллигенцию. После этого — начали уничтожать «своих». «Революция пожирает своих детей» — слова эти полностью относятся к тогдашней Кампучии.

Американская газета «Уолл-стрит джорнэл» писала:

— Сравнение с гитлеровской Германией напрашивается само собой. И так же, как в фашистской

Германии, здешние власти предпринимают отчаянные усилия, лишь бы скрыть от внешнего мира наиболее отвратительные деяния своего «плана». А поскольку «план» вождей из Пномпеня куда более тотальный, чем нацистский, он окружен еще большей секретностью: скрываются даже имена членов Ангки²¹.

Вскоре после падения режима Пол Пота немало говорилось о том, что нагнетание насилия и жестокостей было управляемым процессом. А в Обвинительном акте прямо утверждалось, что все свои преступления полпотовская клика совершала в соответствии с тщательно продуманным планом геноцида. Однако рациональному сознанию трудно представить, что все это так и было на самом деле. Скорее всего, ситуация просто вышла из-под контроля Пол Пота и его «команды». Вспомним, примерно то же самое происходило незадолго до этого в Китае, когда там бесчинствовали хунвэйбины. Но Мао Цзэ-дуну удалось их остановить. В Кампучии же обстановка была другой.

Оболваненные левацкой идеологией невежественные, неграмотные и полудикие крестьяне «приняли к сведению», что главным препятствием к счастливой жизни являются горожане, живущие «в неге и роскоши». Начало геноциду было положено в апреле 1975 года. Со временем маховик репрессий раскручивался все сильнее, и остановить его оказалось уже не под силу. Да и желания такого у Ангки, похоже, не было. К стремлению уничтожать врагов, реальных или, как это бывало гораздо чаще, мнимых, добавлялось

опьянение безнаказанностью и властью «человека с ружьем». Запах пролитой крови опьянял, пробуждая самые низменные животные инстинкты. Связанные кровавой порукой коллективного преступления, тысячи и тысячи невежественных и одурманенных «сверхреволюционной фразой» людей почувствовали, что им все дозволено.

Вождям уже не надо было никого «заряжать» идеей. Теперь срабатывала и самая примитивная пропаганда. К тому же было задействовано и чувство страха. Палачи и убийцы боялись своих жертв, боялись, что тоже могут быть убиты. Они боялись и вышестоящих командиров, у которых также были свои начальники. Эта иерархическая лестница страха эффективно работала на Ангку. Один из полпотовских функционеров, попавший в плен, рассказывал:

— Я убивал, чтобы не быть самому убитым. Я боялся, что меня убьют жители деревни. Я боялся вышестоящего начальства. У нас многих казнили за проявление мягкости.

И звучали над погружающейся в кому страной слова гимна Демократической Кампучии:

— Алая кровь орошает города и деревни родины Кампучии, кровь рабочих, крестьян, великая кровь борцов революции. Мы объединяемся, чтобы строить Кампучию и новый социализм, демократию, равенство и справедливость, чтобы идти по пути предшественников в борьбе за подлинную независимость!

Уже в те дни, когда горожане походным строем направлялись в сельскую местность для того,

чтобы «производить», стало ясно, что для боевиков-чернорубашечников человеческая жизнь не представляет никакой ценности. Очевидцы рассказали о таком случае.

Когда колонна остановилась на привал, два мальчика 13—14 лет влезли на дерево, чтобы сорвать несколько плодов манго. Один из солдат выстрелил в них из винтовки. Убитые мальчики упали вниз, а красный кхмер повернулся к онемевшим от ужаса людям и сказал: «Ничего не трогайте без разрешения организации. Знайте, что все принадлежит народу и все будет распределяться справедливо. Каждый получит свою долю. Никто не имеет права ничего брать самовольно. Избавляйтесь от своих грязных привычек». Солдат, говоривший это, был не старше тех двух мальчишек, которых он только что убил²².

Захватив власть, красные кхмеры прежде всего приступили к ликвидации «предателей» и «разложившихся элементов». В Баттамбанге, втором по величине городе Кампучии, бывшим лонноловским офицерам и солдатам было приказано явиться с вещами к зданию школы на центральной площади города. На следующий день около тысячи бывших офицеров и три тысячи солдат собрались в указанном месте. Им выдали по чашке риса и разрешили повидаться с близкими. Пленные успокоились — похоже, их не собирались бросать в тюрьму.

На следующий день стало известно, что в страну возвращается Нородом Сианук и бывшие офицеры поедут в столицу его встречать и приветствовать. Сформированная колонна вышла из города и

двинулась в сторону Пномпеня. Среди офицеров и солдат царило радостное оживление. Прошел слух, что после приветственной церемонии всем бывшим офицерам будет выдана официальная бумага о помиловании и их отпустят на свободу. Три часа колонна двигалась к Пномпеню, но затем вдруг резко свернула в сторону. Смех и шутки среди пленных сразу смолкли. В двухстах метрах от дороги стояла цепь боевиков с автоматами на изготовку. Машины остановились, пленным приказали построиться. В ходе этой операции «по ликвидации» было расстреляно свыше 400 человек.

Осенью 1975 года радио Пномпеня передало приказ всем подразделениям красных кхмеров быть готовыми «уничтожить всех бывших прислужников Лон Нола, военных и гражданских, и членов их семей, как только закончится сбор урожая». Вскоре пошли слухи, что в этот список будут включены учителя, студенты, врачи, инженеры.

Массовый террор царил в коммунах, превращенных в концлагеря. Всех людей, независимо от возраста и состояния здоровья, привлекали к принудительному труду по 12—16 часов в сутки. Вечерами они были обязаны посещать «идеологические лекции», которые, как правило, оканчивались «косанг», то есть «перевоспитанием». Это был своеобразный ритуал «предупреждения» кого-либо из членов коммуны. После второго «косанга» человек бесследно исчезал. Бежавший в Таиланд Нги Дук, 22-летний юноша, бывший горожанин, провел несколько месяцев в подобной

коммуне. Он рассказал, что однажды, работая в поле, наступил на острую палку бамбука и распорол ногу. В ответ на просьбу освободить его от работы на несколько дней, командир красных кхмеров Мон сказал: «Такая пустяковая рана не дает повода для увиливания от работы». В тот же вечер Нги получил свое первое «косанг». «Ты должен работать, несмотря на боль. Ты должен быть твердым, как камень. Нельзя лодырничать и увиливать от работы», — сказали ему члены комитета коммуны.

К осени 1975 года в коммуне, где жил и работал Нги, было казнено тридцать человек. Однажды ему приказали дежурить на участке ночью после работы, на что Нги неосторожно ответил: «Я так ослаб, что еле волочу ноги даже днем». Тогда ему вынесли второе «косанг». Разъяренный Мон кричал: «Ты хочешь пойти против истории. Ты должен повиноваться приказам «ангка лоэу». Ночью Нги бежал в джунгли, зная, что его ждет верная смерть.

Побегов из коммун было много. Красные кхмеры расправлялись с беглецами без всякой пощады. Власти пытались перекрыть все пути, ведущие к тайландской границе. На 500-километровой границе были ликвидированы все поселения в пределах 5 километров. Дороги и тропинки минировались. Патрули постоянно прочесывали джунгли в поисках беглецов, которых тут же приканчивали на месте.

Важным элементом полпотовской политики было насаждение страха и взаимного подозрения в коммунах. Здесь была создана целая система тотальной слежки. Широко использовалась практика

доносов. Вот рассказ пожилой женщины, которая как представитель «третьей категории» находилась на полевых работах:

— Агенты секретной полиции терроризировали нас. Это были мальчики и девочки от семи—восьми до тринадцати—четырнадцати лет. Ремеслу сыска их натаскивали на специальных занятиях. Они сидели в каналах, забирались на крыши, прокрадывались под лежанки в бараках, чтобы услышать хотя бы одно слово. За информацию полагалось вознаграждение. Самое ужасное было в том, что они, впившись глазами в лица, следили за их выражением. Грусть, чувство протеста, досада — за все жестоко наказывали. От желания ребенка заполучить в качестве награды за донос винтовочный патрон зависела жизнь университетского профессора.

Корреспондент «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» рассказал о бежавшей из Кампучии в 1976 году девушке по имени Чан Серей Монти. Отец ее был раньше чиновником в резиденции премьер-министра. Рабочий день в коммуне начинался в пять часов утра. Чан трудилась на рисовых плантациях, участвовала в земляных работах, строительстве каналов. Работали весь день с двумя небольшими перерывами. В особенно напряженные периоды работа продолжалась и ночью: стариков и старух заставляли держать факелы. В мире, окружавшем Чан, ее жизни угрожали болезнь или смерть от голода и тяжелого труда, или же арест и «исчезновение». «Увели» — эта фраза красной нитью проходила через рассказы всех бежавших из Кампучии. Она означала, что этого человека

больше никогда не увидят. Чан видела один раз, что происходит с людьми, которых «увели».

Это случилось в тот день, когда она решила бежать. После работы Чан отправилась навестить родителей. Выйдя из леса, она увидела в поле трех красных кхмеров, которые убивали ножами группу из восьми связанных веревками людей, в основном детей и женщин. Девушка рассказывала: «Я и раньше знала, что солдаты убивают людей. Им нравилось убивать. Солдаты называли нас имена тех, кого они убивали. А один сказал: «Убивать детей очень легко — надо только взять их за ноги и разорвать пополам».

В Обвинительном акте говорилось об использовании зверских методов пыток, убийств и запугивания населения:

— Они использовали такие методы убийства, которые давали возможность ликвидировать сразу сотни или даже тысячи людей. Мотыгами, киркомотыгами, палками, железными прутьями людей били по голове. Ножам и листьями сахарной пальмы с острыми краями жертвам перерезали горло, вспарывали животы, извлекали оттуда печень, которую затем съедали, и желчный пузырь, который шел на приготовление «лекарств». Бульдозерами давили людей и применяли взрывчатку, чтобы одновременно убивать как можно больше. Людей хоронили живыми, сжигали тех, кого подозревали в оппозиции режиму, с людей постепенно срезали мясо, обрекая их на медленную смерть. Детей подбрасывали в воздух, а потом накалывали на штыки, отрывали у них конечности, разбивали им головы о деревья.

Людей бросали в пруды, где держали крокодилов.

Один из очевидцев оставил описание казни:

— По обе стороны длинного, недавно вырытого рва сидят на корточках мужчины и женщины с руками, связанными за спиной. Руки кровоточат, так как веревки связаны слишком туго. Многие из них плачут или рыдают, другие обращают на себя внимание своим стоицизмом. Среди этих осужденных на смерть с десятков детей в возрасте от 7 до 10 лет.

Два красных кхмера с дубинками ожидают сигнала командира. Тот приказывает: «Бейте». И красные кхмеры начинают спокойно и бесстрастно наносить удары. Каждый осужденный получает сильный удар дубинкой по затылку. Его наносит один из двух солдат. Затем второй наносит еще один удар и сразу же сталкивает ногой убитого в ров. Удары становятся все более быстрыми и все более сильными, по мере того как плач и вопли становятся все громче и разносятся по лесу. Молодые исполнители нервничают, и это отражается на их лицах, искаженных гримасами²³.

Пол Пот был верным последователем Мао Цзэдуна, считал себя его учеником: «Мы изучили опыт мировой революции, особенно труды Мао Цзэдуна. Опыт китайской революции был очень важен для нас. После изучения конкретной действительности Кампучии и опыта мировой революции, в первую очередь по трудам Мао Цзэдуна, мы нашли направление, подходящее к условиям Кампучии». В Китае при Мао в годы «большого скачка» и

«культурной революции» погибли несколько десятков миллионов человек. Пол Пот обошел своего кумира, уничтожив более трети всей нации. Как говорилось в Обвинительном акте, уцелевшим были нанесены серьезные физические и нравственные травмы, которые еще долго будут давать о себе знать. Подорванное здоровье, болезни, бесплодие женщин — таким было страшное наследие политики геноцида.

5. Снова в джунглях

Падение диктаторского режима Пол Пота в нашем массовом сознании всегда воспринималось на уровне пропагандистско-газетных стереотипов.

— 2 декабря 1978 года подлинные революционеры и патриоты страны создали Единый фронт национального спасения Кампучии. После этого революционная борьба быстро охватила все слои населения, дала им веру в неизбежную победу.

— 7 января 1979 года революционные войска вошли в Пномпень и режим Пол Пота — Иенг Сари был сметен.

Правда, уже вскоре стало известно, что в декабре 1978 года Вьетнам «по просьбе Единого фронта национального спасения Кампучии» ввел свои войска в Камбоджу. При этом вьетнамское руководство подчеркивало, что причина ввода войска — развязанный Пол Потом геноцид против собственного народа. Что же, нельзя исключать, что если бы не решительные действия Вьетнама, то Пол Пот все еще правил бы в Камбодже.

И Вьетнам не обвиняли бы в «региональном гегемонизме», если бы он, сбросив власть красных кхмеров, ушел из Камбоджи. Но его войска остались и, как и «ограниченный контингент» советских войск в Афганистане, были вовлечены в войну с красными кхмерами.

По мнению лондонского журнала «Экономист», «враждебность камбоджийцев по отношению к вьетнамцам уходит корнями в далекое прошлое и насчитывает многие века, но получила новый толчок в последние десятилетия. Вторжение вьетнамцев в Камбоджу в 1976 году, возможно, и ставило целью освободить эту страну от тирании Пол Пота, однако благодарность многих камбоджийцев быстро переросла в подозрение и, очевидно, не без оснований — не собираются ли вьетнамцы поглотить их страну?»²⁴

Впоследствии появились свидетельства, что вьетнамцы первоначально не собирались захватывать Камбоджу, а хотели лишь создать в приграничных районах «буфер» из сил, оппозиционных Пол Поту. Но вьетнамское наступление, начатое 25 декабря 1978 года, серьезного сопротивления не встретило, и Ханой стал на ходу менять свои планы. Причем полпотовцы не были уничтожены, а как бы отеснены к тайландской границе.

Китай достаточно быстро отреагировал на эту операцию Ханоя и в феврале 1979 года двинул через границу 65-тысячную военную группировку, чтобы наказать Вьетнам. Бои продолжались 16 дней. Вторжение Вьетнама в Камбоджу было осуждено не только Китаем, но и большинством

стран мира. Промышленно развитые страны установили экономическую блокаду Вьетнама. А новый режим в Пномпене признали только Советский Союз и его сателлиты.

Считалось, что в Камбоджу наконец пришла долгожданная свобода. Но и после 1979 года камбоджийская трагедия продолжалась. Один из зарубежных аналитиков говорил об этой трагедии так: она поражает необычайной комбинацией таких факторов, как стремление нации к самоуничтожению, уничтожение нации ее собственными лидерами и уничтожение нации иностранными войсками. Продолжал сохраняться тоталитарный строй, по-прежнему правила бал коммунистическая идеология.

Состоявшийся в 1981 году IV съезд Народно-революционной партии Камбоджи заявил, что «отныне мы будем строить социализм на основе принципов подлинного марксизма-ленинизма». Съезд указал, что Камбоджа является частью семьи социалистических стран! Этот съезд, пытаясь снять всякую ответственность с партии за злодеяния Пол Пота, заявил, что Пол Пот и Иенг Сари «разрушили партию», заставили ее «изменить принципам марксизма-ленинизма», навязали ей «реакционный экстремистский национализм» и в конечном итоге превратили партию в «контрреволюционную организацию». Правда, возникает вопрос: что же это за партия, если всего два человека сумели так быстро ее разрушить?

Конечно, наследство Пол Пота и полпотовщина было крайне тяжелым и болезненным. Вот что

говорил по этому поводу один из министров нового правительства:

— Полпотовщина оставила в сознании народа мутный осадок социальной и политической демагогии. Освободиться от него не просто. Сознание кампучийского народа все еще остается мелкобуржуазным, несвободным от крайнего индивидуализма, национализма. Исторически сложилось так, что в стране велико влияние буддизма, дает себя знать многовековая традиция культа монархической власти. Мы учитываем также, что на протяжении жизни одного поколения в стране сменилось несколько моделей социально-политического устройства и все это не могло не отложиться в сознании народа. С монархией Сианука связано завоевание политической независимости. С его именем связаны демагогические обещания построить «кхмерский, буддийский, королевский социализм». Реакционный генерал Лон Нол не менее демагогично наживал политический капитал на том, что сверг монархию и учредил республику²⁵.

К тому же красные кхмеры продолжали играть значительную роль в общественной жизни. Ведь в эгалитаристском сознании значительной массы крестьянства идеи уравнительности и антиурбанизма, отстаиваемые полпотовцами, всегда были популярны. Красные кхмеры по-прежнему оставались самой мощной из всех военно-политических группировок Камбоджи. Их притязания удавалось сдерживать только в силу присутствия в стране вьетнамских войск.

Провьетнамский режим Хенг Самрина, утвердившийся у власти в Пномпене, не обладал

социальной поддержкой и не имел новых идей, способных привлечь народ. Новые лидеры были всего лишь более умеренными в методах, но оставались такими же коммунистическими догматиками, как и красные кхмеры. К тому же на них лежало пятно «измены», поскольку они оказались у власти с помощью вьетнамцев — традиционных недругов камбоджийцев²⁶.

После свержения режима Пол Пота в Камбодже и вокруг нее сложилась весьма своеобразная ситуация. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой правительство Хенг Самрина не признавалось, а место Камбоджи в ООН сохранялось за красными кхмерами. В декабре 1979 года вместо Пол Пота премьер-министром демократической Кампучии, то есть правительства в изгнании, стал Кхиеу Самфан. Объявив о создании Фронта национального единства Кампучии, красные кхмеры обратились к Народному Сиануку, чтобы он возглавил эту организацию.

Красные кхмеры обосновались в Таиланде. Сам Пол Пот нередко бывал в Бангкоке, где проходил медицинское обследование и даже встречался с официальными лицами. Он и его сподвижники утверждали, что годы их правления — «самый блестящий период в истории Кампучии за последние две тысячи лет». Были ошибки и некоторые перегибы, но общий курс оставался верным. Ликвидировались только те, кто был «безнадежно испорчен империализмом»²⁷.

Вскоре красные кхмеры стали контролировать 300-километровую полосу территории

вдоль тайландско-камбоджийской границы, где находятся рубиновые россыпи. В этой зоне на территории Камбоджи работали сотни тайландских искателей. Каждый выплачивал красным кхмерам по сто долларов за две недели работы на приисках. Здесь же стала активно развиваться контрабандная торговля скотом, изделиями из бронзы, потребительскими товарами.

Пол Пот оставался главнокомандующим партизанской армией Демократической Кампучии. Позднее, в 1985 году появилось сообщение, что он ушел с этого поста и стал директором Высшего института национальной обороны Демократической Кампучии.

Между тем, пномпеньский режим, вопреки многочисленным прогнозам, оказался устойчивым. Провьетнамские силы, объединившись в НРПК, неожиданно проявили стремление к проведению рациональной и сравнительно эффективной политики. К середине 80-х годов в правительстве верх над сторонниками уравнительности взяли молодые прагматики, группирующиеся вокруг Хун Сена (с 1981 года — заместитель премьера и министр иностранных дел, с 1985 года — премьер). Режим, сохраняя коммунистическую риторику, все дальше отходил от ортодоксального марксизма.

Страна продолжала строить социализм. Но с 1984 года экономические приоритеты изменились. Отказались от полного обобществления и форсированного перехода к коллективному труду в деревне. Прекратили курс на полное огосударствление промышленности и внутренней торговли. Хун Сен говорил, что надо сначала избавиться от бедности,

а уже потом, на новой экономической основе, продвигаться к социализму. Весной 1989 года на сессии Национального собрания в конституцию страны были внесены изменения. Страна стала именоваться Государство Камбоджа. Вместо красного флага появился новый — красно-синее полотнище с желтым изображением пятибашенного храма Ангкор. Буддизм был объявлен государственной религией.

К этому времени правительство Хун Сена заметно укрепилось. Хотя оно и не было легитимным, в руках его была реальная власть. Правда, некоторые средства массовой информации на Западе считали, что в Камбодже вообще нет правительства. Хун Сен контролирует ситуацию только в столице, да и то лишь днем. Когда наступает вечер, выясняется, что даже в столице его положение неустойчиво. Подтверждение тому — комендантский час, перестрелки и взрывы на улицах столицы.

В конце 80-х годов мир заметно изменился. Становилось все более очевидным, что мировые конфликты насилем и оружием не решить. В августе 1989 года в Париже состоялась международная конференция по урегулированию в Камбодже. Полпотовцы на ней были представлены улыбочивым Кхиеу Самфаном, за которым стояла серьезная сила: армия красных кхмеров к этому времени насчитывала 40 тысяч человек. Многие аналитики считали, что полпотовцы лишь ожидают окончательного ухода вьетнамских войск, чтобы начать наступление и сбросить правительство Хун Сена.

В сентябре 1989 года последние вьетнамские части покинули Камбоджу. Вскоре США заявили о своей готовности сесть за стол переговоров с Вьетнамом в целях предотвращения возврата к власти в Камбодже красных кхмеров. Американская администрация объявила, что она более не признает трехстороннюю коалицию во главе с Сиануком, в которую входили и красные кхмеры, в качестве представителей Камбоджи в ООН. В сентябре 1990 года на встрече в Джакарте была достигнута договоренность о создании Высшего национального совета Камбоджи. Красные кхмеры были представлены в нем «доктором Сорбонны» Кхиеу Самфаном. В июне 1991 года совет возглавил Народом Сианук, а в сентябре место Камбоджи в ООН, до этого принадлежавшее красным кхмерам, занял Высший национальный совет.

С подписанием Парижского мирного соглашения осенью 1991 года полпотовцы получили шанс выйти из джунглей и спуститься с гор. Но при этом вопрос о Пол Поте не поднимался. Власти в Пномпене не спешили предавать его суду международного трибунала. Ведь и Хун Сен, и восходящая политическая «звезда» принц Народом Ранарит, незаконнорожденный сын Народом Сианука, в годы правления Пот Пота находились в рядах красных кхмеров и, таким образом, являлись его соучастниками в геноциде. Не заинтересованы были в разглашении своих связей с Пол Потом также Таиланд и Китай.

Между тем многие считали, что, несмотря на свой формальный уход на пенсию со всех постов в

1989 году, Пол Пот оставался самой влиятельной фигурой в лагере красных кхмеров. Превратившись в человека-призрака, он незримо присутствовал на всех переговорах по политическому урегулированию камбоджийской проблемы. «Последние десять лет, — отмечал «Экономист», — Пол Пот ни разу не фотографировался. Он подобен таинственному дикому животному. Вы иногда выходите на его след, но на глаза он вам никогда не попадается».

Парижское соглашение предусматривало проведение в Камбодже всеобщих свободных выборов в 1993 году под контролем наблюдателей ООН. На переходный период в страну были введены «голубые каски» ООН. Однако те, кто разбирался в реалиях этой многострадальной страны, справедливо считали, что эти выборы не будут иметь большого значения в глазах неграмотного крестьянства, находящегося во власти патриархальных традиций. Поэтому итоги выборов не волновали и красных кхмеров. Деревня всегда будет жить своей жизнью. Сами красные кхмеры неоднократно нарушали условия перемирия. В период развертывания в Кампучии миротворческих сил они обстреливали военнослужащих ООН, нападали на правительственные войска.

Состоявшиеся в 1993 году выборы красные кхмеры бойкотировали и вновь оказались в джунглях. На выборах победила роялистская партия Народом Ранарита. Проигравший Хун Сен пригрозил гражданской войной. Тогда ооновские наблюдатели предложили компромисс — пусть правят одновременно два премьера: Народом Ранарит и Хун

Сен. Так сложилось хрупкое коалиционное правительство. В условиях крайне слабой и неустойчивой власти в стране процветала коррупция. В камбоджийской армии, насчитывавшей 60 тысяч человек, было 2 тысячи генералов и 10 тысяч полковников. В этой обстановке Пол Пот надеялся, что камбоджийское правительство, созданное из ненавидевших друг друга роялистов и бывших коммунистических фракционеров, развалится и путь к власти для красных кхмеров будет открыт. В 1994 году Национальное собрание объявило красных кхмеров вне закона, однако это не беспокоило их лидеров.

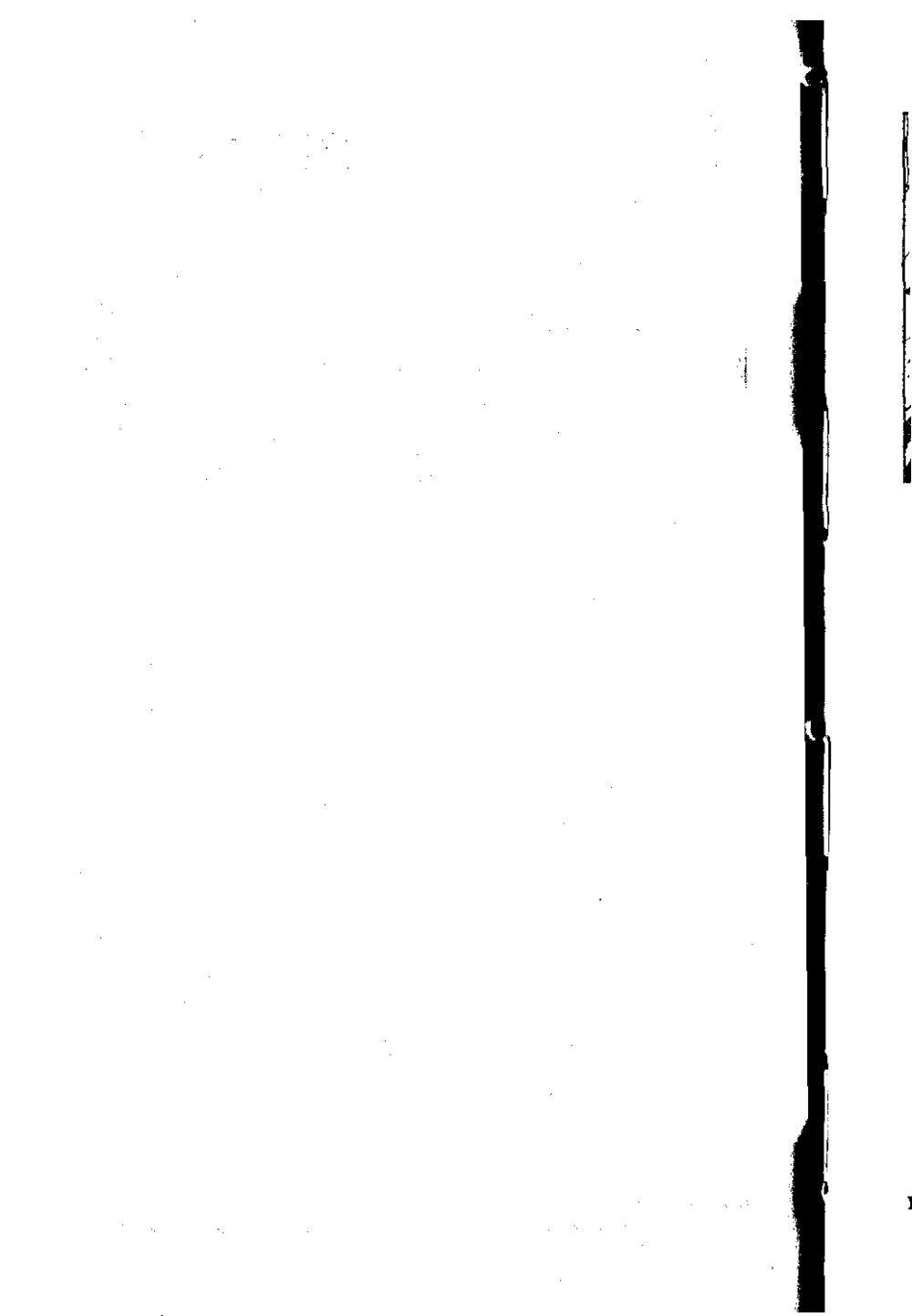
Но время шло, а надежды Пол Пота не оправдывались. К тому же из рядов красных кхмеров усилилось дезертирство. Правительство давало таким землю и гарантировало безопасность. Дошло до того, что в 1996 году на сторону правительства перешел Иенг Сари с отрядом в 10 тысяч боевиков. В награду власти отменили вынесенный ему заочно смертный приговор, а его бойцов зачислили в ряды правительственных войск.

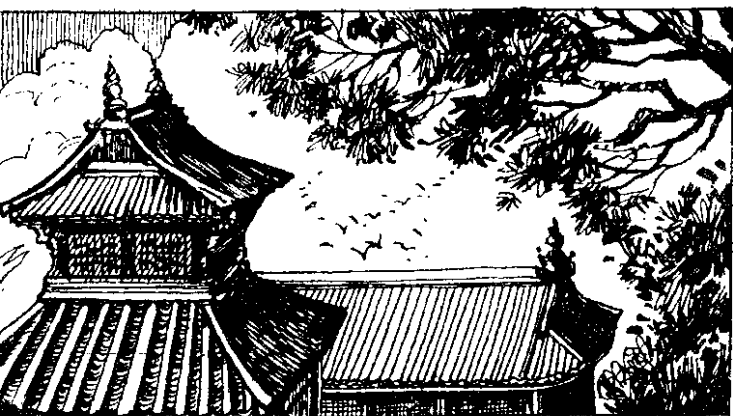
Пол Пот решил положить конец «предательству». Он приказал казнить министра обороны Сон Сена, его жену и их девятерых детей. Это обеспокоило Кхиеу Самфана и командующего войсками красных кхмеров одноногого Та Мока со зловецей кличкой «Мясник». Ведь дряхлеющий «вождь» мог расправиться и с ними. Совместными усилиями они сумели изолировать Пол Пота, а в июне 1997 года даже устроили над ним суд. Этот процесс в джунглях был довольно странным. Никто не предъявлял обвинений подсудимому, никто его

не защищал. Пол Пот покорно сидел, понурился голову, изредка отмахиваясь своим соломенным веером от moskitov. Он был приговорен к пожизненному заключению и оказался под домашним арестом. К Пол Поту приставили охранника Нуон Ну, оставили с ним вторую жену Миа Сом и дочь Сет Сет.

Между тем давление правительственных войск на красных кхмеров нарастало. Усиливалось дедертирство из их рядов. В апреле 1998 года часть партизан взбунтовалась против Та Мока. Около трех тысяч вновь перешли на сторону правительства. Становилось очевидным, что близок конец всего движения красных кхмеров. В этой ситуации у нескольких партизанских командиров родилась мысль купить себе безопасность ценой выдачи «неуловимого» Пот Пота властям или суду международного трибунала. Однако 14 апреля Пол Пот скончался. «Умер спокойно, во сне, от сердечного приступа», — сказал Нуон Ну²⁸.

На следующий день прибыла группа тайландцев, знавших Пол Пота, и несколько иностранных журналистов. Они засвидетельствовали, что умерший — это действительно Пол Пот. Однако красные кхмеры отказались выдать тело властям для того, чтобы установить причину смерти. Впрочем, больших сомнений в естественности смерти Пол Пота не было — все знали, что он давно страдал болезнью сердца. Позднее, в ноябре 1998 года скончался и «доктор Сорбонны» Кхиеу Самфан — слухи об этом дошли из джунглей. А Иенг Сари собирается вновь заняться большой политикой. Что же, каждому — свое!

Высокий и тучный для китайца, Мао устремлял на посетителя свой взор с улыбкой проницательной и в то же время насмешливой, словно предупреждал его всем своим видом, что бессмысленно пытаться обманывать этого знатока человеческих слабостей и двуличия. Я никогда не встречал никого — за исключением разве что Шарля де Голля, — кто бы воплощал такую силу воли... Он словно излучал непреодолимую тягу властвовать.

Генри Киссинджер

Политика — это игра, и Мао Цзэдун всегда играл в нее с азиатским коварством, следуя своим правилам лести, предательства, беспощадной мстительности и лжи.

Никита Хрущев

Мао умирал.

Возле него постоянно находились три врача и восемь медсестер. Двое кардиологов следили за

его кардиограммой. Ли Чжисуй, личный врач, поселился в своем кабинете, рядом с палатой, где лежал умирающий. Преемник Председателя Хуа Гофэн постоянно интересовался состоянием здоровья Мао Цзэдуна.

Мао сознавал, что смерть близка. Но страха в душе не было. Наверное, 83 года — это тот срок, когда уже пора уходить. Он устал. Освобожденный от повседневной суеты своим окружением, умирающий вспоминал прошлое. Все чаще снилось почему-то детство. Суровый отец, который запомнился совсем плохо. Тихая и добрая мать, ведущая совсем неприметную жизнь, полностью поглощенная заботами о доме.

Велик народ, имеющий такого вождя. Сознание, что простой сельский мальчишка сумел подняться до правителя самого большого государства мира, радовало его даже сейчас, на пороге «ухода к Марксу», как он сам любил говорить. В юности Мао мечтал о том, чтобы сделать Китай великим. И он гордился тем, что это ему удалось. С Китаем сейчас считаются во всем мире. У нас есть ядерное оружие. Мы запускаем ракеты и спутники.

Уже ушли в небытие Чжоу Эньлай и верный Кан Шэн. Жена Председателя Цзян Цин особенно радовалась смерти премьера. Глупая женщина, она собирается сменить Мао на троне правителя. Председателя знает весь мир. А кто знал бы Цзян Цин, не будь она его женой.

Да, он сумел создать великий и могучий Китай. Только он сам знает, сколько сил и времени это отняло. «Большой скачок»! Как хорошо все

было задумано, какие были вначале успехи! Но все загубили недотепы и откровенные враги на местах. А «культурная революция»! Надо было наконец покончить с безраздельным всевластием на местах и в центре партийных бонз. Они оторвались от народа, жили в роскоши и совсем не собирались брать пример с него. Он покончил с этим.

Хуа Гофэн, Чжан Чуньцяо, Яо Вэньюань, Ван Хунвэнь — вот теперешнее его окружение. Но им он тоже не верит. Смогут ли они сберечь то, что он построил? Не вцепятся ли друг другу в глотки после того, как его не будет?

В полусне-полудремоте перед ним встают смутные видения, тени прошлого, какие-то неясные силуэты. Кто это, мертвецы? Миллионы тех, кто ушел в мир иной за годы его правления? Мао знал, что на Западе многие обвиняют его в этих смертях. Глупцы! Такую великую революцию невозможно сделать «в перчатках», кровь здесь неизбежна. Ругали его и за то, что в Китае нет демократии. Неправда, он все стремился сделать, чтобы страна шла по пути демократии. После VIII съезда партии он много говорил о том, что в Китае надо создать такую политическую обстановку, которой были бы присущи и централизм, и демократия, и дисциплина, и свобода. Но не все удалось, потому что вокруг было много скрытых врагов. Даже Пэн Дэхуай и Линь Бяо переметнулись в стан противников партии и социализма. Такое прощать было нельзя!

Да, не все удалось. Когда-то он сказал: «Только когда мы перегоним Америку, я предстану

перед Марксом». Не получилось. Плохо работали, недостаточно! Плохо боролись с контрреволюционерами. И времени история отпустила ему мало, очень мало. Недаром он всегда спешил, всегда подгонял ее. И все же коммунизм будет в Китае, он в этом уверен, а иначе зачем все эти усилия, бессонные ночи, вся эта бесконечная борьба с врагами и многочисленные жертвы.

1. Становление

Мао Цзэдун родился 26 декабря 1893 года в деревне Шаошань провинции Хунань, расположенной на юге страны. По китайскому календарю это 19 день 11 луны 19 года императорского правления под девизом Гуанской.

На рубеже XIX—XX веков громадный Китай переживал смутные времена. Правда, китайцам к этому было не привыкать; недаром здесь родилось весьма своеобразное проклятие: «чтобы тебе жить в эпоху перемен!» Издавна жители свою страну называли «Чжунго» (Срединное царство). В Европе Китай называли Шин (Синь, Сина, Чайна) — по имени династии Цинь (III век до н.э.). А в России прижилось слово Китай — от названия кочевого монголоязычного племени киданей.

История Китая — это десятки и десятки императорских династий. Но, наверное, все китайцы выделяют в долгой и загадочной истории своей страны главное: основателя державы Цинь Шихуанди, который объединил страну, написал

законы и начал строительство Великой китайской стены; династию Хань, управлявшую так хорошо, что китайцы до сих пор называют себя ханьцами. Но когда родился Мао Цзэдун, Китаем с 1644 года правила династия иноземных поработителей — маньчжурский дом Цин. Власть их будет свергнута только в 1911 году.

В древности китайцы представляли собой один из самых образованных и культурных народов. Они были отличными хлебопашцами, сажали тутовые деревья и выделывали шелк, были умелыми ремесленниками. Но, достигнув определенной степени развития, они как бы остановились на ней. Однозначность знания, догматический характер строго фиксированных истин, социальных и этических норм, накладываясь на малую мобильность жизненного уклада, способствовали формированию консерватизма и традиционализма. Огромная страна, скованная вековыми ритуалами и обрядами, установками и ценностями конфуцианства, погруженная в мир традиций, являла собой некую застывшую общность, выявлявшую слабые потенции к развитию.

Но вернемся к нашему герою. Восьми лет мальчик пошел учиться в деревенскую школу. Вскоре он пристрастился к чтению. Его любимыми героями были древний император Цинь Шихуанди, разбойники из романа «Речные заводи», государственные деятели и военачальники эпохи Хань в романе «Троецарствие», позднее — многие деятели мировой истории — Наполеон, Петр Великий и другие.

В 17 лет Мао поступает в школу в Дуншане. Учителя отмечали его способности, знание китайских классиков, канонических конфуцианских книг. Китайский писатель Эми Сяо позднее вспоминал, что после того, как Мао прочитал биографии великих людей, он сказал:

— И Китай должен бы иметь таких людей. Нужно, чтобы страна была богатая и чтобы у нее была сильная армия. Только тогда с нами не повторится то, что случилось с Индокитаем, Кореей, Формозой¹.

Мао было 18 лет, когда пала династия Цин. Большую роль в подготовке Синьхайской революции сыграл «Тунмынхой» («Объединенный союз»), созданный Сунь Ятсеном в 1905 году. В основу его деятельности были положены три принципа: национализм (свержение маньчжурской династии Цин), народовластие (учреждение республики) и народное благоденствие (уравнение прав на землю). В августе 1912 года была создана Национальная партия — Гоминьдан, и «Тунмынхой» вошел в ее состав.

В 1913 году двадцатилетний Мао переезжает в город Чанша — столицу провинции Хунань и поступает учиться в педагогическое училище. Именно здесь он впервые услышал о Сунь Ятсене и программе союза «Тунмынхой». Позднее Мао Цзэдун скажет, что именно тогда его «политические идеи начали принимать отчетливую форму». В апреле 1917 года он опубликовал свою первую статью в журнале «Новая молодежь», главным редактором которого был Чэнь Дусю, будущий генеральный секретарь Коммунисти-

ческой партии Китая. В этой статье Мао на первое место ставил проблему возрождения национального величия Китая.

Мао много читает и упорно учится. Китайский историк Чжан Вэньсян свидетельствует, что в молодости Мао усвоил ценности как китайской феодальной культуры, так и культуры западной. Формированию его мировоззрения способствовали идеи Конфуция, Как Ювэя, Лян Цичао, Сунь Ятсена, Толстого, Кропоткина, а также философов-неокантианцев и неогегельянцев². Переехав в 1918 году в Пекин, Мао поступает на работу в библиотеку Пекинского университета, которой заведовал Ли Дачжао, один из создателей Коммунистической партии Китая в 1921 году. Вскоре он начинает участвовать в работе марксистского кружка, созданного в 1919 году Ли Дачжао. Позднее Мао возвращается в Чанша и становится в 1920 году директором начальной школы. Тогда же он женится на Ян Кайхуэй — дочери своего недавнего учителя, профессора Ян Чанцзи.

Летом 1921 года в городе Шанхае состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Китая. На нем присутствовали 13 человек, представлявших шесть коммунистических кружков. Мао Цзэдун на съезде представлял хунаньскую организацию. Так начиналось становление Коммунистической партии Китая и ее будущего вождя.

Первым шагом в партийной карьере Мао Цзэдуна стало избрание его членом ЦК в 1923 году на III съезде партии. Он становится заметной фигурой и после установления сотрудничества между

компартией с гоминьданом избирается также кандидатом в члены исполкома этой партии. В середине 20-х годов Мао Цзэдун приобретает также известность как теоретик коммунистической партии. Главная его заслуга заключается в том, что он сумел приспособить систему понятий марксизма к китайскому образу мышления, передать философию марксизма в духе китайской культурной традиции.

После того, как Чан Кайши разорвал союз с коммунистами в 1927 году, в стране началась гражданская война. Коммунистическая партия берет курс на вооруженную борьбу с «контрреволюционным» гоминьданом. На чрезвычайном совещании ЦК КПК в августе того же года Мао Цзэдун выдвинул идею о том, что политическая власть должна быть захвачена с помощью «революционных вооруженных сил». Тогда же он был избран кандидатом в члены политбюро. Осенью начинается волна вооруженных выступлений против гоминьдановского режима Чан Кайши. Мао руководил восстанием в родной провинции Хунань. Как и все другие, это восстание было также подавлено. Мао и остатки мятежников бежали в горы, где хозяйничали две банды, главари которых примкнули к Мао и стали «командирами полков» в Красной армии, которой командовал сам Мао.

В апреле 1928 года партизаны маоцзэдуновской «армии» соединились с отрядом другого коммуниста, Чжу Дэ и был сформирован 4-й корпус Красной армии. Когда летом того же года состоялся VI съезд КПК, то он выдвинул перед

коммунистами три задачи — проведение аграрной революции, формирование Красной армии и создание революционных баз. Именно этой работой и занимался Мао Цзэдун, как и другие коммунисты — Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Линь Бяо.

Успехи коммунистических повстанцев во многом объяснялись проведением разумной аграрной политики в освобожденных районах. Большую роль играло и то, что в отрядах Красной армии соблюдалась строгая дисциплина, не допускались привычные поборы с населения. Обязанности военнослужащего содержались в «трех основных положениях и восьми пунктах» — солдаты заучивали их наизусть и даже пели. Быстрое выполнение приказов; никаких реквизиций у беднейшего крестьянства; имущество, изъятое у помещиков, поставляется непосредственно правительству — вот три основных положения.

Авторитет Мао Цзэдуна рос, но одновременно с этим обострялась борьба между ним и высшим руководством партии — Ли Лисянем, затем — Ван Мином. Впрочем, постоянные склоки, взаимные обвинения, фракционная борьба — это все было присуще китайской компартии, как и другим партиям «нового типа». Мао раньше других сумел понять, что необходимо иметь свою группировку в ЦК партии, и сделал все, чтобы решить эту задачу.

Выступая на VI съезде КПК, Чжоу Эньлай говорил, что руководящие партийные работники устраивают склоки, в основе которых — личные интересы, а не политические вопросы. В партии нет демократии, партийные комитеты не

избираются. Другие делегаты говорили, что в партии действует принцип: «Если кто со мной согласен, тот может жить, а кто со мной не согласен, тот должен умереть». Один из делегатов так оценивал ситуацию: «Фракции возникают не из-за разногласий, а происходит привычная интеллигентская склока за первенство. Стремление быть вождем — это сидит у многих членов партии».

К этому времени относятся многие жесткие оценки личности и поведения Мао Цзэдуна. Пэн Дэуай: «Методы Мао очень жестоки. Если вы не подчинились ему, то он непременно изыщет способ, чтобы подчинить вас. Мао чрезмерно подчеркивает роль люмпенов, считая их авангардом революции». Се Линсяо: «За глаза Мао Цзэдун называл Чжоу Эньлая «красным верховным владыкой» и «бюрократом». В душе он мечтал повергнуть Чжоу Эньлая, а в открытую делал вид, что желает видеть того генеральным секретарем партии. Но очень хитрый и коварный Чжоу Эньлай отвечал на это только улыбкой».

В эти годы политическую карьеру Мао отмечали взлеты и падения, дело доходило даже до исключения его из руководящего состава. Апогеем его борьбы за власть становится совещание в городе Цзуньи в январе 1935 года. То было очень трудное для китайских коммунистов время. В боях с правительственными войсками Красная армия терпела одно поражение за другим. В октябре 1934 года начинается «Великий поход», когда около 100 тысяч человек под руководством Чжу Дэ и Чжоу Эньлая начали прорыв из

окружения. Это было отступление с жестокими арьергардными боями, в ходе которого погибло до 60 процентов отступающих армий.

Именно в ходе этого тяжелейшего отступления состоялось расширенное совещание ЦК КПК в Цзуньи. Темой его было определение причин неудач партии и Красной армии в противостоянии Чан Кайши, глубинной сутью — борьба за контроль над армией и партией. Генеральный секретарь партии Бо Гу и Чжоу Эньлай отмечали, что политическое и военное руководство, несмотря на отдельные ошибки, в основном было верным. Чан Кайши, получая военно-финансовую помощь от империалистов, имел большое превосходство в силах, и партия вынуждена была отступить, чтобы сберечь силы и кадры. Однако Мао Цзэдун резко на это возразил, утверждая, что отступление — это следствие серьезных ошибок руководства. Итогом этого совещания был стремительный рост влияния Мао Цзэдуна в Красной армии. Ему удалось противостоять вызову соперничавших сил. Став членом постоянного комитета политбюро, он укрепил свое влияние и в высшем партийном руководстве.

Однако отступление Красной армии продолжилось. Бойцы постоянно подвергались бомбардировке с воздуха и атакам преследующих их гоминьдановских войск. Только осенью 1936 года был завершен «Великий поход» и остатки войск, а также партийное руководство обосновались в Яньани. К этому времени Мао Цзэдун стал уже общепризнанным авторитетом. Известный американский журналист Эдгар Сноу, ставший первым

биографом Мао, после первой встречи с ним в 1936 году писал так:

— Я, наконец, встретил «красного» вождя Мао Цзэдуна, с которым Нанкин ведет борьбу вот уже девять лет, председателя правительства «Китайской Народной Советской Республики». Я мог бы написать о Мао Цзэдуне целую книгу. Я беседовал с ним в течение многих ночей по самым разнообразным вопросам, и я слышал о нем десятки рассказов от солдат и коммунистов.

Да, Мао уже был «вождем». И уже началось его воспевание, которое сопровождало Председателя всю жизнь. Писатель Эми Сяо восклицал: «Мао Цзэдуна сейчас знает весь мир. Его врожденный юмор, его открытый, звонкий смех, его гнев, страшный для провинившихся, его отеческая заботливость о человеке, его неиссякаемая энергия, его большевистское упорство и решительность, его блестящие организаторские способности государственного деятеля, перо журналиста и писателя, язык оратора, мозг ученого, талант стратега и тактика создали фигуру, выделяющуюся не только в истории китайской революции, но и в истории революции во всем мире»³.

Ли Чжисуй, долгое время бывший личным врачом Мао, вспоминал, как он, еще юноша, увлекся в середине 30-х годов коммунистическими идеями под влиянием своего брата: «Я слушал старшего брата и все больше начинал верить в возможность возрождения богатого, процветающего и независимого Китая на принципах всеобщего равенства и справедливости. Я с огромным интересом читал книги, которые он привозил мне:

«История первой советской пятилетки», «Как закалялась сталь» Николая Островского, а также книгу французского писателя Анри Барбюса о выдающейся роли Сталина в подготовке и осуществлении Великой Октябрьской революции в России. Брат внушал мне, что только коммунистические идеи спасут Китай и что выдающиеся коммунистические вожди Чжу Дэ и Мао Цзэдун приведут страну к экономическому и духовному расцвету. Судьба Китая в их руках. Мы с братом стали называть их Чжу Мао, словно одного человека. С той поры я стал считать Чжу Мао мессией⁴. Коммунистическая проповедь эгалитаризма и вера в популистские лозунги вождей коммунистической партии удачно сочетались с вождизмом, столь отчетливо присущем восточному традиционному обществу.

Сам Мао тоже стремился насадить среди окружающих образ национального лидера и «государственного мужа». По свидетельству очевидцев, он мог часами сидеть в кресле, не выражая никаких чувств, представляя собой поглощенного заботами государственного деятеля. Он занят великими делами и ничто суетное его не должно отвлекать. По этому поводу Петр Владимиров, связник Коминтерна и автор широко известной книги «Особый район Китая» замечает: «Я думаю, что в начале своей деятельности Мао Цзэдун сознательно вырабатывал в себе эти качества, они не были его собственным выражением. Однако годы работы над собой сделали их частью его характера. Того характера, который должен представлять в глазах народа

подлинно государственного мужа Великой Поднебесной».

В конце 30-х — начале 40-х годов окончательно оформилась группировка Мао Цзэдуна: Чжоу Эньлай, бывший соперник, ставший союзником; Пэн Дэхуай, талантливый военачальник, впоследствии герой корейской войны; Линь Бяо, «белый лист», на котором Мао мог писать все, что угодно; Кан Шэн, шеф органов безопасности; Лю Шаоци, будущий глава республики. Мао внимательно следил за взаимоотношениями в группе своих сподвижников.

В апреле — июне 1945 года в Яньани проходила работа VII съезда коммунистической партии. Мао Цзэдун председательствовал на нем и выступил с отчетом ЦК, который был озаглавлен «О коалиционном правительстве». С докладом о новом уставе партии выступил Лю Шаоци, который заявил: «Идеи Мао Цзэдуна представляют единство марксистской теории с практикой китайской революции, это китайский коммунизм, китайский марксизм. Идеи Мао Цзэдуна — это дальнейшее развитие марксизма в национально-демократической революции в колониальных, полуколониальных и полуфеодальных странах в современную эпоху, это превосходный пример национального марксизма». В итоге в новом уставе было сказано, что «Коммунистическая партия Китая во всей своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна».

На первом пленуме ЦК КПК седьмого созыва Мао Цзэдун был избран председателем ЦК партии. На этом посту он останется вплоть до своей смерти в сентябре 1976 года.

2. Председатель Мао

С 1945 года начинается новый этап в политической и жизненной судьбе Мао Цзэдуна. Наконец-то в его руках вся власть в партии. Это была реальная и мощная сила. В партии — 1 миллион 200 тысяч человек, регулярная армия насчитывает 910 тысяч бойцов, в ополчении — 2 миллиона 200 тысяч. Но партия не являлась правящей. И хотя в освобожденных районах проживало уже около 95 миллионов человек, центральный и южный Китай оставался под властью правительства в Нанкине. И «программа-максимум» коммунистов была совершенно очевидна — сбросить «прогнивший режим» гоминьдана и взять власть. «Есть такая партия!» Этот вызов Владимира Ленина всегда стоял перед глазами Мао Цзэдуна.

Между тем вторая мировая война подходила к концу. Летом 1945 года гоминьдановцы стремились при помощи американцев захватить большие города и оружие сдающихся японских войск. После атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки американцами перешли в наступление и коммунисты, стремясь взять под свой контроль как можно больше территории. Вступление в войну Советского Союза и разгром Квантунской армии существенно изменили ситуацию и в Китае. С японской оккупацией практически было покончено. Однако японцам противостояла не объединенная мощь всей нации, а две самостоятельные и враждебные силы, две крайне

амбициозные и незаурядные личности — Мао Цзэдун и Чан Кайши. Обе эти силы — и компартия, и гоминьдан готовились не столько к решающим боям с японцами, сколько к предстоящей борьбе за власть.

После капитуляции Японии и США, и Советский Союз в равной степени не хотели, чтобы в Китае возобновилась гражданская война. Они стремились сохранить тот крайне хрупкий союз КПК и гоминьдана, что сложился в годы войны с японцами. Американцы выступили посредниками на переговорах между Мао и Чан Кайши, хотя даже они не отрицали, что гоминьданский режим безнадежно погряз в коррупции, а авторитет его в стране все более падает. Однако переговоры закончились неудачей. Летом 1946 года гражданская война возобновилась.

На начальном этапе боев силы гоминьдана как численно, так по вооружению превосходили силы компартии. Достаточно сказать, что Народно-освободительная армия Китая до 1950 года практически не имела авиации, тогда как у Чан Кайши было до 500 самолетов. Это предопределило успехи войск гоминьдана. С июля по октябрь 1946 года они захватили около ста городов. Авиация бомбила столицу освобожденных районов Яньань, которая в марте 1947 года была захвачена правительственными войсками. Однако это было апогеем военных успехов Чан Кайши. Вскоре инициатива переходит к коммунистам, чьи вооруженные силы начинают пользоваться поддержкой широких масс крестьянства, поверивших в популистские обещания. А лучшее вооружение войск Чан Кайши,

включая американские танки, как бы уравнивалось значительно более высоким моральным духом и «революционным» энтузиазмом бойцов НОАК, более зрелым военным искусством ее военачальников — Пэн Дэхуая, Чжу Дэ, Линь Бяо, Лю Бочэна, Чэнь И, Дэн Сяопина, Хэ Луна и других.

Идеи коммунистов все более широко распространялись в массах. Американский генерал Маршалл по этому поводу высказывался так:

— Одни связались с коммунизмом, будучи возмущены насилием, коррупцией и полицейскими жестокостями гоминьдана. Другие — с отчаяния, не видя никакой перспективы. Третьи — принимают новую власть по инерции⁵.

Всю сложность ситуации осознавал и генералиссимус Чан Кайши, наблюдая, как разваливается социальный и политический механизм, создаваемый им в этой громадной стране на протяжении нескольких десятилетий:

— Наша национальная мораль пришла в упадок. Положение в деревне все ухудшается. Спекулянты за одну ночь превращаются в миллиардеров, а бедные умирают от голода прямо на улице.

Что же, уже вскоре оба лидера — и Мао Цзэдун, и Чан Кайши получат возможность строить новое общество практически без каких-либо помех. У Чан Кайши это получится гораздо лучше, недаром и по сей день он почитается на Тайване наряду с Конфуцием и Сунь Ятсеном. Наверное, главная причина последующего расцвета Тайваня — это качественный «человеческий материал».

На материке остались «революционные массы», те, кто поверил в коммунистическую утопию. На Тайвань же переселились предприниматели, часть интеллигенции, политики и государственные служащие — те, кто составил здесь основу среднего класса.

А пока что на материке шли ожесточенные сражения. Весной 1948 года НОАК отбила Яньань, а в ноябре 1948 — январе 1949 в ходе крупнейшей Хуайхэйской битвы гоминьдан потерял четверть всех своих вооруженных сил. Как выразился один из военных историков, это было «Ватерлоо Чан Кайши». В конце января 1949 года генерал Фу Цзюй без боя сдает северную столицу — Пекин. В ходе непрерывных наступательных боев войска компартии овладели Нанкином. Власть Чан Кайши пала. Перебравшись на остров Тайвань, он объявил материковый Китай «зоной, охваченной коммунистическим восстанием».

Так Мао Цзэдун привел партию коммунистов к власти в этой самой большой стране мира. Китайская революция, наряду с русской, явилась одним из величайших событий XX века, а доктрина этой революции — маоизм — стала одним из главных идеологических течений.

«Китайский народ встал на ноги!» — провозгласил Мао Цзэдун. Те, кто стоял рядом с ним на трибуне 1 октября 1949 года, были уверены, что они-то сумеют наконец построить «общество светлого будущего». Сам Мао оказался на вершине власти в этой громадной, но крайне отсталой стране. Недаром он сразу же заявил о необходимости положить конец нищете и невежеству, построить

сильный и процветающий Китай. Мао — председатель КПК. Мао — председатель правительства. В 1954 году он станет председателем Китайской народной Республики. Это звание прочно закрепится в сознании народных масс как некий титул.

А ему уже было 56 лет. Половина жизни — 28 лет — минуло с того времени, как он вступил в ряды партии. Сбылась его заветная мечта — стать правителем Китая. Он оказался в одном ряду с великими историческими деятелями, которыми с детства восхищался и которым стремился подражать. С одним из них он встретился уже в декабре 1949 года. И был разочарован.

Биограф Мао Цзэдуна журналист Эдгар Сноу весной 1949 года опубликовал в шанхайской газете статью «Станет ли Китай русским сателлитом?», где писал:

«Только одна Китайская компартия во всем мире имеет сегодня в качестве лидера человека, никогда не бывавшего в России. Он является единственным коммунистическим вождем, исключавшимся из партии, причем несколько раз, но оставшимся у власти, несмотря на приказ Коминтерна о его удалении. Мао является единственным коммунистическим лидером, помимо Тито, открыто критиковавшим московских агентов. Личность Мао Цзэдуна отразила внутри партии глубоко китайский склад ума, касается ли это методов или идеологических взглядов. По сути дела, Мао Цзэдун и его последователи доказали совершенно непредвиденную кремлевской иерархией истину, что подобные непролетарские революции могут быть

успешными вне зависимости от восстания городского пролетариата, а лишь на базе организованного крестьянства как главной силы.

Действительно, взаимоотношения между Председателем и Москвой всегда складывались не просто. В декабре 1949 года Мао впервые приехал в СССР. В Москве тогда праздновали 70-летие Сталина. Мао Цзэдун несколько раз встречался со Сталиным, провел серию переговоров. В феврале 1950 года был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Покидая Москву, Мао заявил, что дружба между двумя странами «вечна и нерушима». Однако позже он с горечью вспоминал, что Сталин встретил его как вассала, которого можно заставить ожидать в приемной, и долгое время уклонялся от серьезных переговоров.

Позицию тогдашних московских руководителей отчетливо характеризуют мемуары Никиты Хрущева. Мао Цзэдуна они не считали «подлинным марксистом» и были крайне недовольны тем, что тот не проявил желания стать марионеткой Кремля:

— Сталин всегда относился к Мао Цзэдуну весьма критически. Он придумал для него прозвище, которое точно характеризовало того с чисто марксистской точки зрения. Сталин имел обыкновение говорить, что Мао — это «маргариновый марксист». И все же остается фактом, что Мао, опираясь на крестьян и игнорируя рабочий класс, одержал победу. Конечно, его победа не была чудом, но, несомненно, являлась новым искажением марксистской философии, ибо она была

достигнута без пролетариата. Короче говоря, Мао Цзэдун — это мелкий буржуа, чьи интересы чужды — как теперь, так и в прошлом — интересам рабочего класса.

Действительно, революция 1949 года была крестьянский революцией. Мао Цзэдун не раз говорил, что, в отличие от России, в Китае революция пришла в город из деревни. Недаром крестьянский вопрос стал главным в деятельности нового правительства и аграрная реформа началась уже в 1950 году.

Вскоре в Китае начинает оформляться социалистическая модель со всеми присущими ей компонентами:

- мощной бюрократией, стоящей во главе;
- репрессивной системой труда;
- подавлением частной собственности и рынка;
- мощной идеологической машиной.

В декабре 1953 года ЦК партии утвердил программный документ под названием «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство». Провозглашенный курс на социализм предполагал решение двух задач — осуществление социалистической индустриализации и установление социалистических производственных отношений во всех сферах народного хозяйства.

Однако несмотря на кажущееся единство и единомыслие, в верхушке партийно-государственного руководства продолжалась борьба. Это отчетливо проявилось в ходе работы VIII съезда компартии в сентябре 1956 года. На нем с отчетом ЦК выступил Лю Шаоци, доклад об изменениях в

уставе сделал Дэн Сяопин, доклад по второму пятилетнему плану — Чжоу Эньлай. Сам Мао Цзэдун выступил с речью на открытии съезда.

Ход работы съезда и его решения свидетельствовали, что позиции группировки Мао были поколеблены. Из нового устава партии изъяли положение о том, что идейно-теоретической основой партии являются идеи Мао Цзэдуна. Дэн Сяопин, который вместе с Чжу Дэ представлял КПК на недавнем XX съезде партии советских коммунистов, в своем докладе говорил о необходимости соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы с культом личности. Говоря о руководителях партии. Дэн Сяопин заявил, что они «должны во всем показывать пример, держать теснейшую связь с массами», и что «наша партия отклоняет обожествление личности, которое ей чуждо». Это был завуалированный выпад против Мао и его нараставшего культа личности.

По предложению Мао Цзэдуна на съезде было принято постановление, запрещавшее отмечать юбилеи партийных руководителей и называть в их честь населенные пункты, предприятия и улицы. Таким образом он попытался отвести от себя выпад Дэна. Однако не следует преувеличивать антимаоцзэдунской направленности съезда. И на съезде, и после него продолжали цитировать изречения вождя, а роль Мао в теории и политике продолжала по-прежнему считаться ведущей.

Конечно, 1956 год был для Мао непростым. Неожиданным для него стал доклад Хрущева на

XX съезде КПСС с критикой культа личности Сталина. Председатель почти обожествлял роль вождя, считая, что только он сможет возродить и преобразовать Китай. Его самого нередко называли китайским Сталиным. После XX съезда Мао Цзэдун стал относиться к Хрущеву враждебно, считая, что тот нарушил святую заповедь о непоколебимой верности своему вождю, Мао также считал, что речь Хрущева объективно играет на руку «империалистам». Он говорил:

— Хрущев вложил меч в руку врага и поможет тиграм расправиться с нами. Если Советам меч ни к чему, то мы никогда не выпустим его из своих рук и распорядимся им как следует. Пусть в Советском Союзе оскорбляют его вождя, но мы всегда будем чтить его память и считать его мудрейшим из политиков XX века.

Постепенно Китай начинает превращаться в «полигон» для рискованных экспериментов Мао Цзэдуна. Первым из них стал «большой скачок».

3. «Большой скачок»

Супруга вождя Цзян Цин однажды сказала его личному врачу:

— Доктор Ли, вы совершенно не знаете председателя. Он очень любвеобилен и не пропускает ни одной юбки. Его мудрый разум никогда не восстанет против плотских утех, а женщин, желающих доказать ему свою преданность, более чем достаточно. Неужели вы этого не знали? «Вскоре я понял, — пишет Ли Чжисуй, — что жена Мао

знает своего супруга гораздо лучше меня. Сексуальные аппетиты вождя оказались такими же необузданными, как и он сам»⁶. Мао Цзэдуну в это время было 65 лет.

В своей государственной деятельности Председатель действовал не менее энергично и напористо. Всю свою жизнь верил он в то, что подлинная движущая сила истории — это «героическая решительность» в осуществлении революционного движения. Всю свою политическую и идеологическую деятельность он осознал как непрерывную революцию, а себя — как революционного преобразователя Китая. Свержение власти Чан Кайши — революция. Аграрная реформа — революция. «Большой скачок» — революция. Мао говорил:

— После завершения переходного периода, после полного уничтожения классов идеологическая борьба и революция будут продолжаться. Переход от социализма к коммунизму является борьбой, революцией. Вступление в коммунизм будет борьбой, революцией.

Он был одержим «революционным нетерпением». Типичным выражением этого нетерпения и стал «большой скачок». Мао стремился как можно скорее «проскочить» в коммунизм. Уже в середине 50-х годов он начинает проявлять неудовлетворенность медленными темпами экономического развития. Дело дошло до серьезных разногласий в партийно-государственной верхушке, когда лидеры КПК собрались летом 1955 года на совещание в Бэйдайхэ. Председатель Мао по сути дела выступил против коллективного мнения ЦК

и генеральной линии партии, сформулировав особый курс, по которому, как он полагал, должно идти развитие Китая.

Одной из причин, заставивших Мао пойти на это, стало подсознательное стремление избавиться от опеки Кремля. В ноябре 1957 года Мао Цзэдун во второй и последний раз приехал в Москву, где открывалось совещание коммунистических и рабочих партий социалистических стран. На этот раз он показал себя как наставник, стремящийся поучать других, как правильно осуществлять социалистическую революцию, бороться с империализмом — «бумажным тигром», которого не следует бояться. А новый лидер советской компартии Никита Хрущев мало интересовал Мао Цзэдуна, который, к тому же, был очень недоволен критикой Сталина на XX съезде.

Вера в коммунистическую догму, жажда величия и экономическая безграмотность привели Мао к наивной мечте в короткий срок превзойти в экономическом и военном отношении ведущие страны мира. Прежде всего его занимала проблема опережения Китая сроков индустриализации и социалистического строительства в Советском Союзе. Он говорит, что Китай имеет возможность опередить «родину Октября» по срокам строительства социализма, поскольку обладает более чем двадцатилетним опытом революционных войн, располагает многочисленным и трудолюбивым населением, и наконец, получает помощь от СССР. Председатель Мао заявлял:

— Советскому Союзу потребовалось 40 лет, чтобы производить не такое уж значительное количество

продовольствия и других товаров. Конечно, хорошо, если наши 8—10 лет будут равнозначны их 40 годам. Так оно и должно быть, ибо у нас большое население и совсем другие политические условия, — у нас больше жизни и бодрости, больше ленинизма.

Инициаторы «большого скачка» делали акцент на максимальную мобилизацию гигантских трудовых ресурсов страны. По существу, это была попытка в кратчайшие сроки превратить Китай в мощную державу внеэкономическими методами. Мао Цзэдун все чаще начинает говорить о том, что за 15 лет надо догнать развитые страны по производству стали и чугуна. Недаром важным слагаемым этой авантюры стала «битва за сталь».

В мае 1958 года по инициативе Мао Цзэдуна 2-я сессия VIII съезда компартии одобрила курс «трех красных знамен»:

- генеральная линия;
- большой скачок;
- народные коммуны.

«Напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм больше, быстрее, лучше, экономичнее», — так отныне стала звучать новая генеральная линия. Курс на поэтапное построение социализма был отброшен. Лю Шаоци, второй человек в партийно-государственной иерархии, на этой сессии подверг критике скептиков и маловеров, сомневающихся в правильности политики «большого скачка».

Плановая комиссия пересматривает намеченные цифры производства стали по итогам пятилетки на 1962 год с 10,5 миллионов тонн до 80 миллионов тонн. Предполагалось произвести промышленной

продукции в 6,5 раз больше, чем в 1958 году. Началось массовое сооружение базы «малой металлургии» — мелких кустарных доменных печей. «Три года упорного труда — десять тысяч лет счастья», — вещала пропаганда.

Доктор Ли, сопровождавший Мао Цзэдуна во время поездки в провинцию Аньхой, описывал свои впечатления от самодельных доменных печей, которые они тогда впервые увидели:

— Домна была сложена из кирпича с использованием цементного раствора и имела высоту около пяти метров. Находилась она прямо во дворе здания партийного комитета провинции. Плавка была в полном разгаре, и в раскаленном жерле печи можно было различить хозяйственные подделки из стали — кастрюли, сковородки, дверные ручки и даже лопаты. Цзэн, первый секретарь провинции, горячо доказывал вождю, что из этого лома после переплавки получится отличная сталь. Затем он взял огромные щипцы, поднял с земли пышущий жаром бесформенный кусок металла, только что вынутый из печи, и с гордостью показал Мао. Я так никогда и не узнал, кому принадлежала идея создания самодельных доменных и мартеновских печей. Логика «гениальных» новаторов была проста — зачем тратить огромные средства на строительство современных сталелитейных заводов, если можно, исхитрившись, варить сталь в каждом дворе. Увиденное потрясло меня своей бессмысленностью.

На расширенном заседании политбюро в Бэйдайхэ в августе 1958 года Мао Цзэдун настоял на принятии решения о создании по всей стране

народных коммун. В нем утверждалось, что народные коммуны позволят значительно ускорить экономическое развитие страны. По сути дела, вырисовывалась перспектива превращения всего Китая в одну большую военизированную коммуну, где осуществляется система натурально-го, уравнительного снабжения питанием и одеждой на уровне удовлетворения элементарных потребностей. Мао говорил: «Если сделать безденежным питание, то это приведет к огромным переменам. Примерно в течение десяти лет продукция станет весьма обильной, а мораль — необычайно высокой, и мы сможем осуществить коммунизм, начиная с питания и одежды».

Народная коммуна рассматривалась как ведущая форма организации производства и населения как в деревне, так и в городе. Уже через полтора месяца после принятия августовского решения в газетах появились сообщения, что практически все крестьянство — более 500 миллионов человек — вступили в коммуны. Начинался очередной социальный эксперимент Великого кормчего. Мао незадолго до этого писал в журнале «Хунци»: «Очевидной особенностью шестисотмиллионного китайского народа, помимо прочих, являются его бедность и то, что он представляет собой чистый лист бумаги. На первый взгляд, это плохо, но на самом деле — хорошо. Бедность заставляет стремиться к переменам, действовать, совершать революцию. На чистом листе бумаги ничего нет и на нем можно писать самые новые, самые красивые слова, рисовать самые новые, самые красивые картины».

Исполнители на местах, истово выполняя указания Великого кормчего, не только осуществили «коммунизацию» села за полтора месяца, но и стали обобществлять личную собственность крестьян, военизировать их труд и быт. В конце 1959 года коммуны стали возникать и в городах. «Весь Пекин охватила паника, — пишет Ли Чжисуй. — По столице поползли слухи, что вождь планирует в скором времени создать народные коммуны в городах. Все со страхом ожидали конфискации личного имущества государством. Столица превратилась в гигантский вещевой рынок. Люди продавали драгоценности, дорогие вещи и старинную мебель в надежде сохранить хоть наличные деньги, когда все их имущество будет передано в собственность коммуны».

Крестьян объединяли в военизированные бригады и направляли то на полевые работы, то на строительство дамб и плотин. Вместо работы на предприятиях люди выплавляли металл в доменных печах, сооруженных прямо во дворах домов. Власти подстегивали народ с помощью идеологической обработки и административного нажима, вынуждая его трудиться на износ ради грядущего «экономического чуда». «За одну ночь можно достичь такого результата, что он превзойдет то, что сделано за тысячелетия, — говорилось в газетах. — Большой скачок открыл новую историческую эпоху, свидетельствующую о том, что Китай обгоняет Советский Союз в переходе к коммунизму». А в это время в СССР Никита Хрущев «догонял и обгонял» Америку.

Вскоре выяснилось, что страна не в состоянии не только повышать производство, но и удержать его на прежнем уровне. В политику «большого скачка» начинают вносить коррективы. Уже в декабре 1958 года на пленуме ЦК партии было заявлено, что переход к коммунизму представляет собой длительный и сложный процесс и перепрыгнуть через этап социализма невозможно. Были осуждены «перегибы» на местах при создании народных коммун.

Весной 1959 года во многих провинциях страны начался голод. По Китаю прокатилась волна крестьянских выступлений. В апреле того же года на пленуме ЦК КПК вновь рассматривались вопросы «упорядочения» в деятельности народных коммун. Кризис политики «большого скачка и народных коммун» особенно остро проявился летом 1959 года на совещании высших руководящих кадров партии в Лушане. Мао там заявил:

— Я не претендую на авторство идеи создания народных коммун, я только внес предложение о них. Я виновен в двух преступлениях. Я призывал к массовой выплавке 10,7 миллионов тонн стали, и если вы одобряли это, то можете разделить со мной часть вины. Весь мир против опыта народных коммун. Может быть, мы потерпели полное поражение? Нет, мы потерпели только частичное поражение, раздули поветрие коммунизма, что послужило уроком для всей страны.

В центре внимания этого совещания оказался маршал Пэн Дэхуай, бывший в то время министром

обороны, который направил Мао письмо, возлагающее ответственность за последствия «большого скачка» на Великого кормчего. Мао расценил это письмо как прямой вызов своему авторитету и всевластию. В ходе ожесточенной внутренней борьбы маршал потерпел поражение и вынужден был уйти в отставку, хотя и остался членом Политбюро КПК. Позднее, в декабре 1966 года он будет арестован хунвэйбинами, а в 1974 — скончается.

Последствия «большого скачка» были исключительно тяжелыми. В течение трех самых трудных лет (1959—1961) смертность возросла на много миллионов, а рождаемость резко снизилась. Западные демографы вычислили число потерь в 20—30 миллионов человеческих жизней. Ситуацию осложнили стихийные бедствия и ухудшившиеся отношения с Советским Союзом, который отозвал своих специалистов. Катастрофа «большого скачка» нанесла серьезный удар по престижу вождя. Он даже вынужден был поступиться частью власти и ушел с поста Председателя республики. В апреле 1959 года эту должность занял Лю Шаоци.

Новым ударом для Мао стал IX пленум ЦК КПК, принявший курс на урегулирование народного хозяйства. По свидетельству Ли Чжисуя, после него Мао впал в депрессию и вновь стал предаваться любовным утехам. Это было для него чем-то вроде разрядки после политических баталий. Доктор Ли пишет:

«Для молодых женщин, которых Мао выбирал, обслуживать его, угождать любому его желанию было ни с чем не сравнимой честью. Каждый, кто работал для Мао, тщательно изучался,

женщины не были исключением. Осторожное исследование гарантировало, что они полны благоговения, восторга и восхищения председателем. Все они — потомки нищих крестьян, все из семей, обязанных своим благосостоянием коммунистической партии. Мао для них — мессия, спаситель. Наложницы Мао никогда не любили его в обычном, житейском смысле слова. Они любили его скорее как своего великого вождя, как учителя и спасителя. Одна из девиц, описывая сексуальную удачу Мао, заметила: «Он велик во всем!»⁷.

В шестьдесят семь лет Мао уже прошел границу возраста, когда сексуальная активность у мужчины затухает. Но именно тогда он стал сторонником даосской сексуальной практики, которая считала, что секс не только удовольствие, он необходим для продления жизни. Наибольшее удовлетворение Мао испытывал, если несколько молодых женщин разделяли с ним постель одновременно.

В начале 60-х годов на первый план все более явно выдвигаются Председатель КНР Лю Шаоци и Генеральный секретарь партии Дэн Сяопин. Большим влиянием пользовался также министр обороны маршал Линь Бяо. По этому поводу американский исследователь Пол Джонсон замечает, что Мао никогда не имел верховной и единоличной власти, подобно Гитлеру или Сталину, другим диктаторам XX века. Причины этого — неподдающиеся решению китайские проблемы, отсутствие современных коммуникаций, а также отсутствие таких масштабных аппаратов террора,

как гестапо или НКВД—КГБ. Развивая эту мысль, добавим, что обожествление Мао, нарастающее из десятилетия в десятилетие, полностью компенсировало существующие политические ограничения его всевластия вроде «коллективного руководства».

Однако Мао Цзэдун не собирался ни с кем делиться полнотой своей власти. Осенью 1962 года он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы вновь выдвинуть лозунг: «Не забывать о классовой борьбе!» Это соответствовало известному сталинскому положению об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Цель та же — расправиться с противниками в партии. Государственный и партийный аппарат понемногу выходит из-под контроля Великого кормчего, однако есть армия, где властвует его верный последователь маршал Линь Бяо. И начинается кампания за превращение армии в «школу идей Мао».

Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в 1960 году, когда Военный совет ЦК КПК принял постановление «Об усилении идейно-политической работы в армии». В нем говорилось:

«Главным содержанием теоретической учебы всех кадровых работников должны стать произведения Мао Цзэдуна. Основным предметом военного обучения и политической подготовки в воинских частях, академиях и училищах должны стать труды Мао Цзэдуна. Следует целиком перестроить военную и политическую подготовку, изъясив из учебных пособий все разделы, которые не соответствуют идеям Мао Цзэдуна».

На рубеже 50—60-х годов стала нарастать напряженность во взаимоотношениях между Китаем и СССР. Во многом это был конфликт двух партий-монстров: КПК и КПСС. С началом политики большого скачка и народных коммун в Китае все чаще критиковали советский опыт. Китайские руководители со злорадством говорили, что «родина Октября» топчется на месте, а мы вырвались вперед и идем к коммунизму. Специалистов из СССР стали критиковать за «техническую отсталость и ретроградство». Китайские лидеры были также недовольны сближением Н.С. Хрущева с США и его политикой разрядки.

В опубликованных к 90-летию со дня рождения В.И. Ленина статьях китайская партийная печать критиковала некоторые положения из декларации совещания коммунистических партий 1957 года, хотя под ней стояла и подпись КПК. Две «братские» партии все чаще начинают обмениваться взаимными обвинениями. Хрущев был всем этим крайне раздражен и в июле 1960 года отозвал всех советских специалистов из Китая.

Существенное значение в обострении взаимоотношений играло и то обстоятельство, что Мао Цзедун не принял идеи коммунистов из Москвы о мирном сосуществовании. Он считал неизбежной и даже желательной мировую войну. Выступая в Москве в 1957 году, Мао говорил: «Если половина человечества будет уничтожена в ходе войны, то останется еще половина. Зато империализм будет полностью уничтожен, и во всем мире будет лишь социализм».

Притязания Мао Цзэдуна нарастали прямо пропорционально укреплению его влияния и власти. Так, для него стало совершенно очевидным, что «центр мировой революции» переместился в Китай. Следуя примеру своего уже скончавшегося кумира, он в 1960 году делает заметки к учебнику политэкономии и пишет: «В начале XX века центр революции переместился в Россию, родился ленинизм, представляющий собой результат дальнейшего развития марксизма. В середине XX века центр мировой революции переместился в Китай». Эти свои мысли он обставлял весьма своеобразно, сравнивая «революционность» Запада и Востока: «Сейчас у Маркса много дел на Востоке, он не может вернуться на Запад, и поэтому революция у них не может успешно завершиться. Сейчас в политическом отношении Азия более прогрессивна, чем Англия и Америка, так как азиаты живут намного хуже, чем англичане и американцы. Сейчас именно Восток прогрессивный, а Запад — отсталый. Пройдет несколько десятилетий — наши восточные государства разбогатеют, а жизненный уровень на Западе — понизится, и тогда народ там станет прогрессивным».

Чтобы удержаться у кормила власти, в первой половине 60-х годов Мао и его сподвижники начинают все больше раздувать культ Вождя. Ведущую роль при этом начинают играть массовые политико-идеологические кампании. В мае 1964 года увидело свет первое издание «Цитат из председателя Мао» — маленькая, величиной с ладонь, книга в красном переплете, заполненная афоризмами,

извлеченными из речей и трудов Мао Цзэдуна. Страна занялась «политической учебой». Люди читали цитатник Великого кормчего, заучивали его мысли и лозунги.

Между тем внутривластная обстановка становилась все более угрожающей для Мао. Лю Шаоци и Дэн Сяопин все активнее выходили на первый план. Однако интриги и политические хитросплетения, которыми отличался «высший эшелон» КПК, приучили Мао к актерству. Он умело скрывал свое стремление к абсолютной власти и готовил новую политико-идеологическую кампанию.

4. Смута

Один из самых почитаемых Мао великих исторических личностей Наполеон Бонапарт как-то сказал: «Китай — дремлющий лев. Проснувшись, он потрясет мир». Таким потрясением стала «культурная революция», которая ввергла в хаос всю страну. Под знаком этой кампании, в ходе которой окончательно утвердилась модель «казарменного социализма», прошло последнее десятилетие правления Мао Цзэдуна.

«Мао никогда не сомневался, что его роль в истории Китая будет выдающейся, — свидетельствует личный врач Председателя Ли Чжисуй. — Он был великим вождем и правителем, человеком, которому предназначено судьбой вернуть Китаю былую славу и величие. Мао был уверен, что весь Китай принадлежит ему и он может экспериментировать

со страной, как ему вздумается. Он был непримирим и жесток по отношению к своим противникам, а жизнь его подданных не представляла для него никакой ценности»⁸. Мао всегда сочетал пренебрежение к массам с тезисом, что «историю творит народ».

К осени 1965 года наступила кульминация скрытой борьбы за власть. Лю Шаоци и Дэн Сяопин укрепляли свое влияние в партии и в системе органов госбезопасности. Мао и его сподвижники стремились поставить под полный контроль армию. Сопоставляя «культурную революцию» в Китае и «большой террор» в Советском Союзе, можно заметить, что у нас не было такого мощного противодействия Сталину на верхах власти, как Мао в Китае. Ведь здесь второй человек в партийно-государственной иерархии Лю Шаоци и генеральный секретарь партии Дэн Сяопин составили прямую оппозицию курсу вождя.

Главной ударной силой Мао и его соратников стали отряды хунвэйбинов («красногвардейцев») и цзяофаней («бунтарей»). Это о них пел когда-то Владимир Высоцкий: «Возле города Пекина ходят-бродят хунвэйбины, и старинные картины ищут-рыщут хунвэйбины». Ставка была сделана на молодых, слепо преданных Председателю. Они особенно нетерпеливы и нетерпимы ко всему отжившему. К этому времени духовно-нравственная атмосфера в стране претерпела большую трансформацию. Расцвел во всю мощь культ вождя. Был сформирован образ врага — внешнего (Советский Союз) и внутреннего («черные ревизионисты, идущие по капиталистическому пути»).

Молодые росли в условиях невиданного прославления Великого кормчего, фанатичного преклонения перед ним.

С раннего возраста их воспитывали в духе воинствующего национализма В то время один из самых популярных фильмов был «Красный короб». Герой фильма, напоминающий некрасивого коробейника, торгует товарами, посещая села. При этом он почти непрерывно цитирует Мао. Согласно фильму, все хорошие поступки героя обусловлены идеями Мао. Крестьяне в селах, которые посещает «коробейник», славят «счастливую эпоху председателя Мао». А. Н. Желоховцев, находившийся в это время в Китае на стажировке, рассказывает о своем посещении концерта студенческой художественной самодеятельности. Большой хор исполнил песню о Мао. Затем последовала хореографическая сценка о войне вьетнамцем с американцами. После этого хор вместе с танцевальной группой снова славил Вождя. «Хор приводил всех в экстаз, — пишет Желоховцев, — наэлектризованность на сцене достигала немислимого накала. Мне стало душно в возбужденном всеобщим поклонением зале. Это было чем-то сродни языческому культовому иступлению»,

Формально «культурная революция» началась серией критических кампаний в сфере искусства и литературы. Затем в мае 1966 года на расширенном заседании Политбюро принимается «Сообщение ЦК КПК от 16 мая», в котором излагались идеи Мао Цзэдуна по поводу «культурной революции». На этом же заседании подверглись

критике и затем были отправлены в отставку несколько высокопоставленных партийных, государственных и военных деятелей. Вскоре была создана Группа по делам культурной революции при ЦК КПК во главе с Чэнь Бода. Заместителями его стали супруга вождя Цзян Цин и секретарь Шанхайского горкома партии Чжан Чуньцяо, а секретарь ЦК партии Кан Шэн, курировавший органы госбезопасности, был назначен советником группы.

18 мая на том же расширенном заседании политбюро с большой речью выступил министр обороны маршал Линь Бяо, давно уже раздувавший столь энергично культ Председателя в армии и стране, что это вызывало неприятие даже самого Мао. Тот говорил доктору Ли: «Я не верю, что несколько брошюр, которые я написал, так волшебны и мощны, как он говорит. Но после того, как Линь начал преувеличивать, вся партия и нация в целом последовали его примеру».

Выступая 18 мая, Линь Бяо заявил, что главной задачей является предотвращение контрреволюционного государственного переворота и захвата политической власти ревизионистами. Он напомнил, что история переворотов в Китае весьма обширна. «Если мы не будем достаточно бдительными, то потеряем политическую власть». Линь Бяо предупредил о том, что личных устных заявлений о преданности Председателю Мао уже недостаточно: «Есть и такие, кто под знаменем марксизма и идей Мао Цзэдуна борется против знамени марксизма и против идей Мао Цзэдуна».

В этом же большом выступлении Линь Бяо всячески превозносил гениальность Мао Цзэдуна: «Председатель Мао пользуется самым большим авторитетом в стране и мире, он наиболее выдающаяся, величайшая личность. Положения, труды и революционный опыт Председателя Мао показали, что это великий пролетарский гений. Отдельные лица не признают гения, но эта позиция не имеет ничего общего с марксизмом. Председатель Мао — гений».

Застрельщиком «культурной революции» становится учащаяся молодежь. При населении в 800 миллионов Китай имел 90 миллионов детей в начальных школах, 10 миллионов в средних и 600 тысяч в высших учебных заведениях. В конце мая 1966 года семь аспирантов философского факультета столичного университета вывесили дацзыбао — большую настенную прокламацию — в которой критиковались «черные» партком и ректорат. Текст прокламации появился в газете «Жэньминь жибао». В печати началась шумная кампания подстрекательства учащихся всей страны к таким же действиям. 29 мая в Пекине появились первые хунвэйбины — 12—13-летние ученики средних школ с красными повязками на рукаве.

Занятия в школах и вузах были прерваны, чтобы отныне ничто не мешало учащимся осуществлять «культурную революцию». Профессоров, школьных преподавателей, деятелей культуры, позднее — видных партийных и государственных деятелей начинают выводить на «суд народа» в шутовских колпаках и расправляться с ними. В

конце июня 1966 года одна из газет давала такую установку школьникам: «Ученики могут помочь революционизации учителей. В рядах учителей имеется часть пролетарских, революционных, смелых элементов. У большинства учителей пролетарское мировоззрение еще не окончательно заменило буржуазное. Имеется еще и группка нечисти, настроенной против партии, против социализма, против идей Мао Цзэдуна. Мы должны под руководством партии, опираясь на левые элементы, имеющиеся среди учителей, в процессе упорной работы постепенно сплотить большинство учителей, до конца обнажать, критиковать, уничтожать всю нечисть».

Газеты призывали всех «бунтарей» приобщиться к «революционному делу» в столице. Начинается паломничество в Пекин за опытом столичных хунвэйбинов. Хунвэйбины и цзаофани начинают объединяться в батальоны, роты, взводы. День «красногвардейца» был разбит на две части. Первая — это учеба: заучивание цитат Председателя Мао, а также изучение свежих дацзыбао, которые с утра вывешивались повсюду. Сидя на корточках, стоя в толпе, лежа на тротуаре, хунвэйбины переписывали с этих прокламаций все подряд в свои блокноты и тетради. Во второй половине дня они обычно проходили военную подготовку, для чего из числа военнослужащих было выделено свыше 100 тысяч советников. Из среды хунвэйбинов все чаще стали раздаваться призывы выдать им оружие.

18 августа хунвэйбины устраивают смотр на площади Тяньаньмэнь. Выход Мао на трибуну был

подан, словно появление Будды. Председатель надел на рукав повязку хунвэйбина, а стоящая внизу многомиллионная толпа неистовствовала. За спиной Мао находились Лю Шаоци, Дан Сяопин и другие руководители. Им было ясно, что они проиграли и не способны более контролировать ход событий. Осенью 1966 года оба они исчезают с политической сцены.

Хунвэйбины пекинского университета Цинхуа опубликовали в журнале «Хунци» статью, в которой говорилось:

«Тысячи и тысячи положений марксизма в конце концов сводятся к одному: «Бунт — дело правое». В этом — сама душа идей Мао Цзэдуна. Основным и самым драгоценным качеством революционных пролетариев является отвага. Они должны смело думать, говорить и действовать, чтобы преодолеть все преграды и завершить революцию.

Мы полны решимости бунтовать, и вам ничто не поможет. Вы полагаете, что мы чрезмерно дерзки. Именно такими мы и хотим быть. Председатель Мао говорит: «Тех, кто занимает высокие посты, следует ценить не дороже, чем пыль». Мы намерены нанести удар не только по реакционным университетам, но и всего мира. Преобразование мира — вот задача революционера».

Доктор Ли свидетельствует, что к началу 1967 «культурная революция» бушевала уже по всей стране. Партийные и государственные учреждения были парализованы. Промышленное производство падало. Транспорт разрушался. А Линь Бiao и Цзян Цин призывали мятежников: «Сверните все!» , «Ведите гражданскую войну!» Даже

в самих парткомах не было спокойствия — их руководители яростно выступали друг против друга, стремясь захватить власть.

В конце января 1967 года Мао Цзэдун обратился к армии с призывом поддержать хунвэйбинов. По существу, ставился вопрос о вмешательстве армии в политическую жизнь страны. К тому времени армейские кадры давно уже воспитывались в духе личной преданности вождю. Опираясь на поддержку армии, хунвэйбины во многих местах начинают захватывать власть. В Шанхае отряды хунвэйбинов с помощью армии захватили редакции газет, радио, а затем, после недельной кровопролитной борьбы, — городской комитет партии. Руководил ими младший офицер службы безопасности часового завода Ван Хунвэнь, которому было всего 30 лет. Эту акцию назвали «захватом власти». Мао Цзэдун одобрил эти действия и призвал всю страну последовать примеру шанхайцев.

К осени 1967 года была разрушена практически вся существующая политическая система, репрессированы многие видные партийные, государственные и военные деятели. В стране воцарился хаос. В центре и на местах обострилась борьба. Доходило даже до прямых вооруженных столкновений между военными и хунвэйбинами. Ситуация выходила из-под контроля, и Мао забеспокоился. В целях привлечения на свою сторону кадровых партийных работников и рядовых коммунистов он объявил о намерении возобновить деятельность партии и созвать IX съезд КПК. Была также реорганизована группа по делам культурной революции, из состава которой вывели «леваков», подстрекавших

хунвэйбинов на борьбу с армией. А летом 1968 года с движением хунвэйбинов было покончено. Они выполнили задачу, возложенную на них, и были более не нужны.

Уже в это время отчетливо проявились характерные черты периода «культурной революции»: прославление уравнительного социализма, отторжение принципа оплаты по труду как «буржуазного»; выдвижение на первый план классовой борьбы и идеологического воспитания, а не развития экономики. Все это сопровождалось все более растущим культом Мао, переходящим уже в его обожествление. Доктор Ли пишет:

«По мере подготовки партии к IX съезду даже упоминание о коллективном руководстве стало преступлением, а культ Мао достиг наивысшей точки. Весь Китай носил куртки «под Мао», его «малую красную книгу» и повторял цитаты из его высказываний. Даже самая простая сделка в магазине включала цитату из Мао. Его портреты были повсюду. Десятки миллионов людей по всей стране начинали день, отбивая поклоны портрету Мао и спрашивая у него указания. А вечером люди снова кланялись, сообщая Мае обо всех событиях и признаваясь в своих ошибках. Каждый рабочий день начинался и заканчивался коллективными повторениями афоризмов Мао. Они стали не только руководящей идеологией, но и коллективным заклинанием».

В апреле 1969 года состоялся IX съезд КПК. С политическим отчетом выступил маршал Линь Бяо, выдвинувший тезис о том, что идеи Мао Цзэдуна являются новым, высшим этапом развития марксизма-ленинизма. В этом докладе и новом

уставе КПК, принятом на съезде, вся история партии связывалась с деятельностью только одного человека — Мао Цзэдуна. Устав провозглашал Мао «вождем партии», а преданность ему — законом внутривнутриполитической жизни. В шестом параграфе устава говорилось, что «товарищ Линь Бяо неизменно высоко держит великое знамя идей Мао Цзэдуна и исключительно преданно и решительно проводит и защищает пролетарский революционный курс товарища Мао Цзэдуна» и что Линь Бяо является «ближайшим соратником и наследником» Мао.

Так Линь Бяо стал официальным преемником Великого кормчего. После съезда вокруг него развернулась шумная пропагандистская кампания. Все чаще портрет Линя в зеленой военной форме и надвинутой на глаза фуражке стал появляться рядом с портретами вождя. Он стал заместителем председателя ЦК КПК и вместе с Чжоу Эньлаем, Кан Шэном, Яо Вэньюанем и Чжан Чуньцяо вошел в состав «ближнего круга» Мао Цзэдуна. Съезд полностью оправдал и узаконил разгром в ходе «культурной революции» руководящих органов партии и государственной власти. В итоге в политической жизни Китая сложилась совершенно новая обстановка.

5. Десять тысяч лет жизни Председателю Мао!

Превратившись в Китае в божество, Мао Цзэдун и для многих радикально настроенных европейцев и американцев постепенно становился символом

истинного революционера и преобразователя мира. Исследователь из США Пол Джонсон свидетельствует, что люди, посещавшие Китай в 60 — начале 70-х годов, возвращались оттуда горячими поклонниками коммунизма маоистского типа. Один из них писал, что Китай — это «разновидность благодатной монархии, которая управляется императором-жрецом, завоевавшим абсолютную преданность своих подданных». Восхищались высоким уровнем морали, тем, что правительственные сборщики налогов стали «неподкупными».¹⁰ Все это поразительно напоминало восхваления, рассыпаемые некоторыми зарубежными визитерами в адрес другого диктатора, Сталина, в то время, когда в Советском Союзе осуществлялась принудительная коллективизация и правил бал «большой террор».

Мао Цзэдун своей политикой духовно укрепил китайцев, отнял у них чувство достоинства и чести. Люди стали винтиками в руках Великого кормчего. Отныне знаком верности и послушания вождю стали красные цитатники, изготовленные в количестве пяти миллиардов штук. Доктор Ли Чжисуй в своей книге пишет:

«После хрущевской атаки на Сталина китайский вождь стал панически бояться, что его тоже обвинят в навязывании массам культа своей личности. Великому китайскому народу, считал Мао, необходим великий вождь, созерцание которого должно вдохновлять жителей Поднебесной на новые трудовые подвиги. Однако при этом нужно было создать иллюзию, что массы сами вознесли Мао на трон. Тогда его власть над страной стала

бы несокрушимой и никто даже заикнуться не посмел бы о каком-то там культе». ¹¹

Как всякий восточный диктатор, Великий кормчий делал из политики театр. Декорациями был китайский народ, в основной своей массе оболваненный и искренне верящий, что он должен следовать указаниям вождя. Лишь Мао знает верный путь! Лишь вождь знает, что следует делать! Помпезные церемонии китайских императоров, преобразованные им на свой лад, отныне определяли жизнь, труд и быт рядовых китайцев. Массы встречали вождя ритуальным песнопением «Десять тысяч лет жизни Председателю Мао!»

Култ Мао отождествлялся с культом Солнца. Вся страна пела гимн «Алеет Восток»:

*С Красного Востока восходит солнце.
В Китае появился Мао Цзэдун.*

На многомиллионных манифестациях хунвэйбины фанатично скандировали лозунги Мао, а маршал Линь Бяо умело ими дирижировал: «Сломим стоящих у власти агентов капитализма! Сломим реакционно-буржуазные органы власти! Выгоним всех дьяволов и злых духов! Избавимся от четырех предрассудков: старого мышления, старой культуры, старых обычаев и старых навыков. Идеи Мао должны руководить вашим духом и преобразить его, а сила духа преобразит материю!»

В «Пояснительной записке» к изданной летом 1967 года карте Пекина говорилось: «Пекин — это центр мировой революции. Пекин — это город, где живет наш самый-самый-самый любимый

и уважаемый великий вождь Председатель Мао. И днем и ночью народ всей нашей страны и революционные народы всего мира смотрят на Пекин, думают о самом-самом красном солнце»¹².

Воля вождя изображалась как воля всего народа, и ей должны были следовать все. Старейший китайский писатель Ба Цзинь позднее вспоминал, что был рабом не только телом, но и душой, всегда готовым на самоунижение. Еще до «культурной революции» его приучили к тому, что долг человека состоит в перестройке своего сознания. Чтобы стать новым человеком, он должен был вытравить из себя все человеческое. Он голосовал, одобрял или проклинал вместе со всеми, потому что этого требовала партия, выступавшая от имени народа¹³.

Мао вверг народ в нищету, однако никто вину за свои беды на него не возлагал. Ли Чжисуй свидетельствует: «Несмотря на ухудшение экономического положения в стране, любовь китайского народа к «великому кормчему» продолжала расти. В нехватке продовольствия народ обвинял не Мао, а местное партийное руководство. Позже мне рассказывали о множестве случаев, когда последним желанием умирающих от голода крестьян было желание взглянуть на портрет любимого вождя. Все верили, что председатель Мао приведет Китай к процветанию и что его идеи не могут быть ошибочными»¹⁴.

В своей политической деятельности Мао Цзэдун нередко использовал исторические сведения для конструирования своих идей и постулатов. Лозунг «Древность на службе современности» опирался на традиционные представления о превосходстве

китайской культуры. При этом Мао собирался преобразовать Китай и сделать его богатым и могущественным как в древности. «В историческом прошлом он находил ответы на многие вопросы. Из жизни древних императоров он узнавал, как править страной, как манипулировать народом и своими противниками, как бороться против заговоров и внешних врагов»¹⁵. В самом культе Мао Цзэдуна нашли свое преломление традиции культа императоров.

При Мао начинает действовать ориентация на толпу, толпа требует не идей, а лозунгов, не логики, а обещаний, не призывов к размышлению, а угадывания ее настроения. Воздействуя на широкие слои малограмотного и невежественного населения, живущего представлениями традиционного патриархального мира, пропагандистско-идеологическая машина стремилась довести эмоциональное напряжение человека до такой степени, чтобы эмоции мешали аналитическому мышлению. Главное — заставить людей действовать по велению чувств, а не разума. «Есть ли у европейцев и был ли у древних людей такой великий человек, как председатель Мао? — ораторствовал маршал Линь Бяо. — У кого еще есть такие зрелые идеи? Такие гении, как председатель Мао, появляются на свете один раз в несколько сот лет, а в Китае — один раз в несколько тысяч лет. Председатель Мао — величайший гений в мире. Председатель Мао тысячи раз мудр, десять тысяч раз мудр. Идеи Мао Цзэдуна тысячу раз правильны, десять тысяч раз правильны»¹⁶. Повсюду повторяли цитаты из красных книжечек, и они теряли

реальный смысл, превращаясь в заклинание и догму.

Между тем склоки в высших эшелонах власти продолжались. Уже вскоре после IX съезда партии, когда Китай готовился к войне с северным соседом, а Мао начинал переговоры с Соединенными Штатами, наметились первые разногласия между Председателем и его «верным оруженосцем». Мао никогда и никому полностью не доверял. Вот и теперь его начинает беспокоить быстрый рост влияния Линь Бяо и в целом армии. После ссылки хунвэйбинов в село на «трудовое перевоспитание» и пограничных конфликтов с Советским Союзом армия начинает занимать ведущие позиции в руководстве страной. На IX съезде партии военные составили большинство нового ЦК. Самую значительную группу в нем составили высшие офицеры бывшей 4-й армии Линь Бяо, занимающие наиболее важные позиции в вооруженных силах Китая.

Разногласия между Мао и его «наследником» обострились на пленуме ЦК партии в Лушани в августе-сентябре 1970 года. Обсуждался проект новой конституции страны. Мао Цзэдун предложил упразднить должность председателя КНР. Однако Линь Бяо и Чэнь Бода настаивали на сохранении этого поста. Линь Бяо заявил, что Мао должен вновь занять его. Он полагал, что Мао откажется и тогда изберут его. Однако Мао не устраивало наличие двух председателей в Китае. Подобное поведение маршала Председатель квалифицировал как «внезапный удар». Видимо, Мао понял, что Линь Бяо превратился в «особый

штаб», как до него Пэн Дэхуай и Лю Шаоци, и сделал соответствующие выводы.

Вскоре исчезает с политической сцены ближайший сподвижник маршала Чэнь Бода. Однако со всемогущим маршалом справиться было не просто. Поэтому Мао Цзэдун стал выжидать удобного момента, одновременно лишая Линь Бяо опоры в столице. Верные ему высшие офицеры из Пекинского военного округа получают направления в другие места службы. С ноября 1970 года по всей стране начинается реорганизация партийных комитетов в целях освобождения их от влияния военных. В конце года, беседуя с американским журналистом Эдгаром Сноу, Мао заявил, что в Китае есть люди, которые кричат «Сто лет жизни Мао!», но в действительности желают ему смерти. Имен он не назвал, но многим было ясно, что имелся в виду Линь Бяо.

Позднее стало известно, что с марта 1971 года сын Линь Бяо — Линь Лиго, один из руководителей военно-воздушных сил Китая, начал подготовку заговора с целью убийства Мао. Вместе со своими соратниками он разработал проект 571, в котором Мао Цзэдун характеризовался как «крупнейший феодальный деспот в истории Китая», который в «марксистско-ленинском обличье применяет законы Цинь Шихуанди». В осуществлении путча заговорщики рассчитывали на поддержку со стороны Советского Союза. Известно, что длительное время, вплоть до конца 50-х годов, Линь Бяо поддерживал тесные отношения с советскими военными. В конце 30-х годов он учился в Советском Союзе. Во время Корейской войны, когда Линь

Бяо командовал китайскими добровольцами, он постоянно взаимодействовал с советниками из СССР.

Однако Мао Цзэдун узнал о планах путчистов. В их стане оказалась изменница — дочь маршала по имени Линь Доудоу, которая выдала их планы службе госбезопасности. Тогда Линь Бяо и его близкие решают бежать на самолете «Трайидент», который находился в личном распоряжении министра обороны. На территории Монголии самолет, направлявшийся в Советский Союз, потерпел катастрофу и все, находящиеся на его борту, погибли. Впрочем, это изложение официальной версии. Как все происходило на самом деле, до сих пор в точности неизвестно. Однако эти события, получившие название «сентябрьский кризис», вновь подтвердили политическое неблагополучие в Китае.

Измена ближайшего соратника и попытка путча сильно повлияли на Мао Цзэдуна, здоровье которого после этих событий стало быстро ухудшаться. Когда в ноябре 1971 года, спустя два месяца после исчезновения Линь Бяо, китайцы вновь увидели Председателя в телерепортаже о встрече с премьером Северного Вьетнама, они были потрясены. Мао заметно постарел и ходил неуверенно, словно тяжело больной человек.

Вскоре началась реабилитация жертв «культурной революции». В феврале 1973 года возвращается Дэн Сяопин. Мао вновь понадобились его организаторские способности, ведь теперь речь шла о созидании, а не о разрушении. Обстановка в стране была сложной. Все более откровенно рвались к

власти радикалы во главе с супругой Великого кормчего Цзян Цин. Им противостояла группа Чжоу Эньлая, прагматика, делавшего упор на экономическое строительство, который всегда отличался огромной работоспособностью. Однако в 1972 году, накануне приезда в Китай американского президента Ричарда Никсона, врачи обнаружили у Чжоу Эньлая раковую опухоль. К 1974 году состояние его заметно ухудшилось, хотя премьер продолжал работать.

Прагматическому курсу Чжоу Эньлая — Дэн Сяопина противостояла фракция радикалов: пользовавшаяся огромным влиянием Цзян Цин; шанхаец Чжан Чуньцяо, по некоторым данным, ее любовник; Яо Вэньюань — публицист и идеолог, зять Мао; Ван Хунвэнь — правая рука Чжана, умелый организатор, но довольно невежественный человек. Позиции радикалов заметно окрепли после X съезда КПК, состоявшегося в августе 1973 года.

Это был последний съезд при жизни Мао Цзэдуна. Делегаты единодушно осудили Линь Бяо и Чэнь Бода и признали правильной линию на продолжение «культурной революции». Ван Хунвэнь был избран заместителем председателя ЦК КПК. В своем докладе он говорил, что в партии всегда обостряется борьба между двумя классами и двумя путями, что «правые» могут реставрировать власть, поэтому время от времени, каждые 8-10 лет, необходимы новые «культурные революции».

Между тем Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин занимаются практической работой. На свои места

возвращены многие из прежних хозяйственных и партийных руководителей. Правительство призывает восстановить наконец-то порядок. Однако средства массовой информации полностью контролируются радикалами. На первое место ставится политика и идеология. Власть на местах находится в руках выдвиженцев «культурной революции», совершенно не разбирающихся в экономике. С течением времени все больше намечается конфронтация между двумя группировками в высших эшелонах власти: радикалами во главе с Цзян Цин и прагматиками, возглавляемыми Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином.

8 января 1976 года умирает Чжоу Эньлай. Позиции прагматиков были существенно ослаблены с его уходом. Тяжело больной Мао Цзэдун уже практически ни во что не вмешивается, ограничиваясь время от времени записками-распоряжениями, поскольку речь его была уже совершенно нечленораздельна. Атаки радикалов на Дэн Сяопина усиливаются. В противовес ему возвышается Хуа Гофэн — министр общественной безопасности и заместитель премьера Госсовета. Усилия радикалов в конце концов увенчались успехом.

4 апреля 1976 года в Китае отмечали день поминовения усопших. Неожиданно для многих в центре площади Тяньаньмэнь возле обелиска героям было возложено много венков в память недавно скончавшегося Чжоу Эньлая. К вечеру того же дня на площади собрались несколько сотен тысяч человек. Зазвучали стихи, в которых славились Чжоу Эньлай и Ян Каихуэй — первая

жена Мао Цзэдуна. Тем самым люди выражали неприязнь к Цзян Цин, нынешней супруге Председателя. Раздавались призывы к борьбе против тех, кто предаст забвению память о Чжоу Эньлае и искажает его наследие.

Так у радикалов появился удачный повод для смещения неугодного Дэн Сяопина. Собралось срочное заседание политбюро. С Мао Цзэдуном связь поддерживалась через его племянника Мао Юаньсиня. На политбюро вина за это «контрреволюционное выступление» была возложена на Дэн Сяопина. Было предложено лишить его всех постов, что Мао одобрил. Однако за Дэна заступился министр обороны маршал Е Цзяньин, заявив, что уйдет в отставку, если того исключат из партии. Так Дэн Сяопин остался в партии, хотя и был сослан.

9 сентября 1976 года умер Мао Цзэдун. Заканчивалась целая эпоха в истории Китая. Личный врач Председателя Ли Чжисуй пишет в своей книге: «В первые годы я восхищался Мао. Он спас Китай от японского владычества и походил на божьего посланника. Но за годы «культурной революции» мои мечты о новом Китае, свободном от угнетения и неравенства, развеялись в прах. Я перестал верить в идеи коммунизма, хотя и был членом КПК. Глядя, как электрокардиограмма чертит прямую линию сердечного ритма «великого кормчего», я ощущал конец целой эпохи и понимал, что звезда Мао погасла навсегда».¹⁷

Политбюро постановило забальзамировать тело Мао и поместить его в специально сооруженный мавзолей. Когда об этом сообщили доктору Ли,

от пришел в отчаяние: «Вы же должны понять, что даже железо и сталь со временем разрушаются. Что же говорить о теле умершего человека. Как предотвратить его разложение?» Доктор вспомнил о своей поездке в 1957 году в Москву и посещении мавзолея Ленина-Сталина. Их тела напоминала высохшие мумии. Доктору рассказали, что нос и уши Ленина совершенно испортились и их пришлось заменить восковыми копиями. У Сталина же полностью отвалились его знаменитые усы. И это несмотря на то, что техника бальзамирования в Советском Союзе была гораздо совершенней, чем в Китае. Сомнения в успешном бальзамировании были так велики, что изготовили даже восковую копию покойного, чтобы поместить ее в мавзолей.

Несмотря на некоторые сомнения, бригада врачей все же пришла к выводу, что сохранить тело вождя удастся. Было решено оставить мозг Мао на месте, однако все внутренности удалить, а в стеклянный гроб, в котором будет покоиться забальзамированное тело, закачать гелий. После окончания недели траура 19 сентября состоялся митинг памяти Мао. На площади Тяньаньмэнь собрались более полумиллиона человек. Ровно в 3 часа дня весь Китай замер. На 3 минуты остановились фабрики и заводы. Гражданскую панихиду открыл Ван Хунвэнь. Ближайшие соратники покойного вождя стояли вместе, но это было кажущееся единство. Уже вскоре вновь обострилась внутривластная борьба.

Годы диктатуры привели к тому, что для наследования «трона» хватило бы соответствующего

указания Мао Цзэдуна. Ничего более легитимного попросту не могло быть. Поэтому и Хуа Гофэн, располагающий запиской Мао «Когда ты у власти, я спокоен», и Цзян Цин, законная супруга усопшего вождя, претендовали на власть. Вопрос стоял остро — кто кого?! При жизни Мао его жена, несмотря на свой вздорный характер и неуживчивость, пользовалась большим авторитетом и даже уважением. Доктор Ли Чжисуй свидетельствует, что когда она приходила на заседание политбюро, все вставали и в зале воцарялась тишина. Ей предлагали самое лучшее место, ловили каждое ее слово. Но уже на первом заседании политбюро после смерти Мао уважения как не бывало. Когда она вошла, никто не обратил на нее ни малейшего внимания. Когда Цзян Цин брала слово, ее никто не слушал. Обстановка в политбюро резко изменилась. К слову сказать, из его мемуаров мы узнаем, что у Цзян Цин на правой ноге было шесть пальцев — существенный психологический нюанс, позволяющий многое объяснить в ее поведении с точки зрения комплекса неполноценности.

Цзян Цин ощущала, как в политбюро нарастала к ней вражда. Она с возмущением говорила Хуа Гофэну: «Еще не успело остыть тело Председателя Мао, а Вы уже хотите вышвырнуть меня? Это так Вы благодарите Председателя за то, что он Вас выдвинул?» Хуа Гофэн на это отвечал: «Таких намерений у меня нет. Живите мирно у себя в доме. Вас никто не собирается выбрасывать оттуда». Однако вдова, явно переоценивая свои силы и возможности, не последовала этому

достаточно прозрачно выраженному совету. А может быть, она уже не могла остановиться в своем стремлении к власти?!

Ее соратники деятельно готовятся к возможным столкновениям. Но Хуа Гофэн, маршал Е Цзяньин и глава службы безопасности политбюро Ван Дунсина внимательно следили за действиями радикалов. Наконец, они приняли решение арестовать четверку вечером 6 октября. Акция была осуществлена спецназовцами Ван Дунсина и прошла без инцидентов.

6. «Изгнание духов»

Минуло уже более двух десятилетий после смерти Великого кормчего. Однако по-прежнему его монументальная фигура остается доминирующей в культурном пространстве и массовом сознании. Живой бог и диктатор, революционер и поэт, философ и тиран — он живет в памяти сотен миллионов китайцев. Мысли его и сегодня нередко цитируются в повседневной жизни. В чем-то это ностальгия по тем славным временам эпохи Великого Мао — временам возвышенных целей и революционных страстей, когда раздираемая полувековой бойней страна была наконец объединена. По словам нынешнего китайского лидера Цзян Цзэминя, даже ошибки Мао «были ошибками великого революционера и великого марксиста».¹⁹

Вторая половина 90-х годов — сложное и болезненное время для Китая. После смерти Дэн

Сяопина участились пессимистические прогнозы, предупреждающие экономический крах, политический раскол и дезинтеграцию Китая в начале следующего тысячелетия. С развитием «рыночного социализма», ростом экономической свободы и периодическими всплесками «движения за демократию» центральная власть постепенно слабеет и теряет возможность влиять на реальное положение в стране. Многие политологи предсказывают, что, если Китай не разорвут, как Югославию, этнические распри, или, как СССР, политические амбиции, то к этому результату могут привести противоречия между набирающими экономическую мощь региональными элитами.

Всякая модернизационная трансформация — это не только экономическое развитие, но и структурная перестройка всего общественного организма страны и изменение человека. Меняются психология личности, образ жизни и мыслей, социальные ориентации, система ценностей. Подобные изменения, тем более в такой огромной стране, как Китай, никогда не происходят быстро и безболезненно. Вся история этой страны свидетельствует, что периоды стабильного консерватизма всегда сопровождалась здесь усилением центральной власти. Но как только начиналась модернизация и приходили в движение огромные массы народа, власть теряла способность управлять страной и начиналось «смутное время».

Сложности и противоречия модернизации вызывают рост тоски по прошлому, по «славным временам Мао Цзэдуна». Когда в обществе нарастает коррупция, а богатство и роскошь выставляются

напоказ, простые китайцы вспоминают Мао, жившего якобы в простоте и непритязательности. Когда в стране начался голод после «большого скачка», Мао отказался от мясной пищи. В современной частушке поется:

*Сын Мао Цзэдуна погиб молодым,
он пал в неравном бою.
Чжоу Энълай не имел детей,
отдал народу он жизнь свою.
Сын Дэн Сяопина — большой бизнесмен,
в боях за мощну хоть кого удавит.
Сын Чжао Цзыяна нажил капитал
на перепродаже цветных ТиВи.*

Последний акт «изгнания злых духов» начался в ноябре 1980 года, когда открылся судебный процесс над «бандой четырех». Реформаторы предполагали, что это будет последний гвоздь в крышку гроба Мао и его наследия. Официальное обвинение было выдвинуто против шести видных радикалов, десять из них находились на скамье подсудимых: «четверка» во главе с Цзян Цин, Чэнь Чжаода — бывший личный секретарь Мао и идеолог «культурной революции», а также пятеро бывших руководителей, сторонников Линь Бяо. Остальные обвинялись посмертно.

Страна прильнула к телевизорам, и перед китайцами вновь вставали ужасы «культурной революции». Подсудимые вели себя так, словно они ослуждались, находясь под гипнозом Мао Цзэдуна. Только Цзян Цин, ни на йоту не признавая себя виновной, вела себя вызывающе, выкрикивая давно

заезженные лозунги. Особый акцент делался на «контрреволюционных действиях» обвиняемых, направленных непосредственно против Дэн Сяопина. В итоге Цзян Цин и Чжан Чуньцяо, отказавшиеся признать себя виновными, были приговорены к смертной казни с отсрочкой исполнения на два года, а Ван Хунвэнь и Яо Вэньюань — к пожизненному лишению свободы. Впрочем, не прошло и два-три года, а в Китае уже мало кто вспоминал об этих некогда всемогущих людях, ставших неожиданно для себя в одночасье «бандой четырех».

Одновременно с судебным процессом начинается идеологический «натиск» на Мао Цзэдуна и его идейно-теоретическое наследие. Уже летом 1979 года один из ближайших сподвижников Дэн Сяопина маршал Е Цзяньин сообщил, что готовится решение об оценке роли Мао Цзэдуна в истории партии и страны. В истории китайской компартии вряд ли найдется другой документ, разработка и принятие которого сопровождалась бы столь острой дискуссией и являлись бы столь болезненными. Работа над «Решением по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» началась тогда же, летом 1979 года, однако шла медленно и непросто. Тогда реформаторы решили ее ускорить, инициировав судебный процесс над «бандой четырех». Проект перерабатывали шесть раз, наиболее важные и сложные вопросы обсуждали на многочисленных совещаниях. Уже в своем первом выступлении на обсуждении «Решения» в мае 1980 года Дэн Сяопин прежде всего обратил внимание на необходимость исторического подхода в политическом анализе.

Для самого Дэн Сяопина оценка роли Мао — это в первую очередь вопрос политический. При этом напрашивается немало аналогий с трудным и болезненным процессом переоценки личности Сталина в Советском Союзе и странах Восточной Европы, который сопровождался огромными нравственно-политическими потрясениями. При этом КПСС и другие компартии, переоценивая Сталина, возвращались к личности Ленина. А к кому было возвращаться компартии Китая при переоценке практической и теоретической деятельности Мао Цзэдуна?! Ведь для китайских коммунистов он был одновременно и Лениным и Сталиным! Вся политика компартии для китайского народа лицетворялась в первую очередь решениями, директивами, идеями и лозунгами Мао Цзэдуна. Дэн то прекрасно понимал. Выступая в октябре 1980 года на совещании в ЦК партии он говорил:

— Если обойти молчанием идеи Мао Цзэдуна или неправильно оценить заслуги и ошибки товарища Мао Цзэдуна, то с этим не согласятся старые рабочие, а также бедняки и низшие середняки, прошедшие через аграрную реформу, и тесно связанные с ними многочисленные кадровые работники. Знамя идей Мао Цзэдуна ни в коем случае нельзя отбрасывать, ибо это будет означать отрицание славной истории нашей партии. Все наши успехи неотделимы от руководства Коммунистической партии Китая и товарища Мао Цзэдуна.²⁰

Самому суровому осуждению была подвергнута в «Решении» «великая пролетарская культурная революция», которая на самом деле никакой эволюцией или прогрессивным общественным

движением не была и не могла быть. Однако Мао при этом одновременно выступает и как «главное ответственное лицо», и как трагический герой. «Решение» констатировало, что ошибки Мао — это ошибки, допущенные «великим пролетарским революционером». ²¹

Однако, несмотря на столь четкие официальные установки, спущенные партийным руководством сверху, единства в оценке «культурной революции» и самой личности Великого кормчего не было и быть не могло. В 80—90-е годы споры в обществе продолжались. Одни утверждали, что идеи и задумки Мао по поводу «культурной революции» были верны — надо было предотвратить сползание Китая на путь капитализма. То была борьба против партийных бюрократов. Но все дело погубило неудовлетворительное исполнение и откровенный саботаж на местах. Другие полагают, что «культурная революция» отразила возмущение деспотической властью КПК, ее беспощадной диктатурой. По мнению третьих, «культурная революция» представляла собой народное восстание против коммунистической диктатуры. Но почему тогда этот удар был направлен против коррумпированных партийных бюрократов, а не против самого вождя, ведь он стоял во главе партии? Сторонники этой точки зрения объясняют подобное поведение масс их политической незрелостью, в силу чего они поддались обманчивым лозунгам Мао Цзэдуна.

В соответствии с «Решением» идеи Мао Цзэдуна — это сплав марксизма-ленинизма с конкретным опытом китайской революции, выработанным

в полемике с Коминтерном в конце 20-х — начале 30-х годов. Документ суммировал «живую душу идей Мао Цзэдуна»: «истину следует искать в фактах»; линия масс, независимость, — и подчеркивал, что не следует отрицать научную ценность и руководящую роль идей только на том основании, что Мао Цзэдун допускал в последние годы жизни ошибки.

Принципиальные положения этого документа и высказывания Дэн Сяопина определили отношение к Мао на официальном уровне. Все материалы обычно были выдержаны в духе тезиса Цэна: «Мы не можем допускать чрезмерной критики ошибок товарища Мао. Поступать так и пытаться очернить товарища Мао — значит пытаться очернить нашу партию и наше государство». На повседневном уровне принципиальных изменений в отношении к Мао Цзэдуну также не произошло. Для сотен миллионов китайцев Мао — национальный герой, объединивший страну. Его ставят вровень с великими императорами и считают как полубога. «При Мао был порядок!» — говорит пожилой китаец, вспоминая о стабильных годах и равенстве, вплоть до одежды. Молодой предельно-безработный с горечью роняет: «Когда называют имя Мао, я всегда вспоминаю его выщербленную миску для риса и вижу шикарные «мердесы», на которых разъезжают сегодня наши чиновники».

В декабре 1993 года в Китае отмечали 100-тие со дня рождения Великого кормчего. Нануне юбилея сотрудники одного из научно-исследовательских институтов с помощью ЭВМ

проанализировали труды и выступления Мао Цзэдуна. Выяснилось, что чаще всех (913 раз) он упоминал Карла Маркса, затем — Ленина (613 раз). Что касается лексики, то самые распространенные в устах Мао слова: «революция», «класс», «война», «диктатура», «политика». Самыми знаменитыми политическими лозунгами Мао были такие, как «опираться на собственные силы», «извлекать уроки из прошлого в назидание на будущее», «бунт — дело правое», «винтовка рождает власть»²².

Юбилей Мао Цзэдуна вызвал новый всплеск национальной гордости у многих китайцев. С восторгом писали о том, что флер загадочности и непредсказуемости Председателя Мао часто смущал зарубежных лидеров. Сердца простых китайцев чаще бились от гордости за свою страну, когда они вспоминали о пренебрежительном отношении Великого Кормчего к загранице и о его гегемонистских замашках.

Однако жизненная трагедия Мао Цзэдуна в том, что вся последующая история и день сегодняшний отрицают его социальный эксперимент как аномалию. Великий кормчий хотел указать путь всему человечеству, но в итоге оказался на обочине истории. Впрочем, кто знает, что будет завтра?!

Низамутдинов А. Пол Пот // Эхо планеты. 1990. № 4-5.

Рыбаков В.А. Опустошительная сила догмы // Проблемы мира и социализма. 1980. № 8.

Самородный О. Кто вы, товарищ Пол Пот? // Радуга. 1989. № 11.

Скорцов В. Кампучия: спасение свободы. М., 1980.

Мао Цзэдун

Барач Д. Дэн Сяопин. М., 1989.

Босев К. Тайфун. Записки из Китая, М., 1978.

Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун. «Наш коронный номер — это война, диктатура». М., 1976.

Делюсин Л. Десятилетняя смута или две революции // Азия и Африка сегодня. 1997. № 12.

Делюсин Л. Гений или злодей? Уроки одного юбилея // Азия и Африка сегодня. 1994. № 12.

Горбачев Б. Дом памяти Мао и память народа // Азия и Африка сегодня. 1995. № 12.

Китай: история в лицах и событиях. М., 1991.

Ли Чжисуй. Мао Цзэдун. Записки личного врача. Минск, 1996.

Мясников В. С. Мао Цзэдун // Вопросы истории. 1990. № 1.

Солженицын Е. От горсти риса — до сотовой связи // Новый мир. 1996. № 12.

Толкачев С. Мао жил, Мао жив, Мао будет жить // Столица. 1994. № 12.

Чудодеев А. Тайна самолета «256» // Новое время. 1991. № 32.

Содержание

Вступление	9
Утро Аугусто Пиночета	
1. Сальвадор Альенде	17
2. Армия	29
3. Диктатор	42
4. Трудные восьмидесятые	59
5. Уход	69
Чаушеску и «золотая эра» Румынии	87
1. Восхождение.....	94
2. Великий кондукатор: культ без личности	101
3. «Золотой век» Румынии	112
4. Кондукатор и внешний мир	122
5. Апогей	131
6. «Антихрист был убит в Рождество»	138
Пирамида из двух миллионов черепов	171
1. Рождение революционера	178
2. Идеология и власть	191
3. «Черная утопия»	203
4. Посланцы ада	218
5. Снова в джунглях	227
Мао Цзэдун — Великий кормчий	237
1. Становление	244
2. Председатель Мао	255
3. «Большой скачок»	263
4. Смута	276
5. Десять тысяч лет жизни Председателю Мао!	285
6. «Изгнание духов»	298
Примечания	306
Библиография	313